75-летию Великой Победы посвящается...

ВИТАЛИЙ БУДЁННЫЙ

Улицы воинской славы

Их именами названы улицы Воронежа и Воронежской области

Книга издана при содействии и финансовой поддержке
союза «Торгово-промышленная палата Воронежской области»
2020 г.

Содержание

Вступление 4
Мимо не пролетят (Лидия Рябцева) 5
Журнал боевых действий (Дмитрий Фоломеев) 9
Двое на одного (Сергей Новиков) 16
10 дней до конца войны (Николай Шендриков) 21
Воины в поле (Женя Седов) 25
Фронтовая семья (Михаил Вайцеховский) 29
Первый бой (Дмитрий Чеботарёв) 33
Дети Мамкина (Александр Мамкин) 38
Ударная группа (Валентин Куколкин) 43
Полундра! (Пётр Шумейко) 47
Три брата (Александр Лизюков) 53
Первый заполярный огненный таран (Алексей Небольсин) 62
А пулемёт продолжал стрелять… (Василий Захарченко) 66
Единственная женщина (Екатерина Зеленко) 70
400 километров над землёй (Константин Феоктистов) 73
Теперь моя очередь (Степан Паринов) 78
Руки не опускать (Яков Крейзер) 85
Четыре войны хирурга Бурденко (Николай Бурденко) 90
Огонь на себя (Митрофан Машин) 98
Спасти людей (Андрей Серебряков) 102
Воспитанник Красной армии (Емельян Лишенко) 105
Постоянная величина (Василий Попков) 109
День в музее (Василий Путилин) 115
Собиратели земли Русской (Богдан Колчигин) 119
Телеграмма (Василий Богачёв) 126
Храбрый доктор (Ревекка Мухина) 131
«Захар на трассе, встречайте…» (Анатолий Иванов) 135
Три смерти поэта (Василий Кубанёв) 143

Связующая нить (Иван Меркулов)..... 147
Второй после Сталина (Пётр Трайнин)..... 151
Трамвайная остановка (Георгий Одинцов)..... 156
«Моя рота, мои ребята» (Геннадий Вавилов)..... 160
Час медсестры (Надя Коваленко)..... 165
Через три реки (Иван Артамонов)..... 169
Шесть часов войны полковника Остроухова (Лев Остроухов)..... 179
На земле и в небе (Виктор Турбин, Анатолий Рубахин)..... 185
Семь слагаемых успеха (Филипп Лохматиков)..... 192
Самый дорогой человек (Костя Стрелюк)..... 198
Большие люди из маленького города (Алексей Леженин)..... 207
Простое везение (Семён Перевёрткин)..... 213
Страшная быль (Андрей Санников)..... 217
Библиография..... 220

Вступление

Прочёл книгу на одном дыхании. Такое впечатление, что автор сам был в танке КВ-1 рядом с Андреем Серебряковым на трассе к Подклетному. Подавал ленту к станковому пулемёту в схватке за Холм. Взрывал нефтяные скважины Дрогобыча вместе с Костей Стрелюком в боевых порядках партизан Ковпака. Книга читается под мелодию марша Бессмертному полку солдат, отдавших жизнь за вечную Россию. И, значит, будет в память живым поколениям россиян ещё, как минимум, сто лет. Дай Бог.

Я не оговорился. Есть мнение, если человека бьют, то у человека, увидевшего чужую трагедию, на теле возникают рубцы от ран. Виталий Будённый именно так воспринял, очень близко, с сопереживанием, подвиги защитников Родины.

Спасибо ему за это!

Титоренко Николай Никифорович
Контр-адмирал, писатель-документалист,
Лауреат премии Правительства Российской Федерации (2000 г.)

Рябцева
Лидия Васильевна

(1921 — 16 июля 1942)

Родилась в деревне Перекоповка.
Вместе с родителями переехала в Воронеж.
Работала на заводе им. Коминтерна.

Красноармеец, наводчик зенитной установки
4-го зенитно-пулемётного полка.

улица Лидии Рябцевой (г. Воронеж)

Мимо не пролетят

Тугой мяч летел на ту сторону площадки, где была Лида. Девушка волновалась. Сможет ли она отбить мяч? Не подведёт ли команду? Лида совсем недавно приехала из деревни Перекоповка в город Воронеж. Пошла работать. Ребята на заводе Коминтерна оказались дружные, научили её играть в волейбол. Лида сразу влюбилась в эту игру. Да и не только она. Столько народу собиралось после работы в одном из соседних дворов — мячу негде упасть. И начинается: мяч налево, мяч направо. Зрители шумят, болеют. Когда мяч летит через сетку на ту сторону, так и хочется, чтобы он упал на землю. А когда летит через сетку к тебе, только и думаешь: хоть бы не упал. Лида в жизни спокойная, а на площадке — огонь. Бегает, кричит, спотыкается, злится, когда проигрывает. Только подаёт она плохо. И решающие мячи ей бить не дают. Раза два дали, так она как врезала — точно в окно. Соседка высунулась по пояс, ругается:

— Безобразники! Если вы так в волейбол не умеете играть, то что зимой будет? Когда в хоккей начнёте?

После знаменитых попаданий в окно над Лидой взял шефство Сень-

ка Рогозин. Самый лучший игрок их команды, между прочим. Вот у кого удар так удар. Взлетит над сеткой, натянется, как лук, и бьёт. Мимо блока. С любой руки. Очень сильный удар. Два мяча уже порвал. Лида даже покраснела от волнения, когда такой человек к ней подошёл.

— Ты это, — пробормотал Сенька, — ты, в общем, кистью больше. Когда по мячу бьёшь, в конце загибай кисть. Тогда будешь в площадку попадать. А не в окна. Окна, значит, у нас во дворе должны быть целыми.

Это было летом 1940 года. Через два года в Воронеже не осталось ни одного целого окна. И почти ни одного целого дома. Лиде тоже не до волейбола. Сейчас красноармеец Лидия Рябцева — наводчица зенитно-пулемётной установки 4-го зенитно-пулемётного полка 3-й дивизии ПВО. В Воронеже идут страшные бои. Это фашистский план «Блау» в дьявольском воплощении. Немецкие листовки того времени хвастливо заявляли: «Солдаты! За два года войны вся Европа склонилась перед вами. Вам осталось взять Воронеж. Вот он перед вами.

Возьмите его, заставьте склониться. Воронеж — это конец войны».

Если немцы возьмут город, они откроют себе дорогу к Волге. Обрушат двойной удар на Сталинград, защитники которого и так будут сражаться из последних сил. После Сталинграда фашистам уже ничто не помешает отрезать Красную армию от бакинской и грозненской нефти. Без топлива наши войска остановятся. Не полетят самолёты. Замрут танки. Останутся в портах корабли. Одной пехотой долго не повоюешь, и огромная прекрасная страна окажется под фашистским сапогом. Без вариантов.

Поэтому фашисты стирают Воронеж с лица земли. Русское небо стало чёрным от бомб. Русская земля — красной от крови. Бомбардировщики бомбят и улетают. Вместо них прилетают новые. И так бесконечно. В этом месиве в районе СХИ вместе со всеми воюет и наш полуразбитый ГАЗ-АА. На нём смонтирована зенитная пулемётная установка. Четыре пулемёта «максим» вместе. Стрельбу по самолётам врага ведёт наводчица Лида Рябцева. Ей двадцать лет, ей страшно, но она злая. Пальцы вцепились в гашетку. В Лидином прицеле «Юнкерс-88». У него внутри 250 осколочных двухкилограммовых бомб. Это сотни тысяч осколков. Фашистский стервятник уже начал свой манёвр. Он пикирует в район Лысой горы и Дома отдыха имени Горького. Там сосредоточены наши подразделения, которые защищают переправу через реку Воронеж. По этой переправе поступает подкрепление и боеприпасы. Без неё не удержать район СХИ — очень важную высоту. Если отдать эту высоту, фашисты прорвутся на левый берег города и сломят сопротивление его защитников. Ещё полминуты лёта, и Лидин «юнкерс» откроет бомболюк. Сотни тысяч осколков будут впиваться в тела наших бойцов и убивать их.

Лида даёт очередь. Из четырёх стволов вылетают двадцать пуль в секунду. Мимо. Ещё очередь. Снова промах. Уйдёт, гад. «Да когда же я стрелять научусь, дура». Ещё очередь. Есть! Задымил. Огромный, двухмоторный, десятитонный. Объят пламенем, завалился на крыло и пошёл в землю. Порадоваться бы, но на это нет времени. Ещё один 88-й «юнкерс» заметил наш меткий зенитный расчёт и принял решение его уничтожить.

— Вон туда, Ганс, — перекрикивая шум моторов, громко говорит немецкий пилот штурману, который сидит справа от него. И для верности показывает кривым пальцем.

— Вижу, — спокойно кивает штурман, готовясь к стрельбе, — сейчас сделаем.

Немецкая машина летит с высоты прямо на Лиду. Как когда-то волейбольный мяч. Только теперь нужно, чтобы он упал. Восемь пулемётов грызут землю вокруг зенитного расчёта.

— Огонь, — шепчет девушка искусанными в кровь губами, — огонь, Лидка!

Очередь прошивает моторный отсек «юнкерса». На скорости 3 000 километров в час пули бьют в двигатель, рвут металл, клинят поршни и разрушают бензонасос. Конец тебе, «юнкерс». Бензин хлещет на раскалённый мотор и мгновенно загорается. Языки пламени слизывают черную свастику.

— Попали! — сотни наших солдат наблюдают из окопов. — Молодцы, девчонки!

У Лиды Рябцевой на душе праздник. Она как будто слышит эту простую солдатскую похвалу.

«Буду после войны играть в волейбол, — думает девушка, — точно попаду в площадку. Если уж в два «юнкерса» попала».

И улыбается, представляя, как похвалит её Сенька Рогозин.

Через мгновение сброшенная со сбитого «юнкерса» фашистская бомба попадёт прямо в зенитную установку. Ничего не останется. Только кисти по-прежнему будут крепко сжимать рукоять замолчавшего пулемёта.

Фоломеев Дмитрий Сергеевич

(5 сентября 1913 — 4 июля 1954)

Родился в деревне Ивановка Рязанской губернии.

Лейтенант, командир взвода танков Т-34 106-й танковой бригады. Герой Советского Союза.

улица Фоломеева (г. Россошь)

Журнал боевых действий

Утро 15 января 1943 года

Идёт третий день Острогожско-Россошанской операции. Приведён в действие план наступления, разработанный в штабе 3-й танковой армии в Кантемировке при личном участии маршалов Жукова и Василевского и командующего Воронежским фронтом генерала Голикова. Задача операции — разгромить острогожско-россошанскую группировку противника, восстановить железнодорожное движение на участке Лиски — Кантемировка.

Вчера из-за обвального снегопада операция была перенесена с 6 ч на 10 ч 15 мин. утра. После начала наступления в течение дня 106-я танковая бригада освободила совхоз «Красный молот». Первыми, пройдя минное поле, ворвались в совхоз танки лейтенанта Фоломеева, младшего лейтенанта Кузнецова и начальника штаба батальона старшего лейтенанта Мудрика. За ними последовали

остальные. Особенно отличился экипаж лейтенанта Фоломеева, танк которого раздавил гусеницами три противотанковых орудия немцев.

В настоящий момент 106-я танковая бригада выдвигается в направлении города Россошь, имея задачу освободить город от оккупантов. В составе бригады двадцать боеспособных танков Т-34. Вернее, уже девятнадцать. «Тридцатьчетвёрка» лейтенанта Фоломеева застряла в овраге.

Ночь с 22 на 23 сентября 1942 года

10-я рота 310-го полицейского батальона и приданный ей взвод 9-й роты на автомашинах начинают движение из Мокран на восток к селу Борки. Расстояние семь километров. За ними следуют заблаговременно заготовленные повозки. На карте местности, имевшейся в распоряжении штаба 10-й роты, деревня Борки была показана замкнутой группой домов. В действительности оказалось, что селение имеет протяжённость 6 — 7 километров в длину и в ширину. Командир роты обер-лейтенант Мюллер принял решение увеличить дистанцию между постами, расширить окружение с востока и охватить деревню клещами.

Утро. 15 января 1943 года. Недалеко от совхоза «Красный молот».

— Недоглядели мы с тобой, Аксёнов.

— Так перед глазами всё белым-бело, товарищ лейтенант, — оправдывается механик-водитель, — вчера какая метель была! Тут никакого оврага не заметишь. Ах, ёлки-палки...

— Давно хотел спросить, Аксёнов. Ты откуда немецкий язык знаешь? В школе, что ли, отличником был?

— Да так в школе разве выучишь, товарищ лейтенант. Из Саратовской области я, село Берёзовое. Может, слышали? Там рядом с нами немецкая слобода. Мы ихних мальцов по-русски, а они нас по-немецки. Так вот и выучил. Правда, пока, кроме «хенде хох» и «гитлер капут», ничего не пригодилось.

— Ладно, Аксёнов, берём ребят и полезли смотреть, что нам пригодится, чтобы из оврага выбраться. А то вчера совхоз брали — были первыми, а сегодня станем последними.

6 часов утра 23 сентября 1942 года. Деревня Борки

Дед Афанасий уже два часа, как не спит. Всё сердце щемит, не даёт покоя. Сын у него на фронте, и дочь тоже — санитаркой. Второй сын, которого в армию не взяли из-за руки, в партизаны подался. Тревога за них не даёт деду Афанасию спать.

Издалека ещё заслышал он шум машин, чужую лающую речь. Злой стук в дверь заставил старика вздрогнуть. Он тяжело поднялся с кровати, шаркающей походкой подошёл к окну. Заплакала маленькая Лиза.

— Ребёнка разбудили, черти.

Сквозь помутневшее от времени стекло было видно: по улице медленно едут грузовики с немецкими полицейскими в шинелях и металлических шлемах, мотоциклы. Нетерпеливый стук повторился.

— Открывайт! Шнель! Шнель! Открывайт!

Старик отодвинул засов. Дверь распахнулась, больно ударив его по руке. В дом, поклонившись низкой притолоке, вошли два немца.

— Хераус! Хераус! Аллес хераус! Шнель! Шнель!

— Деда, какую ему шинель? — спросил ничего не понимающий спросонья внучок Гришутка.

— Промеж рогов бы ему топором, а не шинель, — выругался дед Афанасий.

— Я! Я! — обрадовался немец. — Шнель! Хераус! Собирайт! Площад. Шнель!

Спускаясь с крыльца, фашист задел ногой велосипед, который ещё до войны из разных сломанных велосипедов и других деталей смастерил Гришутке отец.

— О, руссишь аэроплан! — засмеялся немец. — Ха-ха! Кастрюль на колёсах!

Сам отец уже год, как на фронте. Вестей от него нет. Может, в окружении, может, погиб или без вести пропал. А про велосипед Гришутка тогда спросил:

— Батяня, а он крепкий?

— Ещё какой! — улыбнулся перегнувшийся через плетень сосед. — Такой лисапед тебя переживёт.

Полдень. 15 января 1943 года. Недалеко от совхоза «Красный молот»

«Тридцатьчетвёрка», взревев мотором и кроша подложенные под гусеницы брёвна, выбирается из оврага.

— Куда теперь, командир? — спрашивает механик-водитель.

— Давай на Михайловку, — не отрываясь от «панорамы», отвечает Фоломеев, — видишь, горит она. Посмотрим, может, наши ещё там. Потом двинем на Россошь.

Механик кивнул и с помощью стрелка-радиста воткнул вторую передачу. Танк тронулся.

На подходе к Михайловке лейтенант Фоломеев заметил колонну немецких грузовиков, двигавшуюся к мосту.

— Уйдут, гады. Давай, Аксёнов, жми. Приказываю сходу атаковать колонну.

«Тридцатьчетвёрка» пролетела сожжённую фашистами Михайловку. После деревни — по полю, оставляя за собой шлейф из белого снега и чёрного дыма. Короткая остановка, выстрел, вперёд. Остановка, выстрел, вперёд. Танк лейтенанта Фоломеева сходу врезался в колонну, сразу же превратив несколько грузовиков в груду искорёженного металла. В панике разбегавшихся уцелевших фашистов добивал из танкового пулемёта стрелок-радист. Через двадцать минут всё было кончено. «Тридцатьчетвёрка» остановилась у разбитого автобуса.

— Посмотри внутри, может, штабной, — сказал Фоломеев мехводу, — ты по-немецки кумекаешь. А я попробую с бригадой на связь выйти.

9 часов утра 23 сентября 1942 года. Деревня Борки

На площади все жители деревни, от мала до велика. В основном здесь женщины, старики и дети. Мужчины в Красной армии или в партизанах.

— Деда, зачем нас сюда? — спрашивает Гришутка.

— А леший их знает, — сердито отвечает согнувшийся в пояснице дед Афанасий, — может, докУменты проверять будут. Он так и сказал: докУменты, с ударением на втором слоге. — Всю жисть с этими докУментами морока.

— Мне тоже докУменты выдадут? — спросил Гришатка.

— Тебе? — удивился смелости внука дед. — Нет, брат, тебе выдадут хорошую оплеуху. За то, что ты матерю не слушаешься.

Группу людей собрали и куда-то повели под конвоем. Оставшиеся провожали их полными тревоги взглядами. У всех один вопрос: зачем собрали? Погонят рыть окопы? Но фронт давно ушёл на восток. Что

проклятым фрицам надо? Матери боязливо прижимали к себе детей. Далеко, метров за 700, раздались хлопки.

«Наши! Партизаны!» — была первая мысль.

Ещё хлопки, ещё. Автоматные очереди. Немцы спокойны и деловиты — значит, не партизаны. А то бы уже забегали тут с перепугу. Боятся партизан, горит у захватчиков под ногами земля. Здесь, в Борках, почти из каждого второго дома кто-нибудь да ушёл в лес. Собрали вторую группу и увели. Через двадцать минут снова хлопки.

— Они там расстреливают, — догадалась женщина с ребёнком на руках.

И сразу два подростка из толпы бросились бежать. Кашлянул смертью спрятанный до этого в кустах лёгкий немецкий пулемёт. Оба беглеца рухнули, как подкошенные. Толпа забурлила, заволновалась, готовая выплеснуться за дома и дворами уходить в лес. Появились ещё четыре пулемёта. Очереди поверх голов быстро успокоили людей. Селяне испуганно притихли. Их продолжали уводить небольшими группами. Уже всем, кроме детей, было ясно, для чего. Время шло. Одиннадцать часов, полдень, три часа дня. На площади всё меньше народа. В одной из последних групп дед Афанасий, Гришутка и ещё человек двадцать. Через 700 метров всех выстраивают на краю оврага. Кто оглянулся и посмотрел вниз, тот содрогнулся от ужаса. Расстрельная команда вышла на линию огня. С дедом Афанасием произошла перемена. Он вдруг распрямился, стал большим, как памятник, шагнул вперёд. Борода развевается на ветру, глаза горят ненавистью.

— И детей не жалеете, нечисти! Проклянёт вас Господь, как я проклинаю! Узнает ещё мир о кровавых преступлениях ва...

Автоматная очередь отбрасывает деда назад. Он еще полминуты стоит, качаясь, потом опрокидывается в овраг.

— Рустиг альтман, — говорит немецкий офицер, — крепкий старик. Толко фесь мир не узнайт. Фесь мир будет рабы Феликого рейха. Готовсь! Фойа! Огонь! Фойа! Огонь! Фойа! Фойа! Фойа!

15 января 1943 года. Мост у села Михайловка

— Что-то Аксёнова давно нет, — после сеанса связи с комбригом сказал Фоломеев заряжающему, — пойду посмотрю.

Он осторожно влезает в развороченный автобус. Тут всё в стекле

и крови. Приходится перешагивать через трупы. Валяются разбитые ящики с документами. Над одним из них сидит Аксёнов. У него серое, окаменелое лицо. На щеке след от слезы.

— Ты что, Аксёнов?

— Вот, случайно наткнулся, товарищ лейтенант, — глухим, не своим голосом отвечает Аксёнов и показывает Фоломееву журнал. — Журнал боевых действий 310-го полицейского батальона. Просто открыл на середине. Прочитал.

— Что ты мне протягиваешь? — сказал Фоломеев. — Я по-немецки читать не умею.

— Это отчёт. Я прочитаю. Деревня Борисовка. Расстреляно мужчин 49, женщин 97, детей 23. Деревня Заболотье. Расстреляны 289 лиц. Сожжён 151 двор. Деревня Борки. Расстреляно мужчин 203, женщин 372, детей 130. Всего 705 лиц. При действиях в Борках израсходовано винтовочных патронов — 786, патронов для автоматов — 2 496...

— Грузим всё в танк, — глядя в пол, сказал Фоломеев.

10 часов вечера 23 сентября 1942 года. Дорога из Борок в Мокраны

По дороге в сопровождении полицейских движется домашний скот и более ста телег, гружённых зерном и сельскохозяйственным инвентарём. На одной из повозок, свесивши колесо, лежит велосипед Гришутки.

Ночь с 16 на 17 января 1943 года. Село Татарино

Двигаясь на соединение со своей бригадой, экипаж танка лейтенанта Фоломеева попал в засаду. Против одной «тридцатьчетвёрки» действовало до батальона пехоты с артиллерией и миномётами. Завязался неравный бой. Когда наш танк подминал под себя противотанковые пушки, давил пулемёты вместе с расчётами, расстреливал гитлеровцев, лейтенант Фоломеев, разрываемый ненавистью и в кровь кусая губы, повторял, как заведённый: «Борисовка. 23 ребёнка. Борки. 130 детей. Израсходовано 786 винтовочных патронов. Сволочи. Борисовка. 23 ребёнка...»

15 января 1946 года. Нюрнберг. Здание суда

На заседании трибунала выступает Лев Николаевич Смирнов, помощник главного обвинителя от СССР: «В январе 1943 года на Воронежском фронте частями Советской армии захвачены документы 3-го батальона 15-го немецкого полицейского полка (бывший 310-й полицейский батальон), в том числе журнал боевых действий этого батальона, главной задачей которого, как видно из захваченных документов, была борьба с партизанами. В итоге «деятельности» полка на территории Советского Союза за два с половиной месяца, с 6 сентября по 24 ноября 1942 г., было уничтожено 44 837 человек. Из них 113 партизан. Остальные — мирные жители: старики, женщины, дети».

Новиков
Сергей Трофимович

(15 июля 1925 — 5 ноября 1943)

Родился в селе Петровка. С 8 лет проживал в Воронеже. Работал на авиационном заводе.

Сержант, командир отделения 550-го стрелкового полка. Во время боёв за город Мелитополь лично гранатами подбил два «Тигра». Герой Советского Союза.

улица Новикова (г. Воронеж)

Двое на одного

Если смотреть на него снизу, вдавив от страха своё тело в землю, он чудовище. 56 тонн непробиваемого ужаса, сделанного в Германии. Гусеницы ползут на тебя, у них нет начала и нет конца. Они корёжат землю и даже не заметят — смешают тебя с этой землёй. Башня, как квадратная голова, и низкий скошенный лоб варвара, не знающего жалости и пощады. Башня вращается, водит пятиметровой пушкой, и, когда пушка выстрелит, мало не покажется никому. Это немецкий танк «тигр». Самый жестокий зверь XX века.

Серёжа Новиков усталой рукой вытер пот со лба. Длинный рабочий день подошёл к концу. В окно цеха было видно, как взлетает ещё один Ил-2. Серёжа немного гордился, что в этом самолёте, который сейчас уже стал точкой в небе, есть доля и его труда. Он любил самолёты, только не понимал, как они летают. В деревне, где он родился, летали только птицы. Серёжа мечтал, что когда-нибудь наступит счастливый день и он тоже полетит на самолёте.

— Обязательно полетишь, Серёжа, — подбадривал его старый мастер Иван Петрович, — правда, я вот уже сколько лет делаю самолёты и ещё ни разу не летал. Но ты полетишь.

Это было чуть меньше года назад. Как будто в прошлой жизни. Сейчас у сержанта Новикова может быть только один полёт — в небо навсегда. На него медленно ползёт «тигр». Огромной машине тесно на улице Мелитополя. Сердцу сержанта Новикова тесно в груди, оно вырывается наружу от страха. За первым «тигром» идёт второй, прикрывает первый. За вторым цепь немцев. Дрожит земля. Ревут моторы. Танковые пулемёты поливают всё вокруг смертельным огнём.

«Уже не выберусь», — думает Новиков.

Это восемнадцатая контратака фашистов на позиции их батальона за сегодня. Много раненых. Кончаются и силы, и патроны. Остались ещё две противотанковые гранаты, но под таким огнём их не успеешь бросить, как тебя убьют. Сержант Новиков осторожно высунул голову из неглубокой канавы, в которой он укрывался. «Тигр» остановился.

— Если остановился, будет стрелять, — прошептал сам себе сержант.

Башня первого танка медленно повернулась влево. Теперь ствол направлен в сторону полуразрушенного дома. В этот дом, у которого ещё сохранились стены, сносили наших раненых. И танк сейчас откроет огонь. По раненым, истекающим кровью людям. Прогремит выстрел, стена обрушится и завалит их всех. Думать было некогда. В одно мгновенье сержант Новиков выдернул кольцо и бросил гранату. Ему повезло, что танковый пулемёт в это время стрелял в другую сторону и не разрезал его очередью пополам. Раздался взрыв.

«Промахнулся, наверное, — с досадой подумал сержант, — ничего, есть вторая».

— Похоже, нас взорвали, — прокричал механик-водитель «тигра» командиру, — нужно проверить.

«Тигр» вздрогнул и начал движение. И тут же завертелся на одном месте. Граната Новикова попала в переднее ведущее колесо и вывела его из строя.

— Аллес! Капут! — прокричал механик-водитель. — Всё! Конечная!

Командир второго «тигра» принял решение обойти подбитый танк и открыть огонь по дому. Видимо, перед фашистами была поставлена задача уничтожить наших раненых, чтобы нагнать страх на остальных и сломить боевой дух. На узкой улице двум «тиграм» было тес-

но. Совершая манёвр, второй танк подставил сержанту корму. Здесь, за башней, расположены жалюзи, прикрывающие воздухоприток и вентиляторы. Это уязвимое место «тигра». Граната попадает точно, и танк загорается. Фашисты один за другим выпрыгивают из своих теперь уже не боевых машин и попадают под меткий огонь сержанта.

Неожиданная потеря двух «тигров» насторожила немцев, и больше атак в этот день не было.

Прошло ещё два дня напряжённых уличных боёв. Во время ночной передышки взвод автоматчиков сержанта Новикова расположился в двух чудом уцелевших домах. Измотанные бойцы спят прямо на голом бетонном полу, укутавшись шинелями. Только к Новикову сон не идёт. Он почему-то вспомнил мастера Ивана Петровича. Как до войны тот подошёл к нему и сказал:

— Слушай, паренёк. Посмотрел я, как ты самолёты провожаешь, и подумал: договорюсь с испытателями. Чтобы взяли тебя, когда можно будет. Так что готовься...

Сержант Новиков помнил, как он тогда обрадовался. Неужели полетит? В первый раз?

— Новиков! — услышал он голос комбата. — Ко мне!

— Есть! — быстро поднялся сержант.

— Ты принял командование, когда ранило командира взвода?

— Так точно, товарищ капитан.

— Поднимай бойцов. Разведка доложила, немцы пошли в ночную атаку. Восемь танков и пехота до двух батальонов.

— Много, товарищ капитан.

— Вот и я говорю, много. Они, видишь, зубами вцепились, потому что если мы Мелитополь возьмём — считай, дорога на Крым открыта. В общем, так, слушай задачу. Со своим взводом выдвинешься вперёд. Задержишь немцев, прикроешь наш отход. Иначе всех накроют. А мне людей беречь нужно, и так мало осталось. Справишься, сержант?

— Постараюсь, товарищ капитан.

— Вот-вот, постарайся. Немецкие танкисты тебя уже боятся. Говорят, если Новиков в обороне с гранатами, мы воевать не пойдём.

— Хорошо бы их лётчики ещё так говорили, товарищ капитан.

— Будут, будут говорить, Новиков. Если гранату до них добросишь. Вот изобретут гранату против «юнкерсов» — тебе первому дадут кинуть.

И капитан похлопал Сергея по плечу.

— Не подведи, сержант. На тебя вся надежда.

— Так точно, товарищ капитан.

Выполняя приказ, сержант Новиков действовал грамотно и хладнокровно. Воевал не числом, а уменьем. Автоматчики его взвода меняли позиции, незаметно перемещаясь между домами и развалинами. Немцам казалось, что по ним стреляет полгорода. И хотя у них был приказ: под страхом смерти не отдавать ни одного дома, фашисты отступили. Батальон избежал потерь, перегруппировался и успешно продолжил наступление. А уже на следующий день Мелитополь был взят. Командир полка гвардии подполковник Георгий Степанович Иванищев представил Новикова к высшей награде.

А сам сержант во время передышки рассказывал боевым товарищам:

— Авиазавод, на котором я работал, осенью 41-го эвакуировали. Пожили мы ещё в Воронеже, а потом уехали в свою родную Петровку. Работал я там в колхозе. Как-то раз слышу, ребятня бежит: «Серёжка! Серёжка! Там на поле самолёт приземлился!» Ну, все ж знали, что я на авиационном работал. То есть у нас в деревне я был, ну, как Чкалов для всей страны. Побежали мы на поле, а там Ил-2, родной, воронежский, я же их тоже собирал! Ну, думаю, Петрович слово сдержал, до-

говорился с испытателями. В шутку, конечно, подумал, несерьёзно. Мы штурмовик этот всю ночь ремонтировали. Кострами подсвечивали. А мне же на заводе интересно было, я много смотрел, спрашивал. В общем, знаю немного, что в самолёте где завинчено и как прикручено. Вот и помог лётчику. Сергей его звали, как и меня. Только постарше он был. «Ну, тёзка, — говорит лётчик, — спасибо тебе. Без тебя бы я не справился. Садись, как говорится, прокачу!» И показывает в сторону кабины. Я ушам своим не поверил. Неужели, думаю, сейчас это всё и случится? Увижу землю свою родную, как её птицы видят! Эх, и везучий я человек! Тут опять бежит ребятня и кричит: «Серёжка! Серёжка! Председатель сказал, тебе в сельсовет повестка пришла. Сказал, пусть срочно домой летит». Так вот я и полетел.

Тут сержант Новиков немного грустно улыбнулся и развёл руками. Бойцы его взвода крепко спали.

Через десять дней Герой Советского Союза сержант Сергей Новиков в жестоком бою получил смертельное ранение в голову. Ему было 18 лет.

Шендриков
Николай Степанович

(14 декабря 1921 — 29 апреля 1945)

Родился в селе Меловатка Воронежской области. Работал на Воронежском авиационном заводе.

Гвардии младший лейтенант, командир взвода 1-го танкового батальона 53-й гвардейской танковой бригады. Герой Советского Союза.

улица Шендрикова (г. Воронеж)

10 дней до конца войны

Вероломно вторгаясь в Советский Союз, фашисты рассчитывали войти в Москву через три месяца. Как они это себе представляли?

Москва вычищена до блеска, сверкает на солнце вымытыми стёклами, добродушные нарядные москвичи с цветами и портретами немецких солдат радостно встречают колонны непобедимой немецкой бронетехники. Сбривший по такому случаю усы Сталин спускается с Мавзолея и вручает немецким генералам ключи от города, хлеб-соль и по матрёшке каждому.

Или так: немцы входят в Москву, но город встречает их тишиной. Город пуст, покинут людьми и животными. Здесь нет ни крошки еды, ни капли воды. Продукты вывезены, водопроводы отравлены. Нечем топить дома, москвичи сожгли весь уголь и дрова. Но немцы всё равно нагло ухмыляются: помня неудачу Наполеона, колбасу, пиво и топливо они притащили с собой.

Или так: несмотря ни на что, Красная армия и весь советский народ сражаются за Москву до последнего...

Хотя сейчас уже не важно, что рисовало фашистам их больное воображение 1 408 дней назад. Сейчас они своими глазами видят ту же картину — только наоборот. Красная армия ведёт бои на улицах Берлина. Шаг за шагом круша на своём пути остатки того, что называло себя великим Третьим Рейхом. Тем самым Третьим Рейхом, который шутя растоптал всю Европу и занёс свой кованый сапог над русской землёй. Но как занёс, так и вылетел из этого сапога уже по частям.

Сейчас, в конце апреля 1945 года, Берлин выглядит непривычно. Дома с выбитыми окнами и покорёженными рамами, дома в огне и дыму, дома, от которых остались только стены или только воспоминания. Улицы завалены битым кирпичом, кусками бетона и железа, разбитой мебелью. Повсюду видны остатки сожжённой и взорванной немецкой техники, остовы грузовых и легковых автомобилей. Много искорёженных прямыми попаданиями зенитных орудий. Безжизненные трамваи с рекламой по бокам, изрешеченные осколками, остановились не на остановках. Das Ende. Конец.

Но агония Берлина была долгой и мучительной. Город оборонялся, и фундамент этой обороны обеспечивали огневые узлы. Их фашисты устраивали с присущей им зловещей изобретательностью: выбирали монументальный дом, под его стены глубоко вкапывали тяжёлые танки, маскировали их будками и киосками. Из окон первого этажа выглядывали в ожидании лёгкой добычи жерла противотанковых пушек. Выше, до самой крыши — пулемёты. В развалинах и подвалах прятались истребители танков, вооружённые фаустпатронами. В глубине дворов располагались миномётные батареи. Улицу перегораживали баррикадой. Обойти такой оборонительный узел невозможно. Сразу попадёшь под перекрёстный огонь соседнего узла и того, который обходишь. Остаётся одно — штурмовать в лоб. В общем, дойти до Берлина было ещё не всё. Надо было в этом Берлине выжить и победить.

Танки 53-й танковой бригады двигались по Кайзераллее к парку Тиргартен для выполнения боевой задачи: на 29 апреля был назначен общий штурм мощнейшей берлинской группировки, сконцентрированной в этом районе. Вечером 28 апреля в 100 метрах от пересечения Кайзераллее с Гинденбургштрассе танкисты вынуждены были остановить движение. Немцы перегородили всю улицу сверхтяжёлой баррикадой. Сбили из брёвен кубы со стороной три метра.

Заполнили их каменными валунами, железобетонными плитами, битым кирпичом. Потом навалили сверху земли и плотно утрамбовали. Такие кубы стояли поперёк улицы в четыре ряда. За баррикадой устроили мощную огневую точку из вкопанных «тигров» и противотанковых орудий. И затаились, наблюдая: что будут делать русские?

А русские сначала попробовали разбить сооружение выстрелами самоходных артиллерийских орудий. Не получилось. Тогда выдвинули на прямую наводку батарею особой мощности: две 203-мм гаубицы. Тут дело пошло. Бетонобойные снаряды пробивали брёвна, кромсали бетон. Но чтобы пробить следующий ряд, нужно было расчистить то, что осталось от предыдущего. Иначе снаряд попадал в завал и взрывался раньше времени. Расчисткой под непрерывным огнём немцев занимались сапёры и автоматчики. Освободят завал, и снова бьёт артиллерия. Снова сапёры рискуют жизнью. И так всю ночь до утра. Когда забрезжил рассвет, немцы увидели, что в их бастионе образовался проход. Шириною для одного или двух танков. Только в конце этого прохода оставался не до конца разбитый куб. И тут гаубицы прекратили огонь. Возможно, кончились снаряды. Фашисты почувствовали облегчение.

И зря. В группе советской бронетехники взревела мотором «тридцатьчетвёрка». Знаменитый русский танк дёрнулся с места и, с рёвом разогнавшись, точно вошёл в проделанный за ночь коридор. Три десятка тонн брони и металла врезались в оставшееся бетонное препятствие и пробили его. Танк вырвался на свободу на той стороне Кайзераллее и сразу стал лёгкой добычей фашистов. Он был подбит двумя противотанковыми снарядами и загорелся. Но всё равно двинулся вперёд, раздавил противотанковую пушку и только после этого замер навсегда.

Вслед за первым танком в образовавшийся пролом вошли остальные. Они расстреляли три закопанных «тигра», уничтожили противотанковую батарею и пошли дальше — добивать фашистского зверя. Только один экипаж остался, чтобы сбить пламя с «тридцатьчетвёрки» и вытащить тело механка-водителя.

В танке, который таранил заграждение, был только один танкист. Командир танкового взвода младший лейтенант Шендриков Николай Степанович двадцати трёх лет.

Когда наступил рассвет 29 апреля, он вместе с командиром 1-го батальона капитаном Ивушкиным подошёл к танку командира 53-й танковой бригады генерал-майора Архипова.

— Почему гаубицы не работают по баррикаде, Василий Сергеевич? — спросил Ивушкин.

— Кончились бетонобойные снаряды. Продвижение задерживается, — ответил Архипов, — а через час мы кровь из носу должны быть в районе парка Тиргартен...

— Могу попробовать пробить танком, — предложил Шендриков.

— А пробьёшь? — спросил молодого лейтенанта генерал-майор.

— Не уверен, — ответил Шендриков, — но попробовать надо.

— Если пробьёшь и выскочишь на той стороне, — сказал Ивушкин, — ничего не успеешь сделать. Они тебя подожгут.

— Знаю, — кивнул Шендриков, — поэтому пойду один. Я ведь начинал механиком-водителем.

И последний раз в жизни улыбнулся. Взревел мотор «тридцатьчетвёрки»...

Седов Женя

(1928 — 28 мая 1943)

Родился в селе Залиман Богучарского района Воронежской области. Прошёл курсы минёров. В 15 лет разминировал 2 005 мин.

улица Жени Седова (г. Богучар)

Воины в поле

В это тёплое майское утро 1943 года её сын уходил. Небольшая, ладно скроенная фигурка становилась всё меньше. Мама даже не заметила, как быстро походка сына из детской стала мужской. Вспомнила его первые шаги: она тогда так обрадовалась, как будто это не её малыш, а само счастье шагнуло навстречу. Мальчик рос, и материнское сердце выучило все его походки. Вот он идёт свободно и легко, только что не летит — значит, что-то хорошее приключилось, хочет с ней поделиться. Вот шагает рядом с отцом — оба спокойные, уверенные, рука в руке, жизнь в жизни. А это к друзьям собирается — бегом, всё бегом, а то не успеет к своим шалопаям, без него набедокурят. Теперь еле ноги передвигает, приближаться не хочет — это натворил что-нибудь. А вот тоже еле ноги передвигает, но на другой манер — весь день где-то пропадал, очень кушать хочет. Эту его походку она не видит, но больше всего любит: сейчас подойдёт, обнимет сзади за плечи, поцелует легко в платок, скажет: «Как же я люблю тебя, мамочка».

Теперь каждое утро провожает его, а на сердце кошки скребут — рано ведь ещё, пятнадцать лет всего мальчишке. Когда пришёл первый раз и сказал: «Мама, я записался в школу минёров, поедем с ребятами на курсы в Россошь», она даже не поняла, что он собрался минировать? Война наворотила бед и ушла с их земли — неужели может так быть, что она опять вернётся? Только когда он сказал, что не минировать, а разминировать, она стала в дверях: «Не пущу!»

Тогда он сел спокойно на скамейку у стола, усадил её рядом и сказал:

— Мама, посмотри, что вокруг творится. Мы живём на минном поле. Фашисты, уходя, всё заминировали. В сёлах не жизнь, а сплошной ужас. Ни в лес, ни в поле шагу ступить нельзя — на куски разорвёт. А эти подлые итальянские мины, раскрашенные под детские игрушки? Если где взрыв — ребятишки стремглав домой несутся, чтобы матери знали: не их ребёнок подорвался, сегодня беда мимо прошла. Но главное ты сама знаешь — как весной сеять будем? А не посеем — с голода помрём. Обидно будет: войну пережили, а тут... Немцы сеяли смерть, мы будем сеять хлеб. Поработаем, и минные поля снова станут пшеничными.

Она отпустила. Даже сама сказала: «Иди, сынок, с Богом».

Потом был выход на первое разминирование. Он в то утро завтракал плохо, сидел за столом белее мела. Поцеловал в щёку, ушёл. Она места себе не находила, весь день как в тумане. Ноги ватные, руки не слушаются. Вернулся под вечер: грязный, усталый, а глаза счастливые. «Мам, восемь мин! А всего с ребятами больше ста!» Она смотрела, как он с аппетитом ест, и думала: «Хоть бы завтра их не пустили».

Пустили. И завтра, и послезавтра, и каждый день. Хорошо, что с ними был Ильгов. Он только что прибыл из госпиталя после тяжёлого ранения. На фронте считался асом по разминированию. Все матери на него молились. Мальчишки выживали на минных полях только благодаря его урокам. Сын даже рассказывать стал:

— Знаешь, мам, у нас миноискателей нет пока. Так что сделали щупы из чего придётся — техники разбитой вокруг сколько хочешь. Идёшь по полю, протыкаешь землю. Чуешь, упёрся во что-то твёрдое. Дальше ошибаться нельзя: это в школе двойки не взрываются. Садишься на корточки, шаришь руками, щупаешь каждую горсть, ищешь — не тянется ли от мины проволочка или шнурок. Только потом можно её поднимать. Ага, противопехотная. Значит, внутри при-

мерно триста шариков. Если взорвётся, никто про тебя не скажет: «У него в голове шариков не хватает».

У неё холодеет внутри, а сын спокойно, как о будничной работе, продолжает рассказывать:

— Дальше всё просто. Сбоку от взрывателя есть отверстие для предохранительной чеки. Вставляем в него гвоздик, и дело в шляпе — мина безопасная. Так что не волнуйся, мама.

Так он её успокаивал. И радовался — в иной день удавалось «снимать» по нескольку десятков мин каждому. Тогда как по норме минёру полагалось обезвреживать не больше двенадцати мин в день. А они как-то раз на поле у села Филоново всем нормам вопреки разминировали по сто мин на человека! Правда, те мины были поставлены зимой под снег, а когда снег растаял, они оказались наверху и были хорошо видны. С минами, зарытыми в землю, дело обстояло намного хуже, и разминировать приходилось медленно. Работали от рассвета и до заката, уставали жутко, но никогда не унывали — всегда были весёлые и жизнерадостные.

А потом, как обухом по голове, пришла первая смерть. Мальчишки говорили, что это от усталости. Уже после обеда от жуткого напряжения пальцы начинает сводить судорогой, в глазах мутнеет — становишься как старик. Было бы хоть питание хорошее, а так... В оккупации полгода впроголодь, и сейчас на похлёбке да на мякинном хлебе. А работа адова. Откуда взять силы? И начались ошибки. Подорвался на мине Жора Зайцев. Она помнила, как билась от горя и безутешно рыдала его мать. Две недели назад Юре Близнюкову гранатой ноги оторвало. Сын рассказал ей потом, как всё произошло. В лесу, где было много убитых наших и итальянских солдат, Юрка нашёл неразорвавшиеся гранаты. Обычно они такие гранаты расстреливали из винтовок. Но эти притаились в кустах, их нужно было сначала вынести на видное место и потом расстрелять. Вот Юрка и понёс. Нечаянно рукавом зацепился за куст, одна граната выскользнула и взорвалась. Как он полз, оставляя за остатками ног кровавые полосы, как пальцами в землю впивался и рычал от боли — невозможно было смотреть.

После этих трагедий ещё страшнее стало каждое утро провожать сына на разминирование. Вот и сейчас он уходит, а под сердцем, там, где выносила его, снова поселяется старая нежеланная гостья. И не выгнать её, и дверь перед ней ни на какой замок не запереть. Мате-

ринская боль, которая измучила, изорвала сердца миллионов наших матерей, проводивших своих детей на войну. В святой этой боли не поставить точку, в ней одни чёрные вопросительные знаки. «Где ты, сынок, в окопе, в атаке? Есть ли кто рядом, чтобы помочь, вытащить, спасти? Дождусь ли? И нет его ближе, такого далёкого. Прости меня, родной, может, когда и поругала тебя, так не со зла...»

В окно увидела соседского Петьку. Неужто к ней бежит? Сердце захолонуло, пусто сделалось внутри, как провалилось всё куда-то.

— Тётя Маша, на залиманском лугу Женька ваш подорвался.

Когда бежала к сыну, только одна мысль билась — может, живой, только раненый, ведь всякое бывает, не может с ним ничего случиться, всё будет у нас хорошо.

Прибежала. Стоят все, низко головы опустили. Хотела пройти к нему, помочь ведь нужно, перевязать, до больницы добраться скорее. Председатель стал на пути:

— Нельзя тебе дальше, Мария Ивановна. Не ходи. Нет больше Женьки.

И когда она от страшного горя упала на землю и завыла, он как будто для себя сказал: «Там второй взрыватель был. Женя мину собой накрыл, чтобы ребят спасти».

Вайцеховский Михаил Емельянович

(2 апреля 1896 — 23 февраля 1942)

Родился в деревне Денисенки Витебской губернии.

Командир Воронежского добровольческого коммунистического полка.

улица Вайцеховского (г. Воронеж)

Фронтовая семья

Интересно устроен наш мир. Вода запоминает информацию. Листья превращают энергию солнечных лучей в энергию для живых существ, в том числе и для нас. Мягкий, податливый графит, из которого сделаны карандаши, под огромным давлением и при гигантской температуре превращается в самый твёрдый материал на земле — алмаз. На войне под давлением невыносимых испытаний и смертельной опасности никогда раньше не знавшие друг друга люди становятся фронтовой семьей.

Раненый красноармеец, теряя силы и кровь, под пулями и минами вытаскивает с поля боя своего товарища. Выходящие из окружения бойцы, по колено в болотной трясине, съедаемые мошкой, которая чёрными пятнами облепляет раны, голодные и смертельно уставшие, всё равно будут нести своего с перебитыми ногами командира. Будут нести и тогда, когда он прикажет им его бросить. Фронтовая семья — наши своих не бросают.

На поле боя подбит танк. В нём раненные осколками брони тан-

кисты. Если при попадании снаряда в танк броня не пробивается, снаряд взрывается снаружи. Сила взрыва разрушает внутреннюю поверхность брони, и тысячи отколовшихся осколков мечутся в крохотном пространстве танка, истязая танкистов. И нет места опаснее, чем рядом с подбитым танком, — оно уже пристреляно. Но ближайший танк на полной скорости подъезжает к подбитому. Резко тормозит. Из танка выскакивает башенный стрелок. Он знает, что у него в запасе короткие несколько секунд. Немецкий артиллерист уже подносит снаряд к противотанковой пушке. Осталось только зарядить и выстрелить. Танкист срывает буксировочный трос, тянет его, пригибаясь под пулями, и цепляет подбитый танк. Изо всех сил бежит обратно. Уже захлопывая люк, слышит и чувствует взрыв снаряда. Испытывая буксирный трос на разрыв, танк вывозит подбитую машину с поля боя и спасает танкистов. Фронтовая семья — прочнее брони.

Раненый лётчик с трудом сажает свой горящий штурмовик на пшеничное поле. Это территория врага. Бронетранспортёр с фашистскими автоматчиками направляется в сторону самолёта, чтобы захватить лётчика. Над полем кружит напарник раненого пилота. Он видит приближающихся немцев, но всё равно принимает решение и идёт на посадку. Два самолёта на поле рядом. Фашисты на ходу открывают огонь. Лётчик вытаскивает раненого товарища из горящего самолёта. Фашисты всё ближе. Пули свистят над головами, сбивают пшеничные колосья. Здесь одновременно пахнет деревенским детством и смертью. У раненого лётчика перебита нога. Большая потеря крови. Он, как может, прыгает на уцелевшей, чтобы успеть. Шансов выжить немного, фашисты всё ближе. Вот оба лётчика уже в кабине. Тесно, никак не могут сдвинуть фонарь. Короткий разбег и взлёт. Немецкий бронетранспортёр останавливается, из него выскакивают автоматчики и беспорядочно стреляют в воздух. После приземления механик насчитает сорок семь пулевых отверстий. Оба лётчика только улыбнутся в ответ. Фронтовая семья — это крылья твои.

Два артиллериста сидят у своей 76-мм пушки и неторопливо беседуют. Они воюют вместе уже давно, больше трёх месяцев. Тот, что постарше, рассказывает о своих пяти ребятишках и как он до войны возился с ними по выходным. Артиллерист помоложе спокойно слушает и улыбается, когда смешно. На передовой затишье. Немцы ведут

неприцельный беспокоящий огонь из миномётов. Одна мина звучит не так, как при недолёте или перелёте. Тот, что постарше, понимает это первым и сталкивает молодого в щель. Сам тоже прыгает, но не успевает. Фронтовая семья — на всю жизнь, даже если этой жизни осталась минута.

До места назначения было ехать ещё сутки, когда налетели «юнкерсы» и начали бомбардировку поезда с красными крестами на крышах вагонов. Первым споткнулся о взрыв бомбы и сошёл с рельсов паровоз. Несколько вагонов загорелись. Раненые выбираются, как могут. Неходячих стараются вынести на руках. «Юнкерсы» идут на второй заход. На третий. Хладнокровно делают свою адскую работу — уничтожают санитарный поезд. Бомбы у них закончились, но расстрелять беззащитных людей ещё есть чем. Два тяжелораненых моряка из предпоследнего вагона воевали на одном эсминце, изуродованы осколками одного и того же снаряда. Первый, с трудом передвигаясь, закрывает своим телом второго. Второй выживет, после войны будет учиться, много работать, станет директором завода. Когда его будут спрашивать о войне, он не сможет вспомнить ничего, кроме лица того, первого, когда его прошивала очередь из авиационного пулемёта. Фронтовая семья — не просто слова. Они написаны кровью убитых, выгрызены зубами тяжелораненых, вымыты слезами скорбящих и выбиты сердцами оставшихся в живых.

У полковника Михаила Вайцеховского — славное боевое прошлое. Ещё в Первую мировую его за храбрость наградили именным пистолетом от царя Николая II с надписью «Доблестнейшему из моих сынов. Николай». В Гражданскую он командовал ротой, полком, бригадой. Награждён именным пистолетом от Климента Ворошилова. Трижды награждён орденом Красного Знамени. С 1939 года жил в Воронеже. Здесь в начале Великой Отечественной войны был назначен командиром Воронежского добровольческого коммунистического полка. После разгрома немцев под Москвой полк, наступая в передовых рядах 1-й гвардейской стрелковой дивизии, продвинулся вперёд на 160 километров. Были освобождены более трёхсот деревень, сёл и городов. Уничтожено большое количество живой силы и техники гитлеровских захватчиков.

Наступил февраль 1942 года. Воронежский добровольческий полк вёл тяжелейшие бои за село Лески. Населённый пункт обороняли

крупные силы врага. Местность была на редкость выгодной для немцев. Наши части не имели возможности совершить обходной манёвр. Враг прекрасно понимал, какие преимущества получили бы русские, овладев Лесками, и был готов упорно обороняться.

Атака за атакой накатывалась на позиции фашистов, и каждый раз батальоны с потерями отходили обратно. 21 февраля на командный пункт полка прибыл командир дивизии генерал-майор Руссиянов.

— Вот что, Михаил Емельянович, — сказал он, пожав руку Вайцеховскому, — приказом командующего армией ты назначен командиром 18-й дивизии. Поздравляю с повышением. Сдавай дела и немедленно отправляйся на новое место.

— Спасибо, Иван Никитич, — ответил Вайцеховский. — Разрешите до завтра остаться в расположении полка? Хочу со своими взять Лески.

— Разрешаю, — кивнул Руссиянов.

Генерал без слов понял — командир полка не хотел в тяжёлую минуту бросать своих. За эти полгода смертельных боёв полк стал для него семьёй.

На следующий день по дороге на наблюдательный пункт Михаил Вайцеховский попал под обстрел и был тяжело ранен осколками мины в живот. Несмотря на усилия врачей, 23 февраля 1942 года полковника Вайцеховского не стало.

Чеботарёв Дмитрий Фёдорович

(1920 — 6 июля 1943)

Родился в Воронеже. После окончания школы работал в паровозном депо станции «Воронеж-2».

Гвардии младший сержант 212-го гвардейского стрелкового полка. Наводчик 45-мм пушки. Герой Советского Союза.

улица Чеботарёва (г. Воронеж)

Первый бой

Пушка 45-го калибра погибла на этой войне. Своими искорёженными металлическими руками-станинами она всё ещё держалась за землю, которую защищала. Ствол её, надломленный, смотрел вверх, как будто ждал чего-то от неба. Но неба не было. Вместо неба осталась беспросветная чёрная гарь только что ушедшего отсюда боя. Вокруг погибшей пушки разбросаны её артиллеристы. Вот в забытьи стонет подносчик снарядов Боря Капсудин, 19-летний парень из Биробиджана. Так и упал на ящик, из которого брал очередной снаряд, когда очередь курсового танкового пулемёта прошила ему спину. Его уже перевязывают две санитарки. А полчаса назад здесь всё было по-другому.

— Боря, снаряд! Боря! — кричал заряжающий Миша Исупов, призванный в Красную армию из Владивостока. — Боря, быстрее!

Боря уже не мог ни быстрее, ни медленнее. Он был тяжело ранен, и стонущее тело его, обмякнув, навалилось на ящик со снарядами. Исупов дружил с Борисом, хоть и был на 6 лет старше его. Но сейчас он не мог помочь: в 200 метрах от них немецкий средний

танк Pz-4 шёл на соседнюю батарею, подставив бок их орудию. Наводчик Дмитрий Чеботарёв уже вёл фашиста в панораме и кричал: «Заряжай!» Со словами «Я тебя сейчас перевяжу, Боря, только вот отобьёмся» Исупов переложил товарища, схватил снаряд и, пригнувшись под свистящими пулями, побежал к орудию. Мгновенье — снаряд подан, затвор закрыт, орудие к стрельбе готово. Выстрел. Бронебойный весом полтора килограмма вылетает из дула со скоростью 3 000 километров в час и через четверть секунды пробивает 30-мм боковую броню немецкого танка.

— Ещё один готов! — радуются артиллеристы. — Ну ты даёшь, Чеботарёв!

В этом бою они, меняя позицию, уже подожгли и подбили 6 средних танков, этот седьмой, подожгли тяжёлый «тигр», который потом взорвался, уничтожили 4 пулемётных расчёта и несколькими выстрелами сожгли одно самоходное орудие. Оно пряталось от них в лощине, а надо было — в Германии. Хотя и там бы достали. Несколькими осколочными выстрелами рассеяли наступающую пехоту, уничтожив до сотни солдат и офицеров. Недаром говорят: новичкам везёт. Ведь это первый бой для наводчика орудия 23-летнего младшего сержанта Дмитрия Чеботарёва. Одно точное попадание за другим. Наводит почти без промаха. Настоящий артиллерист-снайпер. Он родился в Воронеже, жил на улице Ворошиловской, дом 40, добросовестно работал токарем в железнодорожном депо станции «Воронеж-2». В 1943 году был призван в армию, окончил двухмесячные артиллерийские курсы — и на фронт, сюда, на Курскую дугу, на её северный фас, в район деревни Поныри. Более 1 400 танков и самоходных орудий было сосредоточено фашистами для удара в этом направлении. Ольховатка и Поныри стали главными ориентирами для немцев. Всё, что могло двигаться, двигалось в сторону Понырей и Ольховатки, сметая любую преграду на своём пути. Июльский ясный, светлый день превратился в жуткое месиво. Дым и пыль зачернили поле боя. Пылало всё: самолёты, танки, люди, а вместе с ними земля. Воздух перестал быть воздухом, он не давал дышать, а душил. Рёв авиационных моторов, взрывы бомб и стоны раненых мешали слышать команды. Как корабль на морской волне, качалась под ногами земля.

89 лет назад английские и французские стервятники напали на русскую Одессу. В Страстную субботу 10 английских и 9 французских лин-

коров, не считая менее крупных кораблей, подошли к берегам мирного 90-тысячного города и дали первый залп. Гарнизон Одессы в то время насчитывал лишь 1 100 штыков и 375 сабель, но сдаваться не собирался. Артиллеристы 6-й батареи под командованием 21-летнего прапорщика Александра Щёголева четырьмя орудиями вели неравный бой против трёхсот пятидесяти орудий вражеской эскадры, которые осыпали снарядами горстку храбрецов. Через 6 часов непрерывного боя 6-я батарея представляла собой море огня. Горело всё, но артиллеристы не сдавались. Нападавшие понесли серьёзные потери и решили, что русские канониры прикованы к своим пушкам цепями. На следующий день английская и французская эскадры трусливо покинули одесский рейд.

Немцы продолжали вести огонь по нашему орудию. Разрывы мин и снарядов всё ближе, слева и справа. Понятно, что враг захватил «сорокапятку» в вилку и вот-вот поведёт огонь на поражение. Сменить позицию времени нет: справа показалась группа танков. Метрах в пятнадцати позади пушки раздался взрыв. Чеботарёв услышал вскрик

замкового и одновременно почувствовал острую боль в спине. В глазах потемнело. Это осколок вражеского снаряда насквозь пробил его ровесника Степана Кузнецова, а самого Дмитрия только ранил. Стёпа спас его, закрыл своим телом от безжалостного металла, а сам лежал теперь без движения у орудия. Немецкие танки шли на них.

— Миша, неси снаряд, — сквозь боль сказал заряжающему Чеботарёв, — они уже наводят на нас.

Исупов метнулся за снарядом. Зарядил. Слабея от потери крови, Чеботарёв прильнул к окуляру панорамы, подвёл перекрестие под основание ближайшей к нему машины и нажал на спуск. Очередное попадание уже не удивило его. Ещё один средний танк Pz-3 получил повреждение и задымил. Младший сержант дрожащей от слабости рукой вытер грязный пот со лба и оглянулся. Кузнецов полулежал, облокотившись спиной о колесо пушки, голова его упала на грудь, он был уже неживой. Только заряжающий Миша Исупов и он, наводчик Дмитрий Чеботарёв, оба раненые, могли оказывать сопротивление наступающим танкам. Младший сержант сделал один выстрел, второй, третий. Все ложились рядом, но не попадали. Исупов всё медленнее подносит снаряды. Больше на промах у Чеботарёва нет времени. Он наводит пушку на цель. Выстрел. Есть попадание! Средний танк Pz-4 остановился и задымил. Надо добить гада. Миша Исупов, шатаясь, идёт за снарядом. Взрыв в расположении батареи. Взрывной волной Мишу, как игрушечного, подбрасывает вверх, швыряет в сторону и бьёт о землю. Он лежит лицом вниз, руки и ноги целы, но тяжело контужен и без сознания.

Теперь Чеботарёв остался один. Один против всего этого чёрного мира фашистских крестов. Один против саранчи наступающих гитлеровских автоматчиков. До ящиков со снарядами шагов двадцать, они как двадцать километров. Младший сержант шёл и шёл и никак не мог дойти. Пуля ударила его сзади в плечо, пробив гимнастерку, кожу, мышцу и повредив сухожилие. От попадания пули Чеботарёв упал вперёд, немного полежал, приникнув щекой к родной земле, и пополз. Кровь из его ран смешивалась с горячей пылью и с кровью раненого двадцать минут назад Бори Капсудина. Одной рукой он, ломая ногти, выцарапал снаряд из ящика, поднялся во весь рост и пошёл к пушке. Чёрный от копоти, с красными от порохового дыма глазами, с перебитой рукой и прижатым к груди снарядом, истекающий кровью, он шёл к своему орудию. Один против них всех. Один в

дыму, скрежете и грохоте боя. Один на один с адом войны. Он шёл, а за ним стояли только что убитые и раненые его товарищи. Он шёл, а за ним стояли жители наших разрушенных городов и сёл, сгоревшие, погибшие под завалами и в клочья разорванные немецкими бомбами и снарядами. Он шёл, а за ним стояли миллионы советских детей, потерявшие отцов, и миллионы убитых горем матерей, отдавших войне своих сыновей. За ним стояли беззащитные старики, женщины и дети из колонн беженцев, расстрелянных ухмыляющимися фашистскими лётчиками. Все убитые, расстрелянные, повешенные, сожжённые, разбомбленные советские люди стояли сейчас за ним и помогали ему, полуживому, не упасть и дойти. И было ясно: если бы этот снаряд весил сто килограммов, он бы всё равно его донёс, дотащил, доволок. Гвардии младший сержант Чеботарёв одной рукой с большим трудом навёл орудие. На кольце угломера — 30. На кольце барабана — 0. Прямая наводка. Одетые в чёрные мундиры, с закатанными по локоть рукавами немцы шли цепь за цепью, не торопясь, размеренным шагом. Он сам себе сказал «Огонь!» и выстрелил. Два снаряда находились в воздухе одновременно. Один, осколочный, отбросил назад наступающую гитлеровскую пехоту. Второй, выпущенный из немецкого танка, прямым попаданием разворотил 45-миллиметровую пушку и убил артиллериста Чеботарёва. В его первом и последнем бою.

Мамкин
Александр Петрович

(28 августа 1916 — 17 апреля 1944)

Родился в селе Крестьянское Репьёвского района Воронежской области. С отличием окончил Балашовскую авиашколу.

Гвардии лейтенант. Лётчик 105-го гвардейского отдельного авиаполка.

улица Мамкина (с. Репьёвка)

Дети Мамкина

— Вас понял, — кивнул командир 105-го отдельного гвардейского авиаполка подполковник Клуссон и положил трубку.

Сразу же вызвал дежурного и коротко бросил:

— Мамкина ко мне.

Накинув на плечи полушубок, вышел из землянки подышать морозным ещё воздухом.

— Товарищ подполковник, старший лейтенант Мамкин по вашему приказанию...

— Присаживайся, — махнул рукой Клуссон, — тут, Александр Петрович, вот какое дело. Получил приказ штаба армии. Из партизанского отряда имени Щорса необходимо эвакуировать детей. Сто пятьдесят человек. Возраст от трёх до четырнадцати лет.

— Вот это партизаны, — улыбнулся Мамкин, — давали небось фрицам жару.

— Давали, это точно, — в тон ему ответил командир авиаполка.

— Евгений Томасович, откуда же дети в партизанском отряде? —

уже серьёзно спросил лётчик.

— Детдомовцы. У кого отец на фронте, а мать и родные погибли, у кого семью фашисты расстреляли, у кого под бомбёжкой все...

— Война, — вздохнул Мамкин. Он любил детей, а своих у него пока не было.

— Так вот, — продолжил подполковник, — на оккупированной территории в Полоцке находился детский дом. Жили дети впроголодь, выдавали им немцы издевательских 75 граммов хлеба на ребёнка в день. Да и хлеб был не хлеб, а одно название — колючий, из оболочек овса. Ну и что ты думаешь? Два года так всё шло, а тут вдруг участились проверки, кормёжка улучшилась.

— Неспроста, — сказал Мамкин, глядя куда-то вдаль.

— Вот именно, неспроста, — кивнул Клуссон, — была получена информация, что детей готовят для госпиталей. В качестве доноров крови для раненых немецких офицеров.

Мамкин ничего не сказал. Только желваки, как сумасшедшие, заходили у него под кожей.

— Директор детского дома Михаил Форинко добился, чтобы детей перевезли в деревню Бельчицы. Там, мол, кормёжка лучше. На самом деле это была часть плана по спасению детей. Партизаны подготовили рискованную операцию и 19 февраля её осуществили. Один отряд отвлекал немцев стрельбой. Для этого же подключили авиацию. Другой отряд в это время вывозил детей прямо у фашистов из-под носа.

— Молодцы! — обрадовался Мамкин. — Узнаю партизан.

— Да, не подкачали, справились. Не зря ты им двадцать тонн вооружения и боеприпасов через линию фронта переправил и столько тяжелораненых вывез.

— Видно, не зря, — согласился Мамкин, — а дети как же?

— Дети. Дети жили в партизанской бригаде все эти полтора месяца. Сейчас стало известно, что немцы готовят контрпартизанскую операцию под изуверским названием «Праздник весны». Вокруг партизанской зоны стягивают войска. Шестьдесят тысяч карателей будут задействованы, им выделено более ста танков, около двухсот орудий и до семидесяти самолётов. День начала операции — 11 апреля. Детям в партизанской бригаде оставаться опасно. В общем, до этой даты их надо вывезти. Эвакуацию детей поручаю тебе, как самому опытному лётчику в полку. В помощь возьмёшь Кузнецова на У-2.

— Товарищ комполка, это ж не ящики с патронами, это дети. Как я их?

— Больше некому, — сказал подполковник, — ты лучший. Вторую кабину придётся, конечно, освободить. Полетишь без штурмана. Остальное продумаешь сам. Вылет через два часа, — командир полка сделал паузу, — и удачи тебе, Александр Петрович.

Операция «Звёздочка» продолжается: на льду озера Вечелье идёт погрузка пассажиров в полутораплан Р-5. У лётчика старшего лейтенанта Мамкина хорошее настроение. Он сильно волновался перед началом операции. Перевозить через линию фронта детей — не каждый решится взять на себя такую ответственность. Но сейчас восемь удачных рейсов уже позади. На Большую землю доставлены более ста детдомовцев. Мамкин осторожно берёт на руки трёхлетнего малыша и устраивает его в кабине штурмана.

— Дядя, а это настоящий самолёт? — спрашивает замотанный платком до самых глаз кроха.

— Откуда в лесу настоящий самолёт, — улыбается в ответ Мамкин, — просто такая телега необычная. Сейчас, дружок, лошадок запряжём с тобой и поедем потихоньку. Ты лошадкой управлять умеешь?

— Я-то умею, а ты, дядя, всё врёшь. Я же видел, как ты с неба прилетел.

— Раз такой глазастый, будешь у меня лётчиком.

— А ты меня научишь?

— Научу. Вот фашистов добьём, найду тебя и научу обязательно.

— Только не обмани, дядя. Я тогда над землёй полечу, мамку с папкой смотреть буду. А то они меня, наверное, давно уже ищут...

Погрузка продолжается. Наконец все пассажиры на местах. Семь детей в кабине штурмана, ещё трое и воспитательница Валентина Степановна в транспортном отсеке, и два тяжелораненых партизана в подвесных контейнерах. Многих в партизанской бригаде война разлучила с родными детьми, некоторых навсегда. За полтора месяца партизаны откормили и подлечили детдомовцев, успели привыкнуть к ним, не хотели расставаться. Но карательные операции фашистов отличаются особой жестокостью — будут жечь деревни, расстреливать и уводить в концлагеря жителей, не пощадят никого, даже детей. Поэтому сейчас — короткие минуты прощания, добрые слова в дорогу — и на взлёт. Дети машут партизанам уже из самолёта. Партизаны машут детям в ответ. Главное — чтобы добрались благополучно. Удивительно, но здесь, в лесу, стрекочет кинокамера. Это бесстрашный

кинооператор Мария Сухова прилетела в глубокий немецкий тыл, чтобы снять фильм о борьбе партизанской бригады против фашистов. Во время карательной операции она погибнет. Но снятые ею кадры с лётчиком Мамкиным и детьми облетят весь мир.

А полутораплан Р-5 старается облететь зенитные батареи у линии фронта. В открытых кабинах холодно. На скорости сто восемьдесят километров в час ледяной ветер пронизывает маленьких пассажиров. Партизаны укутали их как могли — каждый ребёнок занимает в два раза больше места, чем обычно. В штурманской кабине так тесно, что трудно пошевелиться. Но дети есть дети, они всё равно высовываются, как птенцы из гнезда, и смотрят вниз. Первый полёт в жизни! Ночь лунная и светлая. Воздушную машину кидает вверх-вниз, и маленьким пассажирам кажется, что луна танцует: это похоже на сказку, которую они никогда не видели. При подлёте к линии фронта вдруг раздаётся необычный звук: как будто камешки застучали по самолёту. Кроме лётчика, никто ничего не понял. Появились первые языки

пламени, облизнулись сами и облизнули мотор. Пробит бензопровод, бензин попадает на раскалённые детали двигателя и мгновенно воспламеняется. По инструкции в таких ситуациях лётчик должен подняться на нужную высоту и выпрыгнуть с парашютом. Но сейчас он не допускает даже мысли об этом, ведь за его спиной святое — дети. Полёт продолжается, вот линия фронта уже позади. Пламя разгорается всё сильнее. Мамкин снижается и высматривает место, удобное для посадки. Огонь высматривает жертву и добирается до кабины. Первыми загораются меховые унты. Мамкин снижается всё быстрее и быстрее, он знает, что счёт идёт на секунды. Пламя уже хозяйничает в кабине, на лётчике дымится комбинезон. Его руки в огне. Перегородка между кабинами перегорает. На детях начинает тлеть одежда. Сквозь дым и огонь Мамкину удаётся разглядеть на земле подходящее для посадки место. Заживо сгорающий лётчик из последних сил сажает самолёт. Сбивая деревья, Р-5 выкатывается на покрытое льдом озеро. Воспитатель и ребята постарше помогают выбраться из горящей машины малышам. Вытаскивают раненых партизан. Мамкин выбирается из кабины сам, но на земле не может сделать ни шага. Только успевает спросить, живы ли дети, и теряет сознание. Его ноги сгорели до костей, тело — один сплошной ожог, лётные очки от безумной жары вплавились в лицо. Пять дней врачи боролись за жизнь героя, но он не выжил. А дети, спасённые лётчиком, выросли. И когда на День Победы они собираются вместе, так и говорят: «Мы все — дети Мамкина».

Куколкин Валентин Иванович

(5 апреля 1924 — 18 сентября 1942)

Родился на Кубани, в возрасте 10 лет вместе с родителями переехал в Воронеж. После окончания школы работал на Воронежском механическом заводе.

Разведчик батальона народного ополчения.

улица Куколкина (г. Воронеж)

Ударная группа

— Интересно, какая будет жизнь в XXI веке?

— Самая лучшая. У каждого будет своя машина. Красота! Сел и за минуту доехал, куда хочешь.

— Ага. И все люди будут добрыми.

— Почему все?

— Ну, ясно. Ведь у каждого будет своя машина.

— Это да. А школы какие будут?

— Школ вообще не будет. Родился и всё уже знаешь. Только дневник дадут с пятёрками.

— А дневник зачем?

— Родителям-то надо что-нибудь показывать.

— Не, без школы скучно. Как мы будем после уроков мяч гонять, если уроков нет?

— Ладно, школы пусть будут. Только пусть на месте нашей школы построят школу в двести этажей.

— Ого ты сочинил! Не много?

— Нормально. Предметов-то сколько новых будет. Не то, что сейчас.

— Какие же?

— А разные. Дивнометрия, планетознание, историовидение.

— Это как?

— А можно будет видеть всю историю. Как что происходило.

— Вот здорово! А ещё?

— Всёвремяхождение будет такой предмет.

— Это вместо всёвремялежания?

— Нет. Можно будет по всему времени ходить. Биохимия.

— Какая ещё биохимия?

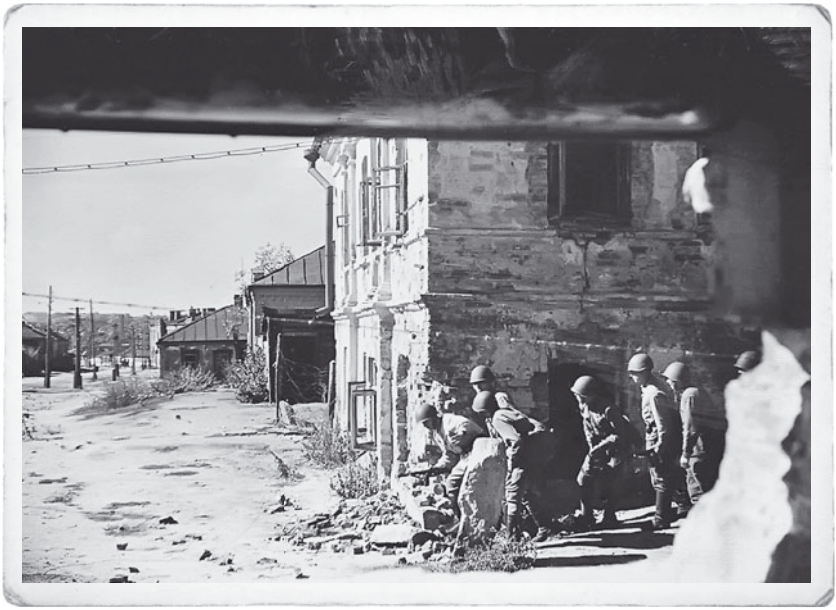
— Да так. Просто слово странное в голову пришло.

Два друга сидели на подоконнике школы № 13, что на ул. Карла Маркса, смотрели в окно и мечтали о светлом будущем.

Пройдёт несколько лет, и на подоконнике другой школы Воронежа будет стоять немецкий пулемёт и поливать огнём всё вокруг. Два друга будут лежать в укрытии, не думая о том, какая жизнь будет в XXI веке. Потому что не знают, какая жизнь будет у них через минуту. И будет ли она вообще. Пулемёт не умолкает, продолжает бить по прилегающим улицам.

Это Чижовский плацдарм. Господствующая высота на правом берегу реки Воронеж. Он как ключ, без которого не вернуть город обратно, не отбить у фашистов. 203 дня и ночи боёв. Пятнадцать тысяч человек, сложивших здесь свои головы. Плацдарм залит кровью и поднят высоко над землёй подвигом советского солдата.

Утром 18 сентября 1942 года фашисты начали наступление по улице 20-летия Октября. Их цель — выйти к дамбе и захватить наши переправы. Жестокий бой длился несколько часов. Ценой огромных потерь немцев удалось остановить. Теперь самое главное — закрепить успех. Не дать им возможности повторить атаку. Разведчик Валентин Куколкин и партизан Фёдор Соловей возглавили ударную группу истребительного батальона. Перед группой поставлена почти невыполнимая задача: зачистить от немцев важнейший в тактическом отношении район у Предтеченского кладбища. Здесь фашисты цепляются зубами за каждый дом. Любая полуразрушенная стена может внезапно ожить, неся смерть. Чтобы выполнить задачу, одной смело-



сти мало. Нужны смелость и осторожность одновременно. И чутьё. Звериное чутьё, чтобы «унюхать» врага там, куда не достанет взгляд. Не достанет взгляд, зато достанет граната.

Ударная группа уже взяла штурмом четыре дома. Уничтожено большое количество живой силы противника. Есть пленный офицер. Остался последний дом. Это двухэтажное здание школы. Фашистов в школе много. Здесь все, кого не добили во время штурма соседних домов. И отступать им некуда, будут драться до последнего.

По сигналу бойцы ударного отряда идут на штурм. Перед глазами Вали Куколкина промелькнули все уничтоженные им враги. Среди них три офицера. «И ещё будут», — зло думает разведчик. Атака идёт с двух сторон. С одной стороны ведёт бойцов Соловей, с другой — Валя Куколкин. Враг лихорадочно отстреливается и отбивается гранатами. Одну из них Фёдор Соловей бросает обратно. Взрыв, стоны раненых. Все входы в здание простреливаются шквальным огнём фашистов. Попасть внутрь невозможно. Пётр Красноскулов ручной гранатой подрывает вражеский пулемёт. Валя Куколкин ведёт свою группу в

слепую зону, вне секторов обстрела. Убит командир пулемётного расчёта Зеленский. Его второй номер продолжает вести огонь, прикрывая наступающих. Куколкин берёт двух бойцов и проникает в школу через пролом в стене.

— Начинайте через две минуты, — говорит он оставшимся, — мы их отвлечём.

Осколками гранаты ранен Фёдор Соловей. Куколкин и двое бойцов уже внутри. Они имитируют нападение большой группы солдат. Фашисты не выдерживают атаки с двух сторон и сдают позиции. Бойцы истребительного батальона врываются в здание школы. В полном соответствии со своим названием они истребляют фашистов одного за другим.

Под изуродованным пулями подоконником лежит Куколкин.

— Валька ранен, — спешат к товарищу бойцы.

Но разведчик Валентин Куколкин не ранен, он убит. Погиб в бою, так и не узнав, как будут жить люди в XXI веке. Но люди в XXI веке будут помнить, как жил он.

Шумейко
Пётр Иванович

(21 января 1912 — 21 апреля 1999)

Родился в г. Острогожске в крестьянской семье.

Гвардии полковник. Командир 363-го стрелкового полка. Герой Советского Союза.

улица Шумейко (г. Острогожск)

Полундра!

Была у студентки первого курса Любы Синичкиной такая черта характера: если трудно или всё из рук валится, не раскисать, а придумать что-нибудь эдакое, из ряда вон выходящее. Вот и сейчас, когда побила горшки со своим парнем, не стала слезами болото разводить, а взяла билет и уехала в Санкт-Петербург.

И ни разу об этом не пожалела. Влюбилась в Северную столицу с первого взгляда сразу и навсегда. Для этого ничего особенного не надо было, просто прошла по Невскому, вращая головой на триста шестьдесят градусов. Невероятная история и архитектура, дворы и дворцы, соборы и храмы, парки и мосты, а главное — люди. Люба задала себе неожиданный вопрос: почему здесь такие особенные люди? Мысль о живых привела её к мёртвым.

Девушка доехала до станции метро Площадь Мужества, пересела на 123-й автобус и оказалась на проспекте Непокорённых. Пискарёвское кладбище. Самое большое в мире братское захоронение.

Здесь покоятся люди, ушедшие во время блокады Ленинграда, так

раньше назывался Санкт-Петербург. Более полумиллиона безвинных жертв. Тихая, печальная музыка — «Траурный марш» Шопена. Аллея памяти. Статуя Матери-Родины простирает руки к павшим. Бесконечные ряды братских могил. На каждой лишь год захоронения. Безымянные мужчины и женщины, старики и дети: кто-то только начинал жизнь, кто-то уже встречал старость. Потери, страдания, надежды, чьи-то неосуществлённые мечты. Любе вдруг невыносимо больно стало ступать. Как будто из-под земли доносились до неё стоны людей, не доживших до прорыва блокады. Она остановилась, огляделась вокруг. Почувствовала, словно все эти сотни тысяч погибших незримо стоят рядом и говорят ей: «Не забывай!» Откуда-то появилась картинка перед глазами. Снег, снег везде. На рельсах обледенелый трамвай. Надпись на стене: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее ОПАСНА». Полузамёрзшие голодные люди, стоя на коленях, набирают воду из проруби на Неве. Женщина, с трудом передвигая ноги, везёт на санках маленький белый свёрток. Люба вернулась в реальность, огляделась. Могилы, одни могилы вокруг. Тяжело, больно. Люба вошла в музей. Там легче не стало. Прочитала страницы дневника ленинградской школьницы Тани Савичевой. «Женя умерла 28 дек в 12.30 часов утра 1941 г Бабушка умерла 25 янв 3 часа дня 1942 Лека умер 17 марта в 5 час утра 1942 г Дядя Вася умер 13 апр в 2 часа ночи 1942 г Дядя Леша 10 мая в 4 часа дня 1942 Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г Савичевы умерли Умерли все Осталась одна Таня». Стоя на месте со слезами на глазах, Люба Синичкина поняла смысл услышанных недавно слов: «В Питере нормальные люди хлеб не выбрасывают». Снова картинка. Снег, снег везде. Обледеневшие окна магазина. Длинная окоченевшая очередь застыла вдоль улицы. Карточки. На них чёрными печатными буквами написана норма: 125 граммов. И каждый день решает: это норма жизни или норма смерти. Продавщица большим ножом отрезает маленький кусок хлеба, почти незаметный на весах. Сырая, глинистая, с горьким травянистым вкусом масса, которая на морозе застынет так, что её придётся рубить топором. Продавщица собирает все крошки, чтобы отдать женщине с ребёнком на руках. Перед продавщицей за время блокады прошло много голодных людей. Ей не нужно много времени, чтобы понять: придёт человек завтра снова за хлебом или уже нет.

— Даже этот хлеб, пусть его мало, должен же был кто-то привозить? — снова вернулась в реальность Люба и спросила у работника

музея. — Скажите, пожалуйста, ведь была блокада. Как доставляли продовольствие в осаждённый город?

— Девушка, — сказала пожилая женщина в строгом костюме, — если вы интересуетесь, я дам адрес. Шоссе Дорога Жизни, 58.

На Финляндском вокзале Люба села на электричку и доехала до станции «Ладожское озеро», потом прошла один километр пешком. Музей «Дорога жизни» открыт для посетителей. Здесь Люба узнала про единственный путь, соединявший осаждённый Ленинград с Большой землей. В навигацию — по воде, зимой — по льду. Всего лишь на расстоянии 20 — 25 км от берега, занятого фашистами. Дорога жизни спасла Ленинград от захвата врагом, а ленинградцев — от голодной смерти. По ней в дни жестокой блокады из осаждённого города вывозили детей, раненых и больных и привозили продовольствие, медикаменты и пополнение сражающимся войскам.

22 ноября 1941 года. Поздней осенью рано ударили свирепые морозы. Лёд толщиной 20 сантиметров уже выдерживает полуторку с грузом в тысячу килограммов. Машины идут на расстоянии 100 метров друг от друга — если провалится первая, следующая успеет затормозить. Несмотря на пронизывающий холод, водительские двери открыты, чтобы успеть выпрыгнуть. На наиболее опасных участках в лёд вморожены доски и металлическая сетка. Через каждые 400 — 500

метров регулировщик: с белыми флагами днём и с фонарями ночью. На льду работают заправочные и ремонтные группы. Через каждые семь километров стоят медицинские палатки с печками-буржуйками внутри. Пункты обогрева для обмороженных по всему маршруту. В жуткий мороз и свирепую метель, двигаясь почти на ощупь и под бомбёжками, объезжая полыньи и взорванный лёд — машины будут идти, новые водители заменят раненых, обмороженных и погибших, груз будет доставлен.

На одном из стендов Люба прочитала такие слова: «Дорога жизни существовала благодаря самоотверженным усилиям десятков тысяч человек. Среди них моряки Балтийского флота».

— Интересуетесь морпехами? — спросил стоявший у соседней экспозиции молодой человек.

— Кем? — не поняла Люба.

— Морскими пехотинцами, — пояснил парень. — Из моряков Балтийского флота были сформированы бригады морской пехоты. Они отличались железной стойкостью. За цвет формы и беззаветную

храбрость немцы называли их «чёрная смерть». Они стояли насмерть и не пропустили врага через реку Свирь, не позволили немецко-финским войскам перерезать последний оставшийся путь снабжения осаждённого Ленинграда. Если бы морские пехотинцы тогда не выстояли, Дороги жизни не было бы. Жители Ленинграда погибли бы от голода, сам город был бы стёрт с лица земли.

— От ваших слов у меня мурашки по коже, — призналась Люба.

— Хотите, я покажу вам фотографию моего прадедушки? — оживился молодой человек, достал телефон и нашёл фотографию.

Любу как будто током ударило.

— У нас дома в семейном альбоме есть такая же фотография, — она увеличила изображение, — смотрите, вот и мой прадедушка. Он и в подписи под фотографией есть Синичкин М. П.

— Значит, наши прадедушки воевали плечом к плечу, в третьей отдельной бригаде морской пехоты.

— Удивительно, что мы встретились здесь, — улыбнулась Люба, — на Дороге Жизни.

— Если хочешь, мы найдём наградные документы твоего прадедушки, — предложил парень, — я сейчас. Вот, смотри.

На экране телефона появился сначала сайт «Подвиг народа», потом прадедушкин наградной лист. Незнакомое доселе чувство овладело девушкой. Как будто она своими руками открывала дверь в прошлое. Фамилия — Синичкин. Имя — Матвей. Отчество — Павлович. Год рождения 1898. Место призыва, описание подвига. И текст от руки, простым языком, будто написан только что: «...Во время боевой операции 12.04.1942 тов. Синичкин снял проволочное заграждение противника около 25 метров и разминировал минное поле. 17.04.1942 г. Несмотря на огонь противника, задачу по разминированию минного участка выполнил, лично в упор уничтожил одного фашиста и вынес с поля боя 2 раненых бойцов с их оружием. 27.10.1942 года был тяжело ранен, но поле боя не покинул, а выполнял поставленную задачу. Лучший и смелый разведчик батальона...» И подпись в самом низу: «Заслуживает правительственной награды Медаль «За Отвагу» Командир 3-го стр. б-на майор Шумейко»

— Шумейко. Какая знакомая фамилия, — подумала Люба, — где-то я её уже слышала?

И набрала папу.

— Привет, — сказал папа, — память у кого-то девичья. Я же тебе

рассказывал про деда Матвея. А Шумейко — это его комбат. Наш дед — герой: три войны прошёл, в Гражданскую вместе с Чапаевым воевал. А в Великую Отечественную был морским пехотинцем. Начали они летом сорок четвёртого финнов с нашей земли гнать. А стояли эти фашистские финны на северном берегу Свири два года и укрепились, как будто навечно решили остаться: доты, дзоты, минные поля. Ну, их там в результате навечно и оставили. В ночь перед атакой бывший дедушкин комбат, а теперь командир полка майор Шумейко вызвался десант на тот берег повести. И приказывает: «Набивайте мешки песком». Бойцы на него смотрят и недоумевают — что такое, вроде майор нормальный мужик, героический и контузии у него в недавнем прошлом не наблюдалось. «Чего уж песком, — говорят, — давай сразу пулемётными лентами набьём. Быстрее на дно пойдём». А он стоит на своём, и точка. В общем, как они с этими мешками до того берега добирались — отдельный разговор. А когда добрались — тут и началось. Словно ад переехал из своего обычного местонахождения на северный берег Свири. И пошёл свинцовый дождь, от которого промокаешь кровью. Особенно жестоко бил не подавленный артиллерией дот справа. Сколько он наших солдат положил, одному Богу известно. Тут майор Шумейко дал знак разведчикам. Те ребята половчей, не один гектар земли на животе перепахали. Они наметили подход, чтобы вне зоны огня быть, подползли и завалили дот теми самыми мешками. Пулемёты замолчали, и наши пошли. А финны побежали. Плацдарм был взят. Майору Шумейко Петру Ивановичу Героя Советского Союза дали. А как же, стольким ребятам жизни спас и боевую задачу выполнил.

На обратном пути Люба поняла, что возвращается домой другим человеком. За окном поезда проплывала огромная красивая страна. И вчера Люба прожила с этой страной её самые грозные, самые трагичные и самые великие годы. И поняла: в каждой семье есть нити, связывающие нас с тем временем и с той страной. Канат, сплетённый из таких нитей, выдержит любой шторм.

Лизюков Александр Ильич

(26 марта 1900 — 23 июля 1942)

Родился в городе Гомеле в семье сельского учителя.

Генерал-майор. Танкист. Командовал танковыми частями, в том числе и 5-й танковой армией. Проявил незаурядные организаторские способности в первые дни войны. Крупный теоретик танковых сражений. Герой Советского Союза.

улица Генерала Лизюкова (г. Воронеж)

Три брата

Идёт третий день войны. От перрона тёмного и неуютного Белорусского вокзала отходит поезд. Он везёт своих пассажиров на запад — туда, где война. Ещё неизвестная им, не такая страшная, какой она окажется через 600 километров пути.

Вагоны поезда дачные. Совсем недавно в таких вагонах люди по выходным ездили отдыхать: загорать, купаться, играть в волейбол и рыбачить на утренней зорьке. Теперь в них едут военные, чтобы ценой своих жизней вырвать у врага то время, когда люди снова смогут загорать, купаться, играть в волейбол и рыбачить на утренней зорьке.

За окнами поезда ночь. Спит, свернувшись калачиком, юноша шестнадцати лет. Вздремнул военный корреспондент, представившийся Константином. Крепкий, с ранней сединой и орденом Ленина на гимнастёрке полковник-танкист сжимает кулаки, тяжело лежащие на столе. За время долгой разлуки полковник привык мысленно разговаривать со своими братьями. Их двое: Евгений, старше полковника на один год, и Пётр, младше на девять лет.

«Знаешь, Женька, сейчас ночь проносится за окнами. А я, наверное, не усну. Не могу понять, Женя: враг топчет нашу землю, бомбит наши города, убивает и калечит наших людей. А мы здесь, целый поезд военных. Не рядовых, Женя, не сержантов. Целый поезд командиров. Мы сейчас должны быть там, в пекле боёв, руководить частями и подразделениями, приказывать и выполнять приказы. Почему вместо этого мы здесь, в дачном поезде, едем дачниками? Разговариваю сейчас с тобой, а сам смотрю на Юрку. Шестнадцать лет мальчишке. Когда нам было по 16 — 17, помнишь? Шла Первая мировая. Прифронтовой Гомель, Конный базар, толпы беженцев, восстание казаков? А помнишь, как бегали мы с тобой на Земпосад, где был 4-й воздухоплавательный парк, смотреть на самолёты? Как сам Нестеров кружил над городом и Сикорский пролетал на «Илье Муромце»? Тогда уже семь лет, как мы жили с тобой без мамы. Воспоминания пролетают, Женя, как будто я еду мимо них на поезде. Зачем я взял с собой сына? Он подошёл ко мне, взъерошенный весь, решительный: «Не возьмёшь, всё равно сбегу, буду не в твоей, так в другой части воевать». Тайка сказала: «Возьми». Подумала, наверное, что со мной будет надёжнее. Ладно, посмотрим. Можем ведь в такую мясорубку попасть...»

По поводу мясорубки полковник танковых войск Александр Ильич Лизюков не ошибся. Состав не дошёл до Минска, он был задержан в Борисове. Дальнейшее движение невозможно. Всего в нескольких километрах впереди идут бои. Самолёты с чёрными крестами на плоскостях безнаказанно бомбят город, вокзал, склады с топливом и боеприпасами. В городе и окрестностях тысячи людей из отступающих частей и окруженцев, прорвавшихся через немцев к своим. Их некому организовать, обеспечить всем необходимым, подчинить строгой воле командира, а слухи о приближающихся фашистах усиливаются. Назревает паника.

В это трудное грозовое время в пригородном лесу возник островок строгой военной дисциплины и порядка. Это полковник Лизюков взял дело в свои руки. Из красноармейцев и военных командиров, выходивших из окружения группами и поодиночке, он начал формировать стрелковые подразделения. Организовал подвоз из города вооружения, боеприпасов и продовольствия. Жёстко пресекал любые проявления паники. Ругался, кричал, шутил и улыбался — всем своим видом и действиями полковник внушал людям уверенность в

правоте общего дела. И постепенно из неразберихи и сумятицы отступления стали проступать очертания чёткой боевой организации. Из разрозненного и растерянного отступающего народа возникли взводы, роты и батальоны. Появилось боеспособное соединение, готовое выполнять поставленные задачи. Уже после войны знаменитый писатель и поэт, а тогда военный корреспондент Константин Симонов, который и ехал с Лизюковым в одном купе дачного поезда, вспоминал: «Полковник вёл себя так, как будто ничего не случилось, как будто у него под началом не самые разные, никогда не видавшие друг друга люди, а кадровый полк, которым он командует уже по крайней мере три года. Он спокойным, глуховатым голосом отдавал приказания. В этом голосе слышалась железная нотка, и все повиновались ему... В тяжелой обстановке растерянности и неразберихи, я запомнил на всю жизнь полковника Лизюкова... Он с тех пор мысленно стал для меня одним из образцов не только чисто военного, но и шире говоря, гражданского мужества».

Сам полковник в непрерывной череде дел выкраивал на сон всего несколько часов в сутки. Привалится под сосной, смежит усталые веки и вспомнит братьев:

«Эх, Петя, сказали бы мне, что будет такое, в морду бы дал этому человеку. Пятый день войны. Вместо того чтобы в шею гнать врага с родной земли, чтобы в первый же день ноги его здесь не было, чтобы бежал и адрес забыл, и карты наши сжёг, мы, Петя, отступаем. А иногда, как я понял, даже бежим. На сердце у меня тревога. Связи нет, штабов нет, приказов, естественно, тоже нет. Кто поодиночке выходит, кто группами. Ты представить себе не можешь, сколько их. Останавливаем окруженцев и отступающих, приводим их в чувство, составляем списки. Теперь я отвечаю за судьбы этих людей. Дело вроде налаживается. Но время от времени гоню от себя вопрос: кто виноват? Сейчас не до этого. Нужно работать. Я принял решение: что бы ни случилось, бетонный мост через Березину будем держать до последнего патрона. Ячейки, окопы и траншеи отроем на обоих берегах. Подразделения получат полосы огня. Пулемётам определим секторы обстрела. Все орудия, какие есть, расположим на танкоопасном направлении. Ничего, братишка, мы ещё дадим им жару. Знаешь, отступающие такое рассказывают, оторопь берёт. А я немцев пока и не видел. Когда на танковых маневрах в 35-м во Франции был, их

туда не пригласили. У меня ведь тогда было секретное поручение Генштаба создать совместную с французами разведывательную службу. Для предотвращения фашистской угрозы. Вот она теперь, эта угроза, в двух километрах отсюда. Думаю, скоро встретимся. Не жду от этой встречи ничего хорошего. Ни для себя, ни для них».

Семь дней отряд Лизюкова и курсанты бронетанкового училища удерживали мост через Березину. Каждый день был страшен, и каждый час бесценен. Захватив мост и город, фашисты захлопнут выход из мешка многим соединениям Западного фронта. Сотни тысяч окажутся в окружении. Поэтому на город и переправу обрушились тонны смертоносного металла. Бомба за бомбой летели вниз, самолёты пикировали на траншеи, лес, мост, стремясь убить всё живое, находящееся там. Берега были изрыты воронками. Вступила в дело дальнобойная артиллерия. Казалось, ничего живого уже не может остаться на этой земле. Но когда фашисты перешли в наступление, они встретили яростное сопротивление отряда Лизюкова.

На пятый день обороны, когда измотанные, израненные бойцы из последних сил отбивали атаки немцев, когда вражеская мотопехота обошла оборонительный рубеж и ударила с фланга и с тыла, полковник Лизюков оставил свой командный пункт, поднял солдат и сам повёл их в безмолвную штыковую атаку. Фашисты были отброшены.

После обороны моста отряд Лизюкова вместе с 1-й Московской стрелковой дивизией отходил к Орше, изматывая противника тактикой подвижной обороны. В июле личным распоряжением маршала Тимошенко Лизюков был назначен комендантом переправы через Днепр у села Соловьёво.

«Женя, я комендант Соловьёвской переправы. Это последняя нить, которая связывает несдающиеся 16-ю и 20-ю армии с миром. Если разобьют переправу и сбросят нас в Днепр, сто тысяч людей окажутся в котле. Без продовольствия, без горючего и без боеприпасов. Поэтому мы будем стоять до последнего.

Знаешь, брат, если попаду наверх, там, наверное, скажут: «Полковник, мы тебе ад показывать не будем, ты его уже видел». Братишка, они бомбят нашу переправу по 20 раз за день. Мы её восстанавливаем, они опять прилетают. Я танкист, Женя, но сейчас я танк променял

бы на самолёт. Пусть даже это будет биплан. Уж как-нибудь поднялся бы над переправой и протаранил бы хоть один «юнкерс». Я, Женя, цифру 87 теперь ненавижу. Когда мне стукнет 87, вы с Васькой ко мне на день рождения не приходите, отмечать не буду. А на следующий день жду, посидим просто так, но как следует.

А пока сидеть некогда, стреляем по бомбардировщикам из винтовок. От злости. Ну нет у нас самолётов, нет. И бомбят они переправу так, что Днепр красный. Танки с севера и с юга выходят на прямую наводку и бьют по переправе, по людям, по технике. Отбиваю их атаки, но с каждым разом сил всё меньше. Сердце разрывается, Женя, кого пропускать. С той стороны машины со снарядами, с этой — с ранеными. Все кричат, ругаются, стонут, все хотят успеть, пока передышка, пока «юнкерсы» снова не прилетели. Веришь, хочу раненых пропустить, люди кровью истекают, их срочно на стол к хирургу нужно. Но знаю: сегодня не пропустишь снаряды, завтра раненых будет в десять раз больше. Вот и приходится... Я просто стал железным, Женя, а жалость свою выкинул в Днепр».

За оборону Соловьёвской переправы полковнику Лизюкову было присвоено звание Героя Советского Союза. Вскоре он принял командование 1-й Московской стрелковой дивизией, заменив на этом посту получившего ранение воронежца полковника Крейзера. Гвардейские победы дивизии крепко связаны с Лизюковым. На её счету ожесточённые бои с фашистами на Ельнинском выступе и сентябрьское поражение Гудериана под Сумами — танковый гений Германии был бит гвардейцами Лизюкова.

Ноябрь 41-го. Время ожесточенных сражений за столицу: дивизия Лизюкова переброшена под Москву и стоит насмерть, удерживая Наро-Фоминский рубеж. В декабре новое назначение — заместителем командующего армией — и сразу в бой. В отсутствие больного командующего Лизюков во главе армии не позволил врагу сделать последние полшага к столице нашей Родины. Немцы заняли посёлок Красная Поляна в 25 км от Москвы, германские офицеры уже видели в цейсовские бинокли звёзды Кремля и готовились расстреливать город из дальнобойных орудий. До конца блицкрига фашистам оставались часы. Немецкие кинооператоры потирали руки и протирали линзы, готовясь снимать этот долгожданный момент. Вот какие письма в эти дни отправляли фашисты из Красной Поляны домой: «Через несколь-

ко часов начнётся наступление. Я видел тяжёлые пушки, которые к вечеру будут обстреливать Кремль. Я видел полк наших пехотинцев, которые первыми должны пройти по Красной площади. Москва наша, Россия наша... Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы!» Дух победы царил в немецких войсках. Но уже через неделю не только духа победы, но и немецкого духа в Красной Поляне не было. Вместо него брошенные пушки и танки, ящики «железных крестов» для награждений, запасы парадной формы, горы неубранных трупов своих солдат. И директива Гитлера: перейти к обороне на московском направлении. Нанесла фашистам поражение у Красной Поляны 331-я Брянская Пролетарская дивизия генерала Короля, действовавшая в составе армии, которой в это время командовал Лизюков. Александр Ильич сам водил 1106-й полк этой дивизии в атаку.

Но причина успехов теперь уже генерал-майора Лизюкова — не только в личной храбрости полководца. Он заслуженно считался одим из самых теоретически грамотных командиров Советского Союза. Недаром в марте 1942 года редактор газеты «Красный воин» пишет ему: «Мой дорогой генерал! Ваша книга «Что надо знать воину Красной армии о боевых приёмах немцев» получила широкое распространение и популярность. Ею пользуются как пособием при подготовке бойцов и командиров. Есть крайняя необходимость ввести новый и обстоятельный раздел о том, как немцы строят и обороняют населённые пункты, укреплённые районы и узлы».

Кроме того, в апреле-мае 1942 года Лизюков четыре раза встречается со Сталиным. К его мнению прислушиваются высшие руководители страны. Речь идёт о создании в Красной армии крупных танковых соединений. Вопрос находится под личным контролем Сталина. В мае 1942 г. генерал-майор Лизюков назначается командующим 5-й танковой армией. В её составе три танковых корпуса, отдельная танковая бригада, стрелковая дивизия, артиллерийские и другие части: всего более шестисот танков, 30 000 тонн брони. Небывалая мощь, способная раздавить фашистскую гадину в лепёшку.

«Пётр, с армии меня сняли. И армии больше нет, расформирована. Потери огромные.

7-й и 11-й танковые корпуса обескровлены и измотаны. Начинали за здравие: и сил достаточно, и план операции разработан грамотно. Должны были всей мощью ударить во фланг наступающим на Воронеж

немцам и отрезать их от тылов. Объяснять тебе, человеку военному, не надо: без тылов, без снабжения боеприпасами, топливом и продовольствием они бы долго не продержались. Открутили бы мы фашисту на Дону голову и отправили бы обратно уже без головы. Но только гладко было на бумаге, да забыли про воронежские овраги. Подвела наша главная вражина — спешка. А как без неё, когда немцы Воронеж уже начинали душить? Надо было вступать в бой. И получилось: танки разгружаются на станции, и вперёд. Удар наносится не всеми силами, а отдельными группами. Не сжатым кулаком, а растопыренными пальцами. По-женски ладошкой шлёпнули фашиста, вместо того чтоб нос ему расквасить. Ну, и получили в ответ. А ведь я писал в Ставку, умолял: «Операцию лучше проводить силами 3-й танковой армии, она уже сосредоточена». А моей дайте двое суток, дайте сутки! Пропустили мимо ушей. А ведь я, брат, четыре раза был у Сталина. Встретимся, расскажу подробнее. Он роста маленького, а сам большой. Говорит тихо, а слышно на всю страну. Я сначала робел. А ко второй встрече уже втянулся, даже интересно стало. Решались вопросы усиления броневой мощи Красной армии. По результатам нашей работы созданы 25 танковых корпусов! Тогда все высшие руководители страны моё мнение брали в расчёт. А с 5-й танковой армией не прислушались. Меня, Петя, некоторое время назад ответственный секретарь «Журнала автобронетанковых войск» генерал-майор Чернявский попросил статью написать: «Организация взаимодействия танков с пехотой, артиллерией и авиацией». Я её написал. Считаюсь, понимаешь, в этом вопросе специалистом. Так вот, брат, то, что произошло с 5-й танковой армией, — это точно моя статья, только полностью наоборот. Сами не сосредоточились, разведку и привязку к местности не провели, взаимодействие и связь не наладили. Сердце моё, Пётр, обливается кровью моих танкистов, дорогих ребят, которые бились насмерть, и шли на подвиг, и, отстреливаясь до последнего снаряда, горели в танках».

После того как 5-я танковая армия прекратила своё существование, Лизюков был назначен командиром 2-го танкового корпуса. Бои в составе 5-й танковой армии были тяжёлыми: в корпусе из 183 танков осталось 78, из них 38 средних и ни одного тяжёлого. Затем пришло пополнение: 42 лёгких Т-60 и 20 тяжёлых КВ. Задача перед 2-м танковым корпусом стояла по масштабам меньше, а по сути та же самая: прорвать хорошо укреплённый узел обороны в Большой Верейке, по

тылам врага пройти 15 километров и выйти к селу Медвежье. Ликвидировать переправу через Дон у села Медвежье и этим содействовать разгрому воронежской группировки противника.

Первый день наступления был удачным и неудачным одновременно. Укреплённый узел немцев в селе Большая Верейка взят. Но дальнейшее преследование врага танками задержалось из-за рек Быстрик и Большая Верейка. Больше похожие на ручьи, чем на реки, но с топким илистым дном и болотистой поймой, они оказались труднопроходимыми для тяжёлых боевых машин. И без того непростое форсирование рек осложнялось непрерывными атаками с воздуха и тотальным заминированием берегов в местах переправ. В итоге к вечеру задача на первый день наступления танковым корпусом не была выполнена.

Лизюков не мог позволить себе срыв второй операции подряд. Он и так уже в чёрном списке командования. И генерал принимает судьбоносное решение: наступать ночью. Преимущества: сбитый со своих позиций враг не успеет за ночь укрепиться и оказать сопротивление. Недостатки: ночной марш-бросок танков по незнакомой местности таит в себе массу неожиданностей и доселе в Красной армии не применялся. Главное — в темноте не пропустить поворот на Медвежье.

Всего в дерзкий ночной рейд вышли 89 танков. Головная походная застава (ГПЗ), состоявшая из 3 танков КВ и 3 лёгких Т-60, почти сразу оторвалась от основной колонны. В результате 23 танка проехали нужный поворот, а остальные, потеряв ориентиры, остановились ещё до поворота. ГПЗ вернулась, в ночной темноте нашла эти 23 танка и повела их по правильной дороге. Скорее всего, и этих сил хватило бы для захвата и удержания небольшого села Медвежье до подхода задержавшихся танков. Но летняя ночь коротка, а драгоценное время ушло на ожидание и поиск потерявшихся в ночи танкистов. На востоке поднималось солнце. Справа и слева от колонны опускались стволы немецких противотанковых орудий. Танки в поле были видны как на ладони. Низкие немецкие пушки за высокими русскими колосьями — нет. Завязался неравный бой. Боевые машины загорались одна за другой. Танкисты продолжали стрелять даже из горящих машин. Пока не сгорали сами. В этом бою колонна потеряла ещё 13 танков. Но выжившие продолжали выполнять задачу, выжившие шли вперёд за погибших. И к 8 утра до цели, села Медвежье, дошли четыре КВ и два Т-60. Углубившись на 15 километров от линии фронта в немецкие тылы, они нашли село пустым. Без жителей. Без фашистов.

Идеальные условия для соединения с остальной частью отряда и разгрома немецких тылов.

Но с кем соединяться? Где отставшие 60 танков 26-й танковой бригады? Они так и не подойдут. Действуя нерешительно в ночное время, утром они попадут под артобстрел и бомбёжку и будут прятаться в роще. В Медвежьем в это время произойдут такие события: выполнившие приказ командира корпуса шесть танков 89 танкового батальона 148-й танковой бригады будут в 10 часов утра окружены фашистами. Выполняя приказ, они не покинут Медвежье. Из-за невозможности пополнить запасы топлива и боеприпасов все шесть танков к 8 часам вечера будут уничтожены в бою. Но командир корпуса генерал Лизюков этого не знал. Связи не было.

«Вася, Петя, братишки мои дорогие, скучал бы я по вам, да скучать некогда. Нахожусь сейчас в танке. Мой 89-й танковый батальон ещё прошлой ночью закрепился в селе Медвежье. Иду к нему на соединение. Фрицев пока не видно, хоть мы и в тылу у них. Мы их изрядно потрепали за эти дни, как и они нас. Сегодня рано утром был у Чибисова, у нашего Никандра, чтоб его. Получил очередной разгон. Это ведь он, когда я ещё был на армии, бросил мне в лицо: «Это называется трусостью, товарищ Лизюков!» А я не трус, ребята, я просто не дурак. Не мог позволить себе гнать в наступление слепую армию. Без разведки, без привязки к местности, без отработки взаимодействия. Да ещё и вводить её по частям. Я всё понимаю: на Дону тяжелейшие бои, люди гибнут, сам на Березине был в этой шкуре — каждый час кровью полит, материнским горем выстрадан. Мне бы тогда хотя бы сутки... Ладно, братья мои дорогие, все обиды прочь, сейчас другая задача, и её я выполню. Есть тут одно местечко опасное, где две рощи с обеих сторон подходят к дороге. Устраивал бы сам противотанковую засаду, поставил бы её только здесь. Надеюсь, проскочим. Нет, не проскочили, есть первое попадание. Порезало меня осколками брони...»

Генерал-майор бронетанковых войск Александр Лизюков в этом бою погиб. Старший брат Евгений Лизюков, командир партизанского отряда, отдал свою жизнь за Родину в июле 1944 года в Белорусии. Младший брат Пётр, полковник-артиллерист, Герой Советского Союза, погиб в январе 1945-го под Кёнигсбергом. Три брата. Три жизни, отданные за победу.

Небольсин Алексей Захарович

(17 марта 1918 — 10 июля 1941)

Родился в селе Горенские Выселки. В пятнадцать лет вместе с мамой переехал в Воронеж. Работал учеником слесаря на авиационном заводе. Учился в авиашколе. Окончил Борисоглебскую школу военных лётчиков.

Лейтенант, лётчик 145-го истребительного авиационного полка, Северный фронт.

улица Небольсина (г. Воронеж)

Первый заполярный огненный таран

Здесь вы можете прочитать отрывки из школьных сочинений, посвящённых подвигу лётчика Алексея Небольсина.

Я живу в посёлке Килп-Ярв. По-саамски это означает «озеро передней ветви оленьего рога». Посёлок наш расположен за Полярным кругом. Посёлок небольшой, поэтому я часто бываю на улице Небольсина. Это главная улица посёлка. Здесь живут мои друзья. Когда я прохожу мимо мемориальной доски, я всегда останавливаюсь. И читаю: «Ты стоишь на улице легендарного лётчика Алексея Небольсина. 10 июля 1941 года он повторил подвиг Гастелло».

Каждый раз от этих слов по спине бегут мурашки. О лётчике Небольсине я знаю только, что он из села Горенские Выселки Верхнехавского района Воронежской области.

Силантий Кавурзев, 8-й класс, Килп-Ярв, 1964 год

Говорят, что мы, американцы, любим всё считать. О'кей. Это правда. Я тоже люблю цифры. Они не такие, как многие думают. Велл, цифры даже умеют говорить. Вот нам говорят, что мы, американский народ, победили фашистов и Гитлера. Ай эм прауд оф ит. Я горжусь этим. И мне захотелось побольше узнать о нашей славной победе. Я начал с лётчиков, потому что люблю самолёты. И первые цифры, которые мне попались, были про тараны. Я узнал, сколько таранов во время той войны совершили американские лётчики и сколько русские. О'кей, смотрите, что получилось. Американские лётчики совершили столько таранов, что их можно пересчитать по пальцам одной руки. А лётчики Красной армии совершили более 600 воздушных таранов и более 500 наземных. Вот так. Потом я посмотрел другие цифры, и они рассказали мне всю правду. Теперь я горжусь победой русских людей.

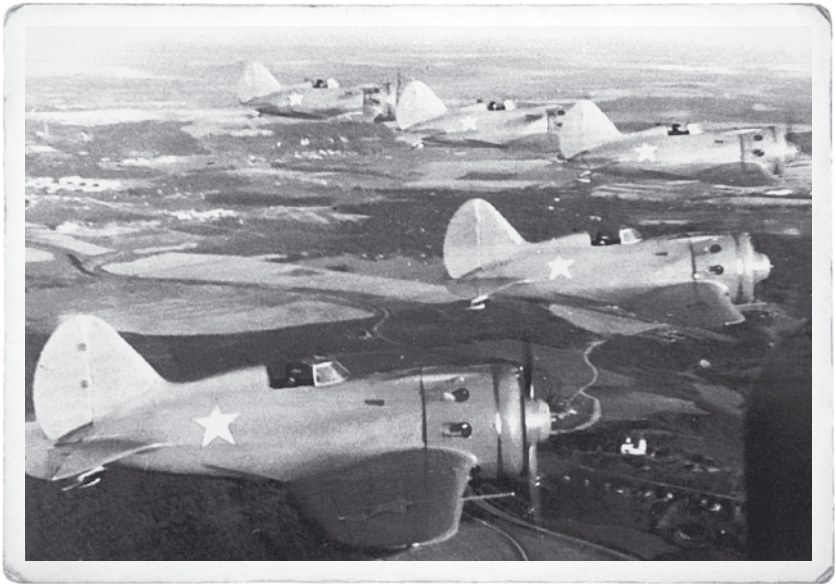
Стив Гудвилл, 14 лет, Аризона, 2004 год

Мне трудно даже представить себе, что испытывает лётчик, когда он принимает такое решение. Твой самолёт объят пламенем, но ещё слушается тебя. Кабина нагревается до нестерпимой температуры. Ещё несколько секунд промедления, и решать будет поздно. Или ты прыгаешь с парашютом и попадаешь в плен к немцам. Или ты не прыгаешь с парашютом. Там, внизу, колонна вражеских грузовиков. Машины маленькие, как спичечные коробки. В этих спичечных коробках снаряды для пушек, патроны для автоматов, мины для миномётов. И ещё бензин для танков. Все это везётся для уничтожения русских людей. Так что тебе делать прямо сейчас? Я честно признаюсь — я не знаю, что бы я сделал на месте лётчика. Какие-то секунды между позором плена и подвигом. Я спрашивал родителей, они тоже не могут сказать, как бы они поступили.

Станислав Кудряшов, 6 класс «Д», Новосибирск, 2007 год

Когда мы едем на поезде на юг и проезжаем этот монумент, родители говорят: «Всё, самолёт проехали, ложитесь спать». А когда возвращаемся обратно с юга, всегда радуемся: «Ура, самолёт!» Значит, долгая дорога позади и через час мы будем дома! И только один раз я была на этом мемориале, когда мы ездили туда с классом. Среди других там похоронены лётчики Позднышев Н. И. и Пискарёв Н. В., которые погибли в 1941 году, защищая нашу Родину. Я знаю их фамилии, потому что они летели в одном звене с лётчиком Небольсиным, когда он совершил свой «огненный таран».

Настя Климова, 7 класс «Б», г. Мурманск, 1983 год



Истребители И-16 в небе

Мой дедушка во время войны был лётчиком. Он летал на разных истребителях. И на И-16 тоже летал. Они ласково называли этот маленький самолёт «ишачком». За его размеры и упрямый нрав. Дедушка говорил, что этот самолёт был не для каждого лётчика. Ещё он говорил, что если на И-16 умеешь летать, то потом легко на любом истребителе полетишь. У него, рассказывал дедушка, предельная задняя центровка. Он мне объяснял, что это такое, но я не понял. Попробую сейчас вам объяснить. В общем, самолёт И-16 очень простой. Но в то же время очень сложный. Перетянешь чуть ручку на себя — и свернёшь в штопор. Ручку отдал от себя — и он стоит. Моментально выходит из штопора. Дедушка рассказывал, что в ближнем бою, в свалке, это очень хорошо. И-16 везде пробьётся.

Саша Петраков, 7 класс «В», город Ленинград, 1986 год

Мне папа несколько раз рассказывал одну и ту же историю. Что у них, когда он учился в школе, в школьной столовой работала тётя

Глаша. Она была добрая и всем, кто хотел, давала добавку. А ещё тётя Глаша во время войны работала в столовой лётчиков на аэродроме Шонгуй. Она там работала с самого начала войны, так у неё получилось. И она помнила, недели две, как война началась, пришли на ужин два лётчика. Два Николая, одного фамилия была Позднышев, другого Пискарёв. И они рассказывали другим лётчикам и механикам, что они летели звеном, то есть три И-16. В районе реки Западная Лица обнаружили немецкую колонну. Командиром их звена был лейтенант Небольсин Алексей. Он качнул крыльями, и они начали снижение. Грузовики становились всё больше, и они поняли, что это бензовозы. Три И-16 прошли над колонной, поливая её огнём из пушек и пулемётов. Старались попасть в первую машину, чтобы колонна остановилась. Но не попали. Зато несколько других машин вспыхнули. Фашисты посыпались из кабин, спасаясь на обочине. Заработали зенитки, прикрывающие колонну. Наши лётчики пошли на разворот, чтобы сделать второй заход.

— Тут мы увидели, — рассказывал Позднышев, — что у Лёшки дымит левая плоскость. Потом уже огонь пошёл. Мы снова заходили в начало колонны. Чтобы первую машину зажечь.

— А он раньше нас развернулся и пошёл в середину, — добавлял Пискарёв.

— Огонь уже с плоскости на кабину перекинулся. Выпрыгни он сейчас — ещё бы выжил. Но он не прыгнул. Я думаю, когда он в колонну врезался, — мрачно, ни на кого не глядя, говорил Позднышев, — он уже сам горел.

— Потом он врезался. Взрыв был. Пламя. Столб чёрного дыма.

— Четыре или пять бензовозов загорелось. Мы потом ещё несколько заходов сделали на колонну.

— Расстреливали гадов, как могли. Только в середину не стреляли, где Лёшкин самолёт догорал. Не могли. Как будто бы он ещё живой там был...

Захарченко
Василий Петрович

(23 января 1924 — 12 октября 1943)

Родился на хуторе Крутец Каменского района Воронежской области.

Сержант. Командир пулемётного расчёта 722-го стрелкового полка. Герой Советского Союза.

улица Захарченко (пгт Каменка)

А пулемёт продолжал стрелять...

Вечером 19 сентября 1943 года стояла удивительно тихая и тёплая погода, в свои права вступала ранняя осень. Листья с деревьев падали на землю пока ещё намного реже, чем отступающие под напором Красной армии фашисты. 722-й стрелковый полк 206-й стрелковой дивизии получил сутки отдыха для приведения себя в порядок. Позади были три недели преследования бегущего противника и успешные переправы через реки Псёл и Хорол. Впереди всё тот же упорно цепляющийся за оборонительные рубежи фашист и река Сула, за которой судьбоносная операция осени 1943 года — форсирование Днепра.

Сам великий Днепр — уже непреодолимое препятствие. В ширину до трёх с половиной километров и быстрый, скорость течения до двух метров в секунду. Западный берег, удерживаемый врагом, высокий, как крепость. А левый, восточный, на который только что вышли

наши части, пологий и хорошо просматриваемый — как цель на учебных стрельбах. Неслучайно Гитлер бахвалился перед своими генералами: «Скорее Днепр потечёт обратно, чем русские преодолеют его».

У этих выпрыгнувших, как лягушки изо рта, слов есть своя предыстория. После победы на Курской дуге Красная армия обрушилась на врага в стремительном наступлении. У фашистов оставался единственный шанс зацепиться — река Днепр. И они этот шанс использовали на все сто процентов. «Оставль», или «Восточная стена», — немецкий неприступный оборонительный рубеж, который проходил по Днепру и полностью оправдывал своё название. Глубокие противотанковые рвы, шесть рядов колючей проволоки, многокилометровые сети траншей и ходов сообщений, притаившиеся минные поля и доты, доты, доты... Через каждые сто метров — долговременная огневая точка, которая будет поливать смертельным огнём всё, что движется.

А в роту движется ужин. Сегодня кулеш и гречневая каша с мясом. После ужина прибывший с недавним пополнением молоденький сержант привалился спиной к дереву, достал листок бумаги и карандаш и начал писать письмо домой. Рядом на пеньке сидел закалённый в боях красноармеец лет тридцати пяти и читал армейскую газету «Фронтовик».

— Как обед на новом месте? — оторвавшись от заметки на последней странице, спросил красноармеец.

— Вкусно, — довольно потянулся сержант, — давно такого не ел. А вы что читаете?

— Заметку про Марию Октябрьскую.

— Должно быть, интересно? — из вежливости поинтересовался молодой.

— Тут какое дело, — сказал красноармеец, — её муж был комиссаром нашей дивизии. И в боях под Киевом погиб смертью храбрых. После смерти мужа она отдала все свои сбережения и на вырученные деньги построила танк. Выучилась в Омском танковом училище на механика-водителя. Прямо с конвейера танкостроители вручили Марии Васильевне её собственную бронированную крепость. Перед глазами над рычагами управления она прикрепила портрет мужа. На башне крупными белыми буквами написала «БОЕВАЯ ПОДРУГА». И будет на этом танке фашистов бить, мстить им, гадам, за мужа.

— Вот это женщина! — восхищённо сказал молодой сержант.

— Да, есть женщины в русских селеньях, — согласился красноармеец. — Ты сам-то кто будешь и из какого селения?

Сержант понял, что написать письмо сейчас не получится, и отложил листок с карандашом.

— Родители назвали Василием, фамилия Захарченко. После курсов пулемётчиков сразу отправили на фронт. А родился на хуторе Крутец недалеко от Каменки. Вы, наверное, и не знаете, это Воронежская область.

— Тесен мир. Получается, вроде как земляки мы с тобой, Василий из хутора Крутец. Наша 206-я дивизия, в которой и ты теперь службу несёшь, в 1942 году обороняла Воронеж целых семь месяцев. Стояли мы на левом берегу от Чижовского плацдарма до Шиловских высот. Так и не пустили фашистов дальше. Нам в роте политрук рассказывал, что как раз по левому берегу проходила железная дорога на Сталинград. Артерия, которую мы фрицам пережали. То-то им в Сталинграде силёнок и не хватило, расчехвостили мы их по полной. Так что вот в какой дивизии тебе теперь воевать, товарищ сержант.

— Чувствую себя здесь самым молодым, — сказал Василий.

— Ну, это ты хватил. Тут у нас целых пять сыновей полка. Витя Щербина, например. Их эшелон на станции Графская разбомбили, и маму с бабушкой он потерял. Случайно прибился к нам. Теперь работает в артиллерийской мастерской, чинит повреждённые орудия. Ещё одного сына полка я сам знаю, при мне дело было. Рассказать?

Сержант молча кивнул.

— В августе, когда Украину уже освобождали, лежим мы на привале. Вдруг слышим — стоны раздаются, всхлипы. Откуда? Прислушались — из стога сена. Разгребли, а там мальчишка лет восьми. Отвезли его в медсанбат, он там в себя пришёл и рассказал, что зовут его Коля Николин и что во время отступления гитлеровцы решили уничтожить всю их деревню. Как поступали они с тысячами таких же русских, украинских и белорусских деревень. Когда всех жителей, а были там только женщины, старики и дети, вели на расстрел, мать выбрала момент и толкнула мальчишку в стог сена. Так она его и спасла.

После этого разговора Вася Захарченко красноармейца больше не видел. В ночь с 24 на 25 сентября началась переправа через Днепр.

Красноармеец погиб ещё на берегу, он был убит осколком разорвавшегося рядом снаряда. Василий со своим пулемётом одним из первых переправился на другой берег. Он выбрал удобную огневую позицию и открыл уничтожающий пулемётный огонь по врагу. Как рассказал потом взятый в плен фельдфебель, этот пулемёт вывел из строя около сотни гитлеровцев. Плотным огнём Василий блокировал действия немцев, и его батальон смог с минимальными потерями переправиться через Днепр. В течение всех последующих дней он продолжал отражать атаки врага, обороняя плацдарм, на который высаживались всё новые и новые подразделения, переправлялись артиллерия и боеприпасы.

22 октября 1943 года батальон удерживал высоту 225.0. В боевую задачу Василия входило простреливать подступы к высоте. А немцы всё лезли и лезли, их атаки накатывались одна за другой, по огневой точке Василия противник вёл плотный миномётный огонь. Пулемётчики сменили позицию на запасную, но это помогло не надолго. Тяжело ранен второй номер пулемётного расчёта боец Кокин, теперь Василий продолжает стрелять один. Его огневую позицию накрывает миномётный залп. Несколько небольших разрывов, вверх летят земля и клубы дыма. Вместе с ними летит в небо чистая и светлая душа храброго пулемётчика, почти ещё мальчишки. Василий уже мёртвый, но пальцы сжимают гашетку, и пулемёт продолжает стрелять по фашистам — пока не закончится лента.

Отдав жизнь в бою за Родину, Василий Захарченко не прочитает в газете «Красная Армия» о том, что танк «Боевая подруга» зимой 1944 года подобьют в бою. Мария Октябрьская под огнём врага будет пытаться починить разорванную гусеницу, осколок мины пробьёт ей глаз, пройдет в голову и через два месяца она умрёт в госпитале.

Не приедет в Каменку и на хутор Крутец, не пройдёт по улицам, которые благодарные потомки назовут его именем.

Не войдёт в гимназию № 5 и не посетит музей, в стенах которого школьники ведут патриотическую работу: рассказывают всем, кому небезразлична славная и героическая история нашей страны, о жизни и подвигах бойцов и командиров 206-й стрелковой дивизии. В том числе и о нём, Василии Захарченко, самом молодом в Воронежской области Герое Советского Союза.

Зеленко Екатерина Ивановна

(23 февраля 1916 — 12 сентября 1941)

Родилась в селе Корощино Волынской губернии. Десятый ребёнок в семье. Во время Гражданской войны семья переехала в Курск. В 1933 году училась в воронежском аэроклубе.

Старший лейтенант, заместитель командира 5-й эскадрильи 135-го бомбардировочного авиационного полка. Герой Советского Союза.

улица Екатерины Зеленко (г. Воронеж)

Единственная женщина

Сегодня у неё был удачный день. Позади два успешных разведывательных боевых вылета. Правда, во время второй бомбардировки позиций врага её самолёт был сильно повреждён и к третьему вылету не готов. Но зато ей удалось уговорить заместителя командира полка Толю Пушкина дать ей свой Су-2. Это была особая машина, сделанная по спецзаказу, с полированной обшивкой и форсированным двигателем. Управлять таким аппаратом было одно удовольствие. А управлять самолётами она умела. Ещё в училище 24-летней девчонкой обучала уже видавших виды лётчиков полётам на Су-2.

В этот день, 12 сентября 1941 года, колонна немецких танков прорвала нашу оборону и двигалась по дороге из Ромны на Лохвицы с целью завершить окружение частей Красной армии под Киевом. Нужно было если не предотвратить, то хотя бы оттянуть момент окружения. Дать нашим там, на земле, выйти из кольца. В составе нескольких групп самолётов они выполнили задачу: разбомбили танковую колонну, собрали необходимую разведывательную информацию и теперь возвра-

Ближние бомбардировщики Су-2

щались на свой аэродром. Они — это два ближних бомбардировщика: её и капитана Лебедева. Она помахала Лебедеву рукой. Капитан ответил улыбкой — полёт нормальный. Неожиданно из облаков вынырнули семь «Мессершмиттов Bf-109F» — «фридрихи», как называли их фашисты по букве F, означавшей более мощные мотор и вооружение. У Су-2 и «Мессершмитта Bf-109F» мощность моторов одинаковая, по 1 300 л. с., но наш лёгкий бомбардировщик даже без бомб в полтора раза тяжелее немецкого истребителя. Поэтому он проигрывает в манёвренности и медленнее на роковых 150 километров в час. Фашистов в небе семь, а наших двое, но капитан Лебедев и старший лейтенант Екатерина Зеленко принимают бой. Самолёт Лебедева первым попадает под шквальный огонь пулемётов и 20-мм пушек «мессеров». Правая плоскость изрешечена пулями и держится только на честном слове. Лебедев выходит из боя и пытается на бреющем полёте по-над лесом уйти от своры преследующих его истребителей врага. Оставшиеся «сто девятые» кружат над нашей лётчицей, выцеливая хвост и кабину. Второй в её экипаже, бомбардир-пулемётчик Николай Павлык, ведёт заградительный огонь, не давая немцам зайти в хвост. Фашистов много, и боеприпасы у Николая кончаются.

Неожиданно фюзеляж с жирным чёрным крестом заслоняет смотровое стекло. Екатерина, ещё не веря в удачу, реагирует мгновенно: жмёт на гашетку ШКАСов. Меткая очередь прошивает двигатель насквозь. Фашист дымит, теряет тягу и проваливается вниз, чтобы на скорости 200 км/час расплющиться о чужую землю. Очередь

из другого «мессершмитта» пробивает фонарь и ранит бомбардира-пулемётчика, ленты пулемёта которого уже полминуты, как пусты.

— Прыгай! — приказывает ему Катя.

И, видя, что Николай считает для себя невозможным оставить её одну, повторяет приказ. Шум двигателя и боя заглушает слова.

— Прыгай! Это...каз! Долож... резу...тания и развед..!

Николай откидывает фонарь и вываливается в пустоту. Зеленко остаётся одна. Она пробует уйти и отстреливается. Кончается боезапас. Самолёт сильно повреждён. «Мессеры» делают вираж и заходят на последнюю атаку. Остаются секунды. Ещё есть возможность выпрыгнуть с парашютом и спастись: внизу наши.

В этот момент Катя почему-то не вспомнила один из своих первых боевых вылетов в июне 41-го, когда в районе города Пропойска она вела на задание группу бомбардировщиков и им удалось уничтожить сразу небывалое количество бронетехники: до 45 танков и 20 грузовиков с пехотой. Она не вспомнила свой боевой вылет в августе в район Быховки, когда группа, которую она вела, попала под сильный зенитный огонь вражеской артиллерии, но успешно совершила бомбометание, уничтожив до батальона вражеской пехоты, и вернулась на аэродром, не потеряв ни одного самолёта. Не вспомнила она в этот момент и учёбу в воронежском авиационном техникуме и в воронежском авиаклубе, где делала свои первые шаги в небо. В четыре часа утра начинались полёты, в девять — занятия в техникуме, с четырнадцати часов — теория в аэроклубе. И так каждый день. Не вспомнила она ни одного из своих 40 боевых вылетов, многие из которых были сложными ночными бомбардировками, не вспомнила ни один из своих 11 воздушных боёв.

В эти несколько секунд Катя почему-то вспомнила крышу того курского сарая, с которой она, шестилетняя отчаянная девчонка, десятый ребёнок в семье, собиралась прыгнуть, как настоящий парашютист: с дырявым погнутым зонтиком вместо парашюта. Было высоко и страшно, Катя трусила. Но зажмурилась, кивнула сама себе и прыгнула.

Сейчас ей тоже было страшно. Патроны кончились, вокруг нависали «мессеры». Катя зажмурилась, кивнула сама себе и — не прыгнула. Со скоростью пикирования она направила свой самолёт в корпус «мессершмитта» и пробила его. Немецкий истребитель рухнул на землю. Ни Катин изувеченный Су-2, ни саму Катю уже ничто не могло спасти. Она погибла, храбро сражаясь за Родину. Единственная женщина в мире, совершившая воздушный таран.

Феоктистов Константин Петрович

(7 февраля 1926 — 21 ноября 2009)

Родился в Воронеже. Во время оккупации города был разведчиком.

Лётчик-космонавт СССР. Первый гражданский человек в космосе. Разработчик космических кораблей. Герой Советского Союза.

улица Феоктистова (г. Воронеж)

400 километров над землёй

Зрелище не для слабонервных. В невероятном грохоте, всёпожирающем огне и гигантских столбах чёрного дыма планету Земля покидает космический корабль «Восход». Трёхсоттонная махина ракеты-носителя вырывается из объятий могущественной гравитации. Чтобы сделать это, двигатели развивают мощность в миллионы лошадиных сил! За секунду ракета промахивает 150 хоккейных площадок. От такого нападающего не отказалась бы ни одна команда. Меньше чем за минуту чудо техники и человеческой мысли преодолевает 200 километров и выходит на орбиту. На борту космического гиганта три советских космонавта: командир Владимир Комаров, учёный, проектировщик космических кораблей воронежец Константин Феоктистов и врач Борис Егоров. На них надеты не привычные скафандры, а всего лишь плотные шерстяные спортивного вида костюмы, ведь это первый в истории человечества космический полёт без скафандров.

На трёх покорителей космоса обрушиваются невероятный шум, вибрации и мощные перегрузки. Ощущение такое, как будто они оседлали чудовищного зверя. Теперь в течение суток до Земли им будет самое меньшее 180, а самое большее — 400 километров.

Константин Феоктистов прильнул к иллюминатору. Сбылась его детская мечта: он в космосе! И почему-то сразу по-другому повело себя время. Константин Петрович вспомнил, с чего всё начиналось, какими были его первые шаги во взрослую жизнь.

Лето 1942-го. Из последних сил сражающийся с фашистами, истекающий кровью Воронеж. Шестнадцатилетнего паренька Костю Феоктистова вместе с мамой эвакуируют на левый берег реки и дальше на юг. В одной из деревень Костя пишет матери прощальную записку и возвращается на линию фронта: он хочет воевать с фашистами. Становится разведчиком. Несколько раз под обстрелом врага переплывает линию фронта, на занятый немцами правый берег реки Воронеж. Рискуя жизнью, добывает ценную разведывательную информацию: где находятся штабы, где располагаются миномётные и артиллерийские батареи, сколько у противника танков. Попадает в плен. Бежит из плена. Снова идёт в разведку. Теряет боевого товарища, которого знает ещё со школы. Очередная вылазка в стан врага оказывается для Константина Феоктистова последней. Его расстреливает эсэсовец. Пуля попадает в голову. Проходит через подбородок и шею. Юный разведчик чудом остаётся жить и возвращается к своим.

Константин Петрович очнулся от воспоминаний. Посмотрел на часы. Прошло только пять минут.

— А как будто полжизни пролетело, — подумал космонавт.

— О чём задумался, Костя? — спросил врач Борис Егоров. Он был на 10 лет моложе и внешне походил на киноактёра. Любил модно одеваться, когда не в космосе, и во время подготовки к полёту открыл Феоктистову красоту джазовой музыки.

Константин Петрович рассказал.

— Тут ты прав, — кивнул всегда спокойный и сдержанный Комаров, — если бы мы войну немцам проиграли, Гитлер получил бы всё, что нужно для мирового господства: нефть, уголь, металлы всей таблицы Менделеева, плодородные земли, бесплатную рабочую силу.

— Через несколько лет у него была бы непобедимая армия, — за-

Идёт подготовка к полёту в космос. Слева направо: Феоктистов, Гагарин, Комаров и Егоров

думчиво сказал Егоров. — Да и кого побеждать? Европу фашисты поставили на колени ещё до того, как напали на нас. Англичане тогда реально тряслись от страха на своём острове. Из высоких кабинетов на Даунинг-стрит неслось как мантра: «Британия к войне не готова, в Дюнкерке катастрофа, давайте через Муссолини договариваться с Гитлером».

— Африка, Азия, Австралия и Латинская Америка отпадают сразу, — блеснул географическими знаниями Феоктистов, — достойное сопротивление могли оказать только США. Смотрите, мы как раз над ними пролетаем.

Внизу были видны обе Америки сразу: и Южная, и Северная.

— Больше ни у кого на планете не осталось бы боеспособной армии, — кивнул Егоров.

— Но американцы известные пижоны, они хорошо воюют только со слабыми странами, — сказал Комаров, — чем слабее враг, тем свирепее американец.

— Мёдом их не корми, а дай чужими руками жар загрести, — добавил Константин Петрович. — Три года сидели за океаном и ждали, пока мы с немцами не на жизнь, а на смерть сражались. И второй фронт открыли, когда всё уже было решено. Приплыли якобы воевать, а на самом деле Европу делить. Этого у них не отнять: когда надо себе потуже карман набить, американцы первые в очереди.

Космонавты ещё раз посмотрели в иллюминатор. Любоваться проплывающей под ними на расстоянии трёхсот километров цветной картиной Земли можно было бесконечно. Всё так легко узнаваемо: вот Африка, вот Мадагаскар, Персидский залив, Гималаи, Байкал, Камчатка. Горы, разноцветные озёра, разные цвета морей у берегов, около устьев рек и вдалеке от них. Глаз не оторвать!

Все космонавты находились под впечатлением от земной красоты. Первым вернулся к действительности врач Егоров. Он устроился поудобнее в ложементе и сказал:

— Выходит, если бы мы немцев в священной войне за Родину не победили, то вот эта прекрасная планета была бы сейчас фашистской?

— Так и есть, — кивнул Феоктистов, — а все люди, Борис, были бы рабами нацистов. Книги, театры, образование, спорт, лечение — привилегия победителей. Остальные — в грязь.

— И каждого могли бы расстрелять, как Феоктистова расстреливал тогда эсэсовец, — жёстко сказал Володя Комаров.

— И в космос неариец мог бы попасть только через лагерную печь.

— Не прекрасная планета была бы, а полигон для экспериментов над людьми.

Разговаривая, члены экипажа продолжали выполнять каждый свою плановую работу: измерения, съёмки, эксперименты. Когда корабль находился над ночной половиной Земли в самых южных широтах полёта, космонавтов ждало ещё одно чудо — космическое полярное сияние. Это была уникальная картина! Почти всё поле зрения занимали вертикальные столбы жёлтого цвета, поднимавшиеся на высоту нескольких сот километров.

— Как будто мемориальная стела, — подумал Комаров.

— Страшной ценой, но мы победили, — угадал его мысли Феоктистов. — Вечная память тем, кто сложил свои головы за эту победу.

— Ребята, а солдатские матери — сколько горя вынесли их сердца.

— И те, кто не жалея себя, ковал нашу победу в тылу.

Не сговариваясь, космонавты почтили память 27 миллионов погибших советских людей минутой молчания.

Время пролетело быстро. 16 витков вокруг Земли сделаны — пора домой. Спускаемый аппарат отделился от приборного отсека. Заработал тормозной двигатель, и вот уже вошли в атмосферу. В иллюминаторы ничего не видно: всё залито ярким светом, идущим от раскалённой плазмы, окружающей аппарат. Сработали двигатели мягкой посадки. Удар, искры посыпались из глаз, шар перевернулся, и покорители космоса повисли на привязных ремнях вверх ногами. Ближе к люку находился Комаров, он вылез первым, за ним Егоров и последним Феоктистов. Огляделись. Приземляясь, спускаемый аппарат пропахал несколько десятков метров целинной земли неподалёку от Целинограда. Этот факт не остался незамеченным: через несколько дней космонавтов наградили медалями «За освоение целины».

А космическая одиссея Советского Союза продолжалась: не за горами был полёт космического корабля «Восход-2» и первый выход человека в открытый космос.

Паринов
Степан Георгиевич

(1904 — 29 февраля 1944)

Родился в деревне Париново ныне Рамонского района Воронежской области.

Командир партизанского отряда, действовавшего в районе Багеровских каменоломен в Крыму.

улица С. Паринова (пгт Рамонь)

Теперь моя очередь

— Надя, пойди найди Ваню, доченька. А то он снова куда-то запропастился. Уже час, как нет.

Это говорит мама. А Надя — это я, Надя Голикова, мне двенадцать лет. Мы живём под землёй, в Багеровских каменоломнях. Наверху, на нашей земле, хозяйничают фашисты. А Ваньки и правда нигде нет. Он мой младший брат, ему всего шесть лет. Бегает где-нибудь по каменоломням с мальчишками. А это опасно. На прошлой неделе был обвал и завалило четырёх человек. Ваня с ребятами ищут оружие. Хотят тоже стать партизанами. А Степан Георгиевич их не пускает. Говорит, что они слишком смелые и умелые, всех фашистов перебьют и им, взрослым партизанам, ничего не останется. Степан Георгиевич — командир нашего партизанского отряда. Фамилия его Паринов. Он ходит в длинном чёрном пальто и всеми командует. А в отряде двести пятьдесят партизан или даже больше. Вообще, Степан Георгиевич строгий, но с нами он добрый. Между собой мы зовём его дядя Стёпа. По вечерам, когда становится совсем страшно,

мы любим, чтобы он приходил к нам посидеть у костра. Тогда мы окружаем его, а он спрашивает:

— Ну, партизаны-великаны, что бы вам такое рассказать?

— Что-нибудь длинное, — просим мы, — чтобы на подольше хватило.

— Ладно, — задумывается Степан Георгиевич, — если интересно, расскажу одну историю. Вот, значит, родился я далеко-предалеко, за тысячу километров отсюда...

Нам сразу представляется сказочная страна, в которой обязательно растут пальмы и летают разноцветные попугаи.

— ...в селе Париново Берёзовской волости Воронежского уезда.

Пальмы и разноцветные попугаи исчезают.

— В семье нас было семеро детей: шесть братьев и сестра. Работал я и пастухом, и в школе учился, а четырнадцати лет пошёл пешком за тридевять земель в Тулу.

— Самовар не забыл взять? — подходит смешливый начальник разведки дядя Володя Марченко. Его всегда посылают на самые опасные задания. Мы его любим, он с нами возится.

— Самовар дома оставил, — отвечает командир, — чтобы домашние чай пили да меня вспоминали. И вот устроился я работать не куда-нибудь, а на оружейный завод. Выпускали там винтовки, револьверы и пулемёты. Сейчас бы они нам здесь очень пригодились.

Тут голос Степана Георгиевича серьёзнеет. Оружие и боеприпасы партизанам приходится добывать с риском для жизни.

— И был на этом заводе главный инженер. Звали его Василий Петрович, а фамилию я запамятовал. Видит — парнишка вдали от дома, без родителей, ну и пожалел меня, взял к себе жить. А было у него два сына. Подружились мы с ними, они меня наукам стали обучать. А однажды, под Новый год дело было, как вот у нас сейчас, ёлка уже у них в доме стояла с игрушками. Красивая до невозможности, я такую первый раз видел. И была у Василия Петровича традиция. Он каждый год чудил: наряжался Дедом Морозом и дарил детям подарки. И вот придумали мы с братьями пошутить. Взяли да и нарядили одного из них тоже Дедом Морозом. И сидим ждём: вот сейчас придёт Василий Петрович, будет нас поздравлять, а тут выходит второй Дед Мороз и говорит: «А ну-ка, Дед Мороз, расскажи стишок Деду Морозу!»

— Товарищ командир, вам срочно в штаб нужно, — прибежал

кто-то из партизан, — немец сверху. Похоже, снова бомбы и отравляющие вещества привезли. Будут сбрасывать в бурки, которые вчера пробурили.

— Всех гражданских срочно в нижний забой, — скомандовал Степан Георгиевич, — первыми пойдут семьи с детьми.

Снизу было слышно, как содрогаются шахты от взрывов. Земля у нас под ногами вспучивалась. Если бросит о стену, сразу потеряешь сознание. Потом мальчишки рассказали, а им рассказал начальник боеприпасов Курочкин, что немцы сбрасывали в шахты бомбы и шашки с фосгеном. Но ядовитые газы, слава богу, пошли вверх. А то бы мы все задохнулись в страшных мучениях.

— Надюша, покачай Зину, — тихим голосом просит мама, — я уже больше не могу.

Зина — моя младшая сестра. Ей полтора месяца, и она всё время плачет, потому что голодная. А голодная она, потому что маме совсем нечего пить. И никому нечего — у нас в подземелье закончилась вода. Несколько раз за водой выходили боевые группы. И каждый раз они возвращались ни с чем — немцы оцепили шахты, а в ближний колодец сбросили дохлую лошадь.

Так продолжается уже много дней. Больно шевелить губами, они растрескались, как земля в пустыне. Язык стал большим, с трудом помещается во рту. Очень сухо глазам. Двигаться совсем не хочется. А сегодня ночью мне приснился сон. Как будто плыву я по воде, а навстречу мне огромная рыба. И глаза у неё огромные, и рот она открыла огромный, а во рту зубы в несколько рядов — и тоже огромные. Сейчас съест меня. И я сначала боюсь, а потом становится совсем не страшно. Потому что я вдруг понимаю, что я сама — это и есть вода. И съесть меня нельзя. Можно только...

— Пить, пить, — в бреду шепчет мама. Ей совсем плохо, она уже почти не встаёт.

Я кладу маленькую Зину на мешок с вещами, который заменяет ей кроватку, и иду к мальчишкам. Там ещё один мой брат Толя с друзьями Витей Колесниковым и Петей Фесечко, и с ними Ваня. Мальчишки ходят вместе и собирают камни подходящего размера. Я взяла у них три. Один для мамы, один для себя и один на всякий случай. Чтобы хоть как-то спастись от жажды, мы сосём камни. В камнях тоже есть вода, только её совсем мало.

Навстречу идёт дядя Стёпа с человеком, которого в темноте не разглядеть.

— Степан Георгиевич, здрасьте! — кричат мальчишки. — Вы когда историю до конца расскажете?

— Скоро, мои хорошие, скоро, — говорит Степан Георгиевич, — вот сейчас колодец докопаем. Очень тяжело идёт это дело. Грунт, сами понимаете, какой. Хоть и мягкий, а всё равно камень. Полчаса — и лопата тупая.

— А на сколько метров уже прокопали? — спрашивает Витя.

— На пятьдесят. Думаю, осталось немного. Метра два, и вода пойдёт. Тогда станет легче. Сядем у костра, будем пить чай и рассказывать истории.

— А вы сейчас хоть чуть-чуть расскажите.

— Ладно, уговорили. Только совсем немного.

Оборванные, полуголодные, измученные жаждой мальчишки счастливы. Степан Георгиевич продолжает прерванный рассказ:

— А дальше как получилось. Василий Петрович на работе задержался, что-то у них там не заладилось. И он тогда вызывает мастера и говорит: «Савельич, только тебе могу это трудное дело доверить. Вон у меня в шкафу костюм Деда Мороза, в мешке подарки. Переоденься и сходи ко мне домой, поздравь ребятишек. Их там трое, мои два и Стёпка Паринов, ты его знаешь, у меня живёт». А мастер Савельич, он был очень исполнительный. Всё у него должно быть по плану. Ежели что не так, то сразу нервничал. И вот приходит он к нам Дедом Морозом. Всё как положено: борода, посох, мешок красный. И тут вдруг открывается дверь...

На этом месте Степан Георгиевич начинает кашлять: долго, сухо, надрывно. Потом с трудом говорит:

— А что было дальше, я вам потом расскажу. Потому как силёнок нет, а через два часа снова моя очередь копать.

И они со своим спутником идут дальше. Степан Георгиевич еле переставляет ноги от усталости.

И я тоже. Мы идём с Олей, моей сестрёнкой, которой три годика. Она любит задавать разные глупые вопросы.

— Надюса, а почему раньше солнце было, а теперь его совсем нет?

— Солнце сейчас светит другим людям, — отвечаю я ей, — не может же оно только для нас с тобой по небу бегать.

Украина
Автономная Республика Крым
Ленинская районная
государственная
администрация
ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ

Україна
Автономна Республіка Крим
Ленінська
районна державна
адміністрація
ВІДДІЛ КУЛЬТУРИ

298400 пгт.Ленино, ул.Пр[illegible]
Тел.8-05-67,0-[illegible]-[illegible]
26. 05 2004
225/2-03

СПИСОК

малолетних детей в возрасте до 14 лет, находившихся при партизанском отряде «Шахта Багерово № 1» и расстрелянных оккупантами в период зимы – весны 1944 г. на территории Ленинского района Крымской АССР.

№	Фамилия, имя ребенка	Возраст ребенка
1.	Голикова Надя	12 лет
2.	Голиков Толик	7 лет
3.	Голиков Ваня	6 лет
4.	Голикова Оля	3 года
5.	Голикова Зина	1,5 месяца
6.	Гребенников Иван	13 лет
7.	Григоран Шура	14 лет
8.	Григоран Вова	6 лет
9.	Конопланко Алла	5 лет
10.	Коноплянко Зоя	3 года
11.	Воскребенцева Тома	5 лет
12.	Воскребенцев Илья	3 года
13.	Погребняк Аксенья	14 лет
14.	Погребняк Илья	7 лет
15.	Погребняк Миша	7 лет
16.	Таскевич Галя	6 лет
17.	Тубольцев Вася	14 лет
18.	Фесечко Катя	14 лет
19.	Фесечко Гриша	11 лет
20.	Фесечко Петя	9 лет
21.	Фесечко Аня	4 года
22.	Фесечко	2 года
23.	Туль Галя	3 года
24.	Колесников Витя (умер в лагере Семь Колодезей)	11 лет

Основание: картотека Книги Памяти Историко-археологического музея Ленинского района.

Директор Историко-археологического
музея Ленинского района Н.А.Рак

— Поня-ятно, — тянет Оля.

Мы идём там, где солнца никогда не было. Огромные коридоры каменоломни. Стены и потолок здесь ровные, как будто построенные. Стены осыпаются, стоит к ним только прикоснуться. До потолка, наверное, пять моих ростов. Очень сыро, и сквозняки пробирают до костей. Обходим обвалы. После того как немцы стали кидать в шахты бомбы и гранаты, обвалов стало намного больше.

Мы с Олей, наверное, прошли свой поворот. Нам немного страшно, но ничего, не в первый раз, сейчас найдём наш коридор. Главное — не выйти туда, где немцы охраняют выходы. Они освещают тоннели прожекторами и стреляют из автоматов и пулемётов во всё, что движется. Не будут разбирать, дети там или нет. Вдруг слышу, из-за угла раздаются голоса. И под ноги нам падает полоска тусклого света. В стене коридора выбита большая комната. Вход занавешен плащ-палаткой, но в щёлку немного видно. Мы подслушиваем. Говорит человек, который опирается на один костыль. Все у нас его называют или полковник Белов, или начальник штаба.

— Из последних событий, — он говорил спокойно и уверенно, и я стала чувствовать себя точно так же, спокойно и уверенно. — Группа начальника разведки Володи Марченко перерезала телефонную связь. Группа Еремеева привела десять эльтигенских десантников, скрывавшихся в степи. 3-е отделение 1-го взвода совершило нападение на склад взрывчатых веществ. Добыто 725 килограммов аммонала. Группа Голобородько привела в отряд десять красноармейцев. Группа Рагулина уничтожила склад взрывчатых веществ. Взорвано 12 тонн аммонала. Всего за последнее время взято в плен два немца, уничтожены 37 автоматчиков и два офицера. Отряд делает всё, чтобы фашисты не чувствовали себя на нашей земле хозяевами. Передаю слово командиру.

Встал Степан Георгиевич. Я подумала, а вдруг он расскажет конец истории, и стала слушать ещё внимательнее. Но Степан Георгиевич говорил серьёзно:

— Обстановка для отряда сложная, вы и сами всё знаете. И проще не будет. Немцы блокировали все известные им входы и выходы. Все проходы освещаются прожекторами и простреливаются автоматчиками и танком Т-4 с 75-мм пушкой. На прошлой неделе немцы пригнали буровую установку. Сделали шесть бурок. Сброшено шесть авиационных бомб. Под обвалами погибло четыре человека. Хорошо, не дети.

— Пойдём, — потянула меня за руку сестрёнка.

Мы с Олей уходили, но ещё долго вслед нам по коридору неслись его слова:

— Колодец, который мы с таким трудом вырыли, давал воду, по 40 — 50 вёдер в сутки, но произошёл обвал. Воды нет. И добраться до неё невозможно. Шахта оцеплена колючей проволокой и немецкими автоматчиками. Установлены три станковых пулемёта и автоматическая пушка. Дрова достаются под пулемётным огнём. Светить нечем. Продуктов осталось на десять дней. Люди крайне истощены. От голода пухнут. Руководством отряда принято решение: выходить из шахты небольшими группами, скрытно, ночами — с целью перейти линию фронта и соединиться с Красной армией. Какие будут вопросы?

Вопросы, вопросы...

— Надюса, а куда нас ведут? А почему так хочется кушать? А мама чего плачет?

Когда мы вышли из шахты, сразу попали к немцам в плен. Оказались в лагере «Семь колодезей». Теперь нас привели сюда, к оврагу. Перед нами длинный ряд немцев. Первым упал полковник Белов на одном костыле. Потом ещё несколько человек. У Степана Георгиевича изуродованы руки. Он сделал шаг вперёд и тоже упал. Потом ещё люди. Упал мой братик Толя, потом папа. На папу упал Ваня. Мама с маленькой Зиной на руках подкосилась и упала на бок.

— Надюса, а почему все падают? Это такая игра нов...

Оля не успела договорить и тоже упала. Теперь моя очередь...

Крейзер
Яков Григорьевич

(4 ноября 1905 — 29 ноября 1969)

Родился в Воронеже.

Генерал армии, прошёл путь от командира взвода до командующего армией. Герой Советского Союза.

улица Крейзера (г. Воронеж)

Руки не опускать

Красноармеец Свинкин и сержант Рыкалин слыли в полку ловкими сочинителями куплетов. Начинал обычно Свинкин. Роет окоп, как все, потом вдруг замрёт и сидит, не двигаясь, смотрит в одну точку. Потом выдаёт:

Фрицы, бравые ребята,
К нам пришли весёлые...

Тут приходит черёд Рыкалина. Этот, наоборот, не замирает. Он начинает ходить туда-сюда, шагами землю мерить. Потом на ходу, не останавливаясь, выпаливает:

А от нас ещё быстрей,
На небо новосёлами!

И так всё время. Вот как-то солдаты им говорят:

— Ребята, вы бы чего посерьёзнее сочинили.

— А что посерьёзнее, — спрашивает Свинкин, — роман, что ли? Анну Каренину?

— Роман до конца войны не успеете. Времени мало. Вы бы песню. Про комдива.

— Про Яков Григорьича?

— Про него. Сколько при нём фрицев побили. Не помешает песня-то, а?

— Не помешает, — согласились красноармеец Свинкин и сержант Рыкалин.

Согласились, а потом сами же об этом и пожалели. Как сочинять? Про что сочинять? Бои, что ли, в рифму описывать?

Вспомнили, как всё начиналось. Как в самом начале войны, 23 июня 1941 года, бросили Первую Московскую мотострелковую дивизию, которой командовал полковник Яков Григорьевич Крейзер, сначала на Оршу, а потом на Борисов. И сразу же, с марша, вступили в бой за мост через Березину с 18-й танковой дивизией немцев. Двое суток крутилась смертельная мясорубка. У фашистов было полное господство в воздухе. Безнаказанно самолёты люфтваффе раз за разом сбрасывали смертоносный груз на позиции наших бойцов. Горели поля. Вода в реке вскипала от разрывов бомб. Наступали танки и пехота. Но дивизия не дрогнула. Двое суток стояли насмерть.

Громит врага оружием,
Дивизия бесстрашная...

— само собой вырвалось у Свинкина. Рыкалин начал движение. Долго ходил взад-вперёд и наконец сказал:

На подвиги геройские,
Нас Крейзер в бой зовёт.

После сражения за мост через Березину дивизия заняла оборону, «оседлала» шоссе Минск — Борисов — Смоленск. Это была самая важная транспортная магистраль, по которой фашисты собирались быстро дойти до Москвы. Надо было сдерживать многократно превосходящие силы врага. Но как? Полковник Крейзер относился к происходящим

событиям осмысленно. Он наблюдал, анализировал обстановку и делал выводы. Заметил, что немецкие оккупанты остерегаются действовать ночью. И сразу взял эту слабость врага на вооружение.

В ночное время дивизия организованно меняла своё расположение на шоссе. Утром немецкая тяжёлая артиллерия, миномёты, авиация работали по старым позициям, перемешивая землю с брёвнами оборонительных сооружений. А подразделения дивизии Крейзера ждали их в новом месте, неожиданно нападали и снова громили. Бессонные ночи изматывали наших солдат и офицеров, но фашистов такая тактика подвижной обороны изматывала ещё больше. Командир 18-й танковой дивизии генерал Неринг написал в приказе:

«Потери снаряжением, оружием и машинами необычайно велики... Это положение нетерпимо, иначе мы «напобеждаемся» до собственной гибели...»

Наша подвижная оборона лишила 18-ю танковую дивизию немцев половины танков. И, главное, драгоценного времени. Солдаты и офицеры под командованием полковника Крейзера задержали фашистское наступление на 12 дней. А в той обстановке — на целую вечность. Резерв 20-й армии успел выйти на рубеж обороны по Днепру к Смоленску. Это было начало конца фашистского блицкрига, гитлеровского плана молниеносной победы над нашей Родиной.

Воспоминания о недавних боях навеяли красноармейцу Свинкину строчки:

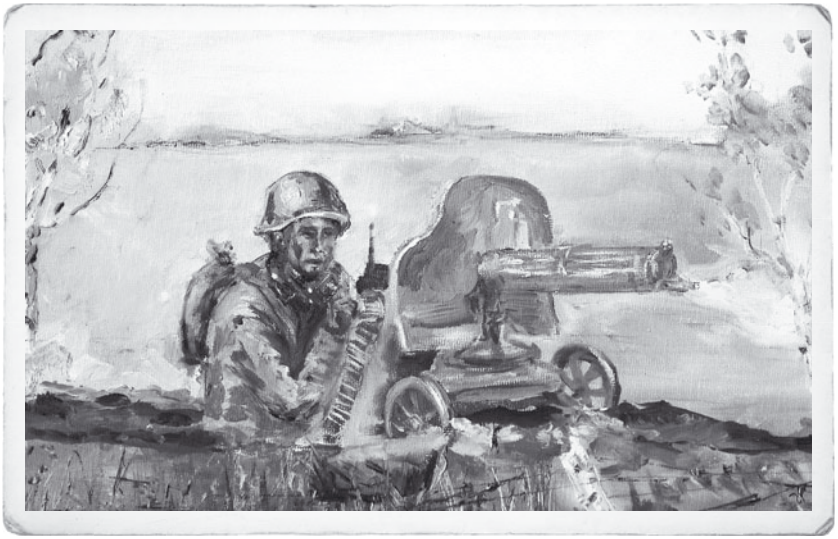
Лавиной сокрушительной,
Пошли бойцы отважные...

Тут он замолчал и посмотрел на Рыкалина. Рыкалин подумал и выдал:

За наше дело правое,
За наш родной народ!

— Хорошая песня получилась, — сказал Свинкин.

— Да, — кивнул Рыкалин, — боевая.



За эти сражения, за то, что задержал фашистские танки, за то, что выиграл драгоценное время, полковник Крейзер первым из советских пехотных командиров получил 22 июля 1941 года звание Героя Советского Союза.

Потом было ранение, после которого боевой путь теперь уже генерала Крейзера продолжался. Он командовал 3-й армией и вместе с ней выходил из окружения, совершив почти невозможное: армия 300 километров прошла по тылам врага и с боями пробилась к своим, сохранив боеспособность. В августе 1943 года принял командование 51-й армией, с которой будут связаны крупные наступательные операции. Сначала 51-я прорвала Миус-фронт, хорошо укреплённый оборонительный рубеж немцев. Сами фашисты называли его «Миус-фронт Колоссаль». Ни отборная танковая дивизия СС «Мёртвая голова», ни поддержка семисот самолётов с воздуха не помогли немцам сдержать натиск 51-й армии. Как в дальнейшем им ничто не поможет при встрече с частями и подразделениями генерала Крейзера. На боевом счету 51-й армии освобождение Донбасса, форсирование Сиваша, взятие Перекопа и героическое, всего за два дня, освобождение весной 1944 года Севастополя. И последняя операция, которая была

завершена уже после 9 мая 1945 года, — блокирование и приведение к капитуляции 30 немецких дивизий в Прибалтике.

Сам генерал, несмотря на занятость, всегда с вниманием относился к простым солдатам. Беседовал с ними, знал их нужды. Помнил подвиги своих солдат и любил вспоминать о них. Не просто вспоминать, а приводить в пример. Для пользы общего дела. Говорил, бывало, так:

— Растерялся в бою — считай, уже нет тебя. Вот расскажу вам такой случай. У нас в 346-й стрелковой воюет сержант Плотников. Мой земляк, тоже воронежский. Что он, значит, сделал. Идёт бой. Мы в обороне. Фашист прёт, сил нет. Но мы держимся. Пошёл фриц в очередную атаку, не помню, какую уже за день. Тут на одном участке обороны наш пулемёт замолчал. Почему, неясно. И расчёт из строя выбыл. А фрицы уже близко. Сержант Плотников — он в первую очередь не растерялся. Проявил боевой дух и солдатскую смекалку. Под непрерывным огнём противника разобрал пулемёт, продул детали от песка и снова собрал. И заработал ведь пулемёт! Вот подарочек для фрицев. Не было пулемёта, не было, и тут вдруг нате — поливает их огнём!

На этом месте Яков Григорьевич обычно улыбался и продолжал:

— Сержант Плотников начал фашистов из пулемёта косить направо-налево. В общем, отбили атаку. И желание у немцев в этот день атаковать тоже отбили. А растеряйся сержант, что было бы? То-то же. Такое дело: на войне, что бы ни случилось, руки опускать нельзя. Ну и поднимать тоже, конечно.

Тут генерал Крейзер улыбался во второй раз. И с ним улыбались солдаты. Они верили: где генерал, там победа.

Бурденко
Николай Нилович

(22 мая 1876 — 11 ноября 1946)

Родился в селе Каменка Пензенской губернии. Закончил Юрьевский университет. В 1918 году вместе с университетом переехал в Воронеж.

Главный хирург Красной армии в 1937 — 1946 годах, основоположник советской нейрохирургии, академик и первый президент АМН СССР, Герой Социалистического Труда, Почётный член Лондонского королевского общества хирургов и Парижской академии хирургии.

улица Бурденко (г. Воронеж)

Четыре войны хирурга Бурденко

Метель разыгралась не на шутку: скорая помощь в любой момент могла потерять дорогу. Водитель чудом угадывал асфальт под толстым слоем наметённого снега. Фары не помогали совершенно. В их свете снежинки смотрелись волшебно, но, кроме снежинок, не смотрелось ничего.

— Дядя Коля, ну что? — повернулся к водителю молодой начинающий доктор Андрей Андреевич. — Можем не доехать.

— Должны доехать, — сжимая сильными руками баранку, отозвался дядя Коля.

— А если застрянем? — не отставал доктор.

— Должны не застрять, — скупо улыбнулся шофёр. — Давай, чтобы ты не волновался, я тебе лучше одну историю расскажу. Про хирурга Бурденко. Знаешь такого?

— Кто ж его не знает, — отозвалась за доктора фельдшер Иванова.

— Так вот и слушайте.

И, не отрываясь от дороги, шофёр начал свой рассказ.

Шли первые годы беспокойного двадцатого века. Обладатель самой мирной профессии хирург Николай Нилович Бурденко не пропустил в этом веке ни одной войны. Так вот бывает.

Первая война хирурга Бурденко

В 1904 году, в Русско-японскую войну, поехал он ещё студентом, добровольно причём, в так называемом летучем санитарном поезде. Перевязывал раненых в окопах, с поля боя их выносил, под пулями, под шрапнелью. Бесстрашный, одним словом, был юноша. Однажды командование оставило их поезд в резерве. До Вафантоу, где проходило большое сражение, несколько километров. «Я тут сидеть не намерен, — вдруг сказал товарищам Бурденко, — там русская кровь льётся, а мы бездействуем. Кто со мной?»

Собрал группу — и на поле боя. Там раненые, крики, стоны. Николай с товарищами кинулись их перевязывать, шины накладывали, пули шальные ему две дырки в фуражке пробили. А потом ещё одна ниже попала, прямо в плечо. Товарищи кинулись помогать, но Николай твёрдо сказал, чтобы сначала раненого солдата перевязали, а потом уже его.

За храбрость и преданность делу получил Бурденко в Русско-японской войне свою первую награду — солдатский Георгиевский крест.

— Вот так, — задумчиво сказала фельдшер Иванова, — у Николая Ниловича было несколько километров до раненых, а у нас несколько километров до больного. Не переживайте, доктор, домчим, как по проспекту.

Метель была другого мнения. Она завоёвывала мир. Дворники перестали справляться со снегом. Дядя Коля сидел за рулём, низко пригнувшись, как будто боялся получить по шее, и следил за дорогой через узкую щель, которую пока ещё отогревала на стекле печка.

— Дворники плохо работают, — досадливо сказал он.

— А когда у нас дворники хорошо работали? — весело отозвалась неунывающая Иванова.

— Что ж у начальства новые не попросишь? — спросил Андрей Андреевич. — Не видно же ничего.

— У начальства? — переспросил дядя Коля, чувствуя, что безнадёжно теряет дорогу. — У начальства требовать я как-то не научился. Я же тебе не Николай Нилович. Тот мог... Вот послушайте ещё...

Вторая война хирурга Бурденко

Когда Первая мировая война взорвала пол-Европы, он уже известный хирург был, профессор. Но носа не задирал: лечил и простых людей, и детишек ихних. А во время первой мировой бойни так и вообще сутками от операционного стола не отходил, очень много солдат спас. У генералов в штабе одна операция, а у хирургов из-за этой одной — тысячи. Но Николай Нилович генералов не боялся. Можно даже сказать, он их сам пугал. Приезжает к нему однажды в госпиталь генерал-адъютант принц Ольденбургский. Этот принц был большая шишка, командовал санитарной и эвакуационной службой на всей войне. Так вот Николай Нилович к нему сразу не вышел, а только когда операцию солдату закончил. После операции появляется, весь как есть: в окровавленных резиновых перчатках, в забрызганном кровью хирургическом халате — и говорит пошатнувшемуся принцу, который кровь видел только в бифштексе:

— Ваше высочество, так больше продолжаться не может! Ситуация сложилась недопустимая. Бинтов, медикаментов, хирургических инструментов категорически не хватает. Но это ещё не самое страшное. Теперешняя война уже другая. В ней артиллерийских ранений в три раза больше, чем полевых. Понимаете, о чём я? Не понимаете? Артиллерийские ранения самые грязные. Если не оказать помощь в течение первых 8 часов — человека уже не спасти. А оказание именно первой помощи поставлено у нас на фронтах из рук вон плохо! Доставка раненых с передовой к нам в госпитали длится вечность! Когда люди попадают ко мне на стол, большинству из них уже не помочь. А вы представляете, что значит, когда человек умирает у тебя на столе?

Принц не представлял. А о Николае Ниловиче говорили медицинские сёстры: «Такой руки, как у профессора Бурденко, второй в армии нет. Беда только, что ему на всех не разорваться».

Скорая помощь окончательно потеряла дорогу. Четыре ведущих колеса с трудом выгребали «буханку» из наметённых сугробов. Пе-

редний мост рассекал снег и не давал машине сесть на днище. Старый «УАЗик» скрипел всеми суставами, но полз вперёд и не сдавался стихии. Хотя с каждым ураганным порывом ветра вероятность добраться до больного стремилась к нулю. Как и стрелка бензобака.

— Дядя Коля, поворачивай назад, — тревожно сказал доктор. — Кому будет лучше оттого, что мы и больного не спасём, и сами втроём тут замёрзнем?

— Назад повернуть легко, — отвечал дядя Коля, рулём бросая машину из стороны в сторону в поисках дороги, — а я вот тебе ещё не дорассказал...

Третья война хирурга Бурденко

Революция застала Николая Ниловича в Юрьеве. Знаете такой город? Нет? Раньше он был русским, а потом стал называться Тарту. Юрьев оккупировали немцы, и Бурденко вместе с другими учёными перебрался в город Воронеж. Здесь он и учил, и лечил одновременно. Учил студентов, лечил раненых — ведь шла Гражданская война. Брат на брата, друг на друга, одним словом, гражданин на гражданина, поэтому и гражданская. В октябре девятнадцатого года Воронеж захватили деникинцы. Ввалились в клинику, чтобы забрать раненых красноармейцев-коммунистов и пустить их в расход. Тогда Николай Нилович не дрогнул, встал перед белогвардейским офицером и говорит: «Не советую входить. В клинике инфекция. Какая, пока точно сказать не могу. Обрабатываем анализы. Возможно, инфлюэнца и холера. И с очень большой долей вероятности — сыпной тиф».

Белогвардеец нерешительно потоптался на месте, решил, что настаивать себе дороже, и временно отложил расстрел. Но, скажу вам, ребята, нет на белом свете ничего более постоянного, чем временное. Через несколько дней Красная армия освободила Воронеж и белогвардейцам стало не до расстрелов. Унося ноги, оно не очень-то порасстреливаешь. А Николай Нилович занялся организацией военного госпиталя знаменитой Первой конной армии Будённого. Такие это годы были, что хороший хирург ни минуты без дела не сидел.

А в 30-х годах прошлого века к нему после операций на мозге пришла мировая слава. Человек, понимаешь ли, напрягал свой мозг, чтобы спасать чужие мозги. Вот как об этом красиво писали, я прямо наизусть

запомнил: «Прикасаясь к нежным и тонким тканям мозга, забираясь в его самые сокровенные тайники, «мужицкие» руки Бурденко становились как бы невесомыми, а их лёгкие и нежные движения обретали целительную бережливость и удивительную целесообразность. Конечно, за всем этим скрывалось блестящее хирургическое мастерство, высокое и истинное искусство». Весь мир, ребята, рукоплескал доктору Бурденко. Со всех концов планеты приезжали к нему учиться.

— Здорово! — восхитилась фельдшер Иванова. — А вы, Андрей Андреевич, говорите: «Поверни назад». Вот Николай Нилович сам назад не поворачивал, а других мог повернуть только так. Какой он настоящий!

Мотор скорой помощи заревел, как получившая двойку отличница, но машина не продвинулась вперёд ни на сантиметр. Дядя Коля попробовал выбраться из снежной ловушки враскачку — бесполезно.

— Всё, — обеими руками стукнул он по рулю, — приехали.

— Говорил же русским языком — поворачивай! — рассердился доктор. — Нет, он своё. «Николай Нилович не поворачивал!». Что теперь делать будем, «Николай Нилович»?

— Ты, дядя Коля, теперь у нас риэлтор, — сказала фельдшер Иванова.

— Это чего это? — не понял дядя Коля.

— Специалист по недвижимости, — улыбнулась фельдшер.

— Всё шутите, Иванова, — мрачно посмотрел на фельдшера доктор, — а мне вот кажется, что нам не до шуток. За бортом минус двадцать. Будем замерзать с улыбкой на устах?

— А ты вот послушай ещё... — хотел продолжить водитель.

— Да слушали мы тебя, дядя Коля, — нервно перебил доктор. — Твоими рассказами, извини, машину из сугроба не вытянешь.

— Рассказывайте, дядя Коля, — попросила фельдшер Иванова, — у меня чай есть в термосе.

Четвёртая война хирурга Бурденко

Когда началась Великая Отечественная война, Бурденко было уже 65 лет. Приказом наркома обороны его назначили главным хирургом Красной армии. Врач Бурденко писал тогда: «Мой сын Вла-

димир в подводном флоте, я в Красной армии, мы с честью выполним любое боевое задание». За три первых военных месяца Николай Нилович сделал столько, что в другое время и за три года не сделаешь. Он организовывал новые госпитали, занимался подготовкой молодых врачей, ведь докторов остро не хватало. Всего сделанного и не перечислишь. Николай Нилович был «высшим начальством», но во время инспекций учил и показывал на собственном примере: брал в руки скальпель и оперировал. Только за одну поездку — 2 000 километров и 40 госпиталей. Все усилия были направлены на одно: спасение раненого воина.

А в конце сентября 1941 года во время осмотра санитарного поезда у хирурга Бурденко случился инсульт. Наполовину парализованный, глухой, потерявший способность разговаривать, он оказался в госпитале в Омске.

Если человек ничего не слышит и при этом потерял способность говорить, он снова говорить не научится. Нет обратной связи. Это знали в омском госпитале все. Кроме Николая Ниловича. Он потребовал у главного врача зеркало. Тот сначала даже не понял зачем. А Бурденко начал действовать. Он бубнил, гудел, рычал, смотрел в зеркало, анализировал то, что видел, запоминал, снова бубнил, гудел и рычал, смотрел в зеркало. Постепенно дело сдвинулось с мёртвой точки. Пошли комбинации звуков, потом еле узнаваемые слова. Миновали сотни часов упорных усилий, тысячи повторений — и вот кто-то из окружающих с трудом, но понял то, что он сказал. Бурденко счастлив — старый солдат снова в строю!

— Видите, Андрей Андреевич, — обратилась к доктору фельдшер Иванова, — хирург Бурденко не сдавался обстоятельствам. И мы не будем. Да, дядя Коля?

— Правильно говоришь, Иванова. Где это видано, чтобы мы руки опустили. Надо что-нибудь поджечь. В качестве ориентира. Есть у нас сухой спирт?

— Только жидкий, — отвечает Иванова.

— Давай его сюда.

— Дядя Коля, а может, перорально попробуем? — спросил доктор.

— Нет, Андреич, сейчас внутрь не надо. Сейчас только наружу. Будем делать факел. Иначе — каюк.

Не прекращалась метель. Горел одинокий факел. Дядя Коля рассказывал. Про то, как Николай Нилович после выздоровления вернулся в строй. Как он ввёл в практику военной медицины раннюю госпитализацию, и это помогло спасти жизни сотен тысяч тяжелораненых. Про то, как главный хирург Красной армии Бурденко собирал обличительный материал о зверствах фашистов по отношению к мирному населению: женщинам, старикам, детям. Как руководил раскопками, как сам вглядывался в тела расстрелянных гитлеровцами маленьких ребятишек. В 1946 году собранные Николаем Ниловичем материалы фигурировали на Нюрнбергском процессе в качестве одного из главных обвинений нацистских преступников.

Рассказывал о том, как хирург Бурденко ввёл использование вторичного шва. И у половины раненых это вдвое уменьшило сроки лечения. Как проводил он сложнейшие операции при ранениях мозга. Как одним из первых оценил мощь антибиотиков и приказал их использовать.

— Дядя Коля, откуда вы всё это знаете? — удивился Андрей Андреевич.

— В Гражданскую Николай Нилович моего деда от смерти спас, — ответил дядя Коля, — меня и назвали-то в его честь. Поэтому интересовался...

Сколько времени прошло, никто не знает. Может, три часа, может, десять минут. В «буханке» закончился бензин, машина моментально остыла, и три пассажира начали медленно, но верно замерзать.

Неожиданно раздался рёв мощного мотора, стена снега расступилась и рядом со скорой помощью остановился большой трактор.

— Эй! — услышали они голос тракториста. — Скорая сегодня не очень-то и скорая?

— Застряли! — прокричал в окно дядя Коля. — Уж больно замело...

— А я вижу, что-то горит над землёй. Ну, думаю, сверну, посмотрю, может, инопланетяне? Цепляй трос, скорая!

Удивительная картина, как будто снятая для фантастического фильма. Огромный трактор разрезает снежную ночь тремя прожекторами и тянет за собой маленькую машинку скорой помощи. В скорой отважные врачи едут спасать человека, попавшего в беду. Как всю свою жизнь спасал людей хирург Бурденко.

Машин
Митрофан Андреевич

(25 апреля 1921 — 27 июля 1944)

Родился в селе Песковатка (сейчас в черте города Лиски Воронежской области) в семье крестьянина.

Старший лейтенант, командир батареи 500-го миномётного полка. Герой Советского Союза.

улица Героя Машина (г. Лиски)

Огонь на себя

Так устроен мир — некоторым людям уже с детства улыбается удача. Например, пятикласснику Иванову, ведь он живёт в одном подъезде с одиннадцатиклассником Петровым. Поэтому после школы они часто ходят домой вместе. Петров самый большой и сильный, а ещё он чемпион района по боксу. Все в школе думают, что Иванов дружит с Петровым, и относятся к пятикласснику с уважением, как будто он уже шестиклассник. А какая там дружба? За всю дорогу перекинутся парой слов, вот и всё.

— Я не понимаю, — говорит Петров, — вот на прошлой неделе вы всем классом сбежали с уроков и пошли в кино. А когда нагрянул директор, ты сказал, что это ты предложил. Зачем?

Иванов не ответил, только пожал плечами.

— А три дня назад вы привязали за ниточку кошелёк, и учитель физики Николай Митрофанович бегал за ним по всем этажам. Вся школа дрожала от смеха. А когда завуч стала искать виноватого, ты сказал, что это ты. Опять спрашиваю — зачем?

Пятиклассник посмотрел на старшего товарища снизу вверх и снова промолчал.

— А сегодня? Зачем ты признался, что принёс клей, который случайно пролился на стул учителя технологии? Ведь многие видели, как клей доставал из своего портфеля твой товарищ. А все шишки достались тебе. Даже родителей в школу вызвали. Не понимаю, для чего ты это делаешь?

Пятиклассник Иванов шёл рядом, не отвечая, а потом вдруг тихо сказал:

— Мне нравится вызывать огонь на себя.

— Огонь на себя? — переспросил Петров и минуту шёл молча. — Хорошо, тогда послушай. Почти сто лет назад, в 1921 году, в селе Песковатка, что рядом с городом Лиски Воронежской области, родился Митрофан Машин. Когда началась та страшная война, он пошёл в Красную армию. Окончил артиллерийское училище. С 1943 года лейтенант Машин командовал миномётной батареей.

— Возле которой наши солдаты зимой грелись? — спросил невоенный человек Иванов.

— Нет, это немного другая батарея. В миномётной батарее четыре 120-мм миномёта. Они ещё называются тяжёлые полковые миномёты. Главная задача миномётной батареи — поддерживать свой передний край, наносить удары по скоплениям живой силы противника, уничтожать огневые точки: пулемёты, миномёты, малую артиллерию. Вот, например, пехота застряла. Смотрят миномётчики: ага, немецкий пулемёт бьёт, не даёт славянам продвигаться. Пару пристрелочных — и полный залп. Пулемёт молчит — пехота пошла.

А уже уничтожить танк или хотя бы попасть по танку из миномёта почти невозможно. Зато милое дело: по наступающим фрицам ударить или перед нашим наступлением вражеские окопы перепахать — тут 120-мм миномёт в самый раз. Его пудовая мина оставляет в земле воронку метра в полтора. При умелом заряжании может производить один выстрел каждые четыре секунды. Тут главное, если ты мину опустил, чтобы она выстрелила. Чтобы в горячке и суматохе боя не получилось так, что ты на первую мину опустил вторую. Тогда весь расчёт разорвёт, да ещё и другим расчётам попадёт. Понятно?

— Понятно, — кивнул Иванов, которому тоже часто попадало.

— Так вот, — продолжал Петров, — летом 1944 года на прибалтийском направлении шли тяжёлые бои. Красная армия вела массированное наступление. Немцы сдавали позицию за позицией, но огрызались контратаками. В четверг, 27 июля, в районе латвийской деревни Чекинс батарея Машина занимала выгодную высоту. И вот недалеко, метрах в трёхстах, на опушке леса — фрицы. Высыпали густой цепью, почти толпой, галдят по-своему, идут в атаку. «К бою! — командует Машин. — Заряд основной! Прицел...» И батарея даёт беглый огонь по всей ширине цепи. Немцы ещё и развернуться не успели, как их накрыло. Только слышно: там, на опушке, завыли, застонали. Живые тоже залегли и стали отползать. Всё, конец атаке! Отбились.

В тот день гитлеровцы провели ещё пять атак на батарею Машина, и все атаки были отбиты плотным миномётным огнём. Немцы понесли тяжёлые потери: две миномётные роты, пять пулемётов и до ста двадцати солдат и офицеров были уничтожены. Близился вечер. Несмотря ни на что, фашисты явно собирались провести ещё одну атаку. В районе своего наступления они сосредоточили до батальона пехоты, то есть примерно четыреста человек, два орудия и одну самоходную установку. Наблюдательный пункт старшего лейтенанта Машина находился в крайнем доме села. Именно по этому дому били немцы прямой наводкой. Один снаряд разорвался совсем рядом. Мощный взрыв потряс дом. Раскалённые куски металла с неровными острыми краями прошивали воздух, кромсали деревья и стены, непрошеными гостями влетали в оконные проёмы. Один из осколков нашёл свою цель, отрезал Митрофану Машину левую руку. Истекающий кровью старший лейтенант отказался от перевязки и продолжал управлять огнём батареи. Но немцы уже точно определили, где находится наблюдательный пункт. Охота на него не займёт много времени. Первый снаряд ударил — перелёт. Второй — недолёт. Машин, сам артиллерист, знал: фашист бьёт по прямой и сейчас третьим накроет, это ему ничего не стоит. И даже взрыва не услышишь. Ни пулю свою, ни мину, ни свой снаряд никогда не услышишь... В распоряжении старшего лейтенанта было не больше минуты, чтобы покинуть наблюдательный пункт. Он остался — продолжал выполнять свой долг. Прямое попадание разворотило дом. Миномётчик Машин, смертельно белый от потери крови и чёрный от копоти войны, лежал в увеличивающейся тёмно-красной луже —

взрывом ему оторвало обе ноги. Единственной оставшейся рукой комбат держал трубку рации и кричал, смешивая крик со стоном: «Я — третий! Я — третий! Окружён немцами. Вызываю огонь на себя. Огонь на себя...»

Голос его становился всё тише, а разрывы наших снарядов всё громче. Артиллерийский огонь на наблюдательный пункт уничтожил фашистов и остановил контратаку. Немцы были отброшены и больше не поднимались. Старшему лейтенанту Машину за этот подвиг было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Закончив рассказ, Петров посмотрел на пятиклассника и сказал:

— Так что ты просто так не говори — «вызываю огонь на себя».

— Хорошо, — кивнул Иванов, — а откуда ты столько знаешь?

— После секции бокса хожу на занятия патриотического клуба. Мало просто так махать кулаками. Хорошо бы определиться, в какую сторону ими махать. А для этого надо знать свою историю. Так что приходи к нам в клуб. И друзей приводи. Это каждому человеку нужно.

Серебряков
Андрей Михайлович

(29 октября 1913 — 27 июля 1942)

Родился в Ряжске.

Младший лейтенант, командир роты тяжёлых танков 475-го отдельного танкового батальона.
Герой Советского Союза.

улица Танкиста Серебрякова (г. Воронеж)

Спасти людей

Паренёк и девушка, обоим на вид лет по четырнадцать, перебегали от дома к дому. Вокруг засвистели пули, и они, не сговариваясь, скатились в воронку от снаряда.

— Вы с ума сошли? — в этой воронке они оказались не первыми. Младший механик-водитель старшина Слепов устроил здесь наблюдательный пункт.

— Не сошли, — выдохнул паренёк.

— А чего ж тогда линию фронта переходите?

— Это не линия фронта, это наша улица, — сказала девчушка.

— Была ваша улица, а теперь линия фронта, — ответил танкист. — Вы чего бегаете?

— Нам нужен командир.

— Это шутка такая новая, — ухмыльнулся старшина, — командиров по воронкам искать? Учительница ваш командир.

— Учительницу нашу убило, — сказала девушка.

— Вчера, — моргнул паренёк, — осколком снаряда в голову. Она

нас из-под обстрела выводила.

— Сейчас чуть затихнет, и пойдём, — мрачно сказал Слепов.

Через полчаса они были в расположении танковой роты. В роте 5 тяжёлых танков КВ-1 «Дзержинец». Каждый танк — сорок семь тонн боевой массы. Непробиваемая для противотанковой артиллерии фашистов броня. Три пулемёта: два ведут огонь вперёд, один прикрывает корму. Немцы называли этот танк чудовищем. Достоверно известен случай, когда в июне 1941 года в районе города Расейняй один наш КВ сковал действия немецкой дивизии почти на двое суток.

— Товарищ младший лейтенант, — обратился старшина к командиру роты тяжёлых танков, — у нас гости.

Перед пареньком и девушкой вырос танкист со Звездой Героя Советского Союза. Такого они ещё не видели. И не знали, что происходил офицер из рода потомственных военных. Прапрадед его в 1812 году гнал взашей с нашей земли французов, прадед принимал участие в Кавказской войне в 1853 — 1856 годах, дед был рядовым гусарского полка, отец участвовал в Первой мировой. Сам командир танкистов уже успел повоевать на Финской. 130 лет из истории одной семьи. 130 лет и пять войн.

— Младший лейтенант Серебряков, — приложил руку к шлемофону командир танкистов, — чем могу помочь?

— Вон там, где Ротонда, в подвалах больницы прячутся от фашистов очень много людей, — торопливо, как будто боясь, что его не дослушают до конца, сказал паренёк, — человек двести или триста.

— А детишек сколько, — добавила девчушка. — Еды нет, воды нет, фашист проклятый стреляет.

— Того и гляди, перебьют всех, — посмотрел прямо в глаза Серебрякову паренёк. — Что нам делать-то, товарищ командир?

— Вот не было забот, — задумался младший лейтенант. — Хорошо бы вам добраться до переправы. Пока она ещё действует. И недалеко вроде отсюда будет.

— Недалеко-то оно недалеко, — согласился лейтенант Цветков, — да фашист уж больно густо стреляет. Поубивает их половину.

Девчушка всхлипнула. Паренёк ткнул её в бок, чтобы не ревела.

— Погоди слёзы лить, — сказал Серебряков, открывая планшет с картой, — безвыходных ситуаций не бывает. Особенно у танкистов. Где выхода нет, там мы его танком проделываем.

Он посмотрел на карту и скомандовал:

— Значит, действовать будем так. Сейчас вас сержант Афанасьев на танке доставит в расположение больницы. Там скажете своим, чтобы были готовы к выдвижению. Через час я своей ротой ударю по фашистам в направлении этих двух улиц. Думаю, собьём их с позиций. Тогда им будет не до вас: побегут, не оглядываясь. Сигнал к вашему выступлению — красная ракета. Запомнили?

— Так точно, — громко сказала девчонка, — запомнили, товарищ младший лейтенант.

— Ишь ты, боевая, — улыбнулся Серебряков. — Ну, вперёд. Удачи вам, ребятки.

И показал на танк сержанта Афанасьева.

— Вот фашист проклятый, — нахмурился младший лейтенант, глядя вслед громадному КВ, который увозил детей в направлении больницы, — им бы в школе сидеть, а они под пулями и под осколками бегают. Ненавижу, — и он грозно сжал кулаки.

— Андрей, опасно нам будет одним идти, — сказал Цветков, — без пехоты-то. Могут ведь и пожечь всех.

— А что делать, — ответил Серебряков, — людей тоже не бросишь. Будем прикрывать друг друга. А там как получится...

Ровно через час рота тяжёлых танков ударила по позициям немцев. Под напором огня и брони враг бежал. Красная ракета взвилась в воздух. Несколько сот мирных жителей, среди них много женщин и детей, были спасены. Они добрались до переправы и уже вечером находились в безопасности на левом берегу реки Воронеж.

Через несколько дней рота тяжёлых танков КВ младшего лейтенанта Серебрякова вела бой за шоссе Воронеж — Подклетное. Фашистам удалось поджечь танк командира. КВ-1 загорелся. Танкисты не бросили боевую машину и продолжали наступление, сминая позиции врага и стреляя из уже горящего танка. Вели огонь из огня. Пока все не сгорели заживо.

Вот имена героев: командир орудия лейтенант Пантелей Цветков, 28 лет, уроженец деревни Нелидово Калининской области; механик-водитель старшина Леонид Глушков, 24 года, Тбилиси; радист старший сержант Владимир Борткевич, 20 лет, Минская область; младший механик-водитель старшина Семён Слепов, 29 лет, воспитанник детского дома; командир танка младший лейтенант Андрей Серебряков, 28 лет, город Ряжск.

Они похоронены в братской могиле № 13 в парке «Динамо».

Лишенко
Емельян Яковлевич

(1914 — 16 февраля 1945)

Родился в Полтавской области. Сирота. Сын полка.

В Воронеже вступил в добровольческий коммунистический полк. Майор. Командир батальона 2-й гвардейской механизированной бригады.

улица Лишенко (г. Воронеж)

Воспитанник Красной армии

— Окружён «тиграми». Вырваться не смогу. Вызываю огонь на себя! Огонь на себя! Мой квадрат...

Гвардии майор командир батальона Емельян Лишенко от кого-то из однополчан слышал, что в решающие минуты перед человеком за мгновенье проходит вся его жизнь. Слышал, но не верил. А оказалось — правда.

Вот ему 10 лет, отца и мать не помнит совсем, он сирота, голь перекатная, беспризорник. Старается пережить ещё одну голодную зиму. На него смотрят грустные глаза командира Красной армии.

— Пойдём со мной, — негромко, но внушительно говорит командир, — накормлю хоть.

Так он попал в дружную семью красноармейцев. Жили тогда бедно, впроголодь, но лучший кусок всегда отдавали мальчишке. Стал он всеобщим любимцем. И как потом писали во всех документах,

воспитанником Красной армии. Да ещё оказалось, что Емеля поёт хорошо. Новые боевые товарищи научили его всем песням, которые знали, и начал он такие концерты выдавать, любо-дорого послушать! А командира, который его подобрал, он так и звал потом не по уставу — дядя Женя. Всё хотел назвать папой, да не решался — прогонит ещё.

— Первый! Первый! Я окружён... До тридцати «тигров»! Огонь на меня! Огонь на меня! Квадрат...

Кадры фильма, который он снимал сам про себя, пошли быстрее и быстрее.

1938 год. Озеро Хасан. Бои с японцами. Орден Красной Звезды. Первая его награда.

1941 год. Сентябрь. Воронеж. Первомайский сквер. Воронежский добровольческий полк построен для отправки на фронт. Командир полка полковник Михаил Емельянович Вайцеховский проходит вдоль строя. В рядах полкового оркестра ему бросается в глаза красноармеец с орденом Красной Звезды. Других таких среди необстрелянных добровольцев нет. Это худощавый парень лет двадцати пяти, небольшого роста, с правильными чертами лица и большими чёрными глазами, которые смотрят на собеседника спокойно и даже немного угрюмо. Кажется, что перед вами суровый, неразговорчивый человек. На самом деле Емельян был весёлым, подвижным и энергичным. Стоило ему улыбнуться, и всё лицо преображалось, становилось приветливым.

— Где награду заслужили? — спрашивает Вайцеховский.

— На озере Хасан, — коротко отвечает Емельян, и глаза их встречаются.

— Негоже такому орлу воевать в оркестре, — говорит командир полка, — подыщем для товарища красноармейца дело посолиднее. А пока побудете моим адъютантом.

И уже через несколько дней, выгрузившись из эшелонов и совершив стокилометровый переход, Воронежский добровольческий полк становится участником тяжелейших сражений под Ельней. Две немецкие танковые группы, наступавшие навстречу друг другу, соединились в районе Лохвицы. В результате войска четырёх армий Юго-Западного фронта оказались в окружении. Для прорыва коль-

ца была создана ударная группировка, в составе которой принял суровое боевое крещение и наш добровольческий полк.

1941 год. Двадцатые числа сентября. Район села Липовая Долина. 3-й батальон находится в смертельной опасности. Он окружён фашистами и должен быть уничтожен — весь, до последнего бойца. Емельян — командир взвода конной разведки. Его задача — вывести танки на помощь погибающему батальону. Под непрерывным огнём артиллерии и миномётов он прокладывает маршрут для движения танков и лично выводит их в атаку. При поддержке брони батальон выходит из окружения, бойцы выбивают из Липовой Долины немцев.

1942 год. Декабрь. Станица Котовская. Он уже гвардии старший лейтенант, командир роты разведчиков. По заснеженной дороге в станицу врывается броневик с разведчиками. Очередями срезают одного гитлеровца за другим. Преследуют отступающих. Захватывают прилегающий к станице аэродром. Правда, самолётов на нём уже нет, но 400 бочек с бензином фашистам взорвать они не дали.

— Теперь мы здесь решаем, когда устраивать фейерверки, — говорит он разведчикам.

1943 год. Сентябрь. Он — гвардии майор, командир мотострелкового батальона. Красная армия освобождает Донбасс. Врезаясь в оборону противника, его батальон совершает 115-километровый рейд, наводя ужас на фашистов. Нападают неожиданно, чтобы немцы не успели сжечь сёла, и освобождают Петропавловку, Николаевку, Дмитриевку и Золотой Колодец. Противник несёт несравнимые с нашими потери: более шестисот солдат и офицеров, 6 пушек, 3 миномёта, 21 автомашина.

— Уже осенью показали немцам, где раки зимуют, — улыбается Емельян.

1945 год. 22, 23 и 24 января. Гитлеровцы окружены нашими войсками в столице Венгрии городе Будапеште. Большими силами они пытаются прорвать сомкнувшееся кольцо. На помощь окружённым брошен 4-й танковый корпус СС, в составе которого четыре танковые дивизии, в том числе «Викинг» и «Мёртвая голова». Всего около

750 орудий и миномётов, до 550 танков и штурмовых орудий. Когда фашисты прорвали окружение на участке южнее Секешфехервара и севернее озера Веленце, на их пути встал его батальон. Трое суток сражались под вражеским огнём невиданной силы и отражали атаки тяжёлой бронетехники. Без средств усиления, только с противотанковыми гранатами и ружьями. Но гвардейский дух оказался крепче фашистской брони. Не отступили: где начали жечь фашистские танки утром 22 января, там и подбили последний «тигр» 24-го.

Это было 10 дней назад. А сейчас его истерзанный батальон в окружении, из которого уже не выбраться. Поэтому он передаёт по рации:

— Окружён «тиграми». Вырваться не смогу. Вызываю огонь на себя! Огонь на себя! Мой квадрат...

Заработала наша тяжёлая артиллерия. Есть первое попадание. У королевского «тигра» сдетонировал боезапас. Внутри танка стали один за другим рваться снаряды. Через люк в башне полетели снопы искр. Вырвало люк. Прогремел мощный взрыв, и 10-тонная башня взлетела на воздух, как резиновый мяч. Ещё попадание. Ещё. Идёт плотный артиллерийский огонь по площади квадрата, который указал гвардии майор Лишенко. Это 45-й год, боеприпасов в Красной армии достаточно.

— Сейчас и нас накроют, — прохрипел Емельян, — прощай, папа Женя.

Попков Василий Михайлович

(23 января 1905 — 13 апреля 1967)

Родился в селе Анновка ныне Бобровского района Воронежской области. В Гражданскую войну был сыном полка.

Старшина. Командир взвода разведывательной роты 325-го стрелкового полка. Герой Советского Союза.

улица Попкова (г. Бутурлиновка)

Постоянная величина

Командир 325-го стрелкового полка майор Шикита вышел на свежий воздух из узкого ущелья, которое служило командным пунктом. На сердце было неспокойно. Кадровый офицер, он хорошо понимал, с какой целью и в какую мясорубку был заброшен десантом его полк.

Три недели назад, 29 июня 1941 года, немецкий горно-егерский корпус «Норвегия» после полуторачасовой артподготовки и при поддержке 120 бомбардировщиков перешёл советско-финскую границу. В составе корпуса в том числе и две дивизии горных егерей — отборные, отлично вооружённые немецкие части, предназначенные для ведения боевых действий в условиях горной местности. Почему егеря здесь, в Заполярье? Ответ простой — потому что местность горная. Скалистые сопки, поросшие мхом, ягелем, низкорослым заполярным лесом, и нагромождения серых, массивных валунов, которые лежат на каменном ложе, изборождённом глубокими извилинами. На военном языке сопки называются высотами. И тот, кто владеет

Десант на реке Большая Западная Лица

высотой, будет в заполярной войне на высоте. Это хорошо понимают и майор Шикита, и командующий корпусом «Норвегия» генерал Дитль, матёрый волк, один из популярных героев нацистской пропаганды и любимчик фюрера. Цель немецкой группировки здесь, на краю земли, — преодолев около 120 км от советско-финской границы, захватить два ключевых стратегических пункта: город Полярный — базу Северного флота Советского Союза и город Мурманск — единственный северный незамерзающий порт. Захват Мурманска обеспечит немцам выход на Кировскую железную дорогу, соединяющую порт с основной частью страны, и доступ к месторождениям никеля, крайне необходимого военной промышленности фашистской Германии и её европейских вассалов.

Эту операцию под названием «Платиновая лиса» гитлеровское верховное командование рассчитывало провести молниеносно. После успешного окончания, как признавались пленные, им обещали Мурманск на три дня для разграбления. Но вот уже позади три недели после вторжения, а Мурманск не видно даже в мощные егерские

бинокли. Зато и без бинокля видны потери самих егерей — счёт раненых и убитых давно пошёл на тысячи. Корпус непобедимых до этого горных стрелков «Норвегия» остановлен на левом берегу реки Большая Западная Лица. Остановлен, несмотря на отличное вооружение и экипировку, на двукратное численное превосходство, на мощную поддержку бомбардировочной авиации. Остановлен вопреки всем законам немецкой военной логики. Не было в этих законах такой постоянной величины: мужество советских солдат.

Берлин недоволен. К этому времени на других фронтах немцы продвинулись от границы на 400 — 600 километров, а здесь, на севере, и полста километров не наберётся. По данным нашей разведки, в штабе корпуса «Норвегия» готовят новое, более мощное наступление. Чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага к Полярному и Мурманску, командование 14-й армии идёт на рискованный шаг. На левый берег реки Большая Западная Лица, в гости к немцам, кораблями Северного флота выбрасывается десант — 325-й стрелковый полк под командованием майора Шикиты, усиленный морскими пехотинцами. Десантники с боями заняли ключевую высоту 262,2. Их главная задача теперь — отвлечь на себя как можно больше сил противника, заставить его перебросить часть подразделений с направления главного удара. Для этого будет сделано всё возможное. Через две недели, когда десант будет снят, потери полка составят 524 человека убитыми, 653 ранеными и 146 пропавшими без вести. Уцелеют и будут переправлены обратно на правый берег реки Большая Западная Лица 1 352 человека. Но майор Шикита сейчас об этом не знает. Он провожает диверсионно-разведывательную группу в тыл врага.

Вот они стоят перед ним, восемь человек. Старший группы — лейтенант Горбунов.

— Напоминаю задачу, — оглядев разведчиков, говорит командир полка, — обнаружить и перерезать линии связи. Это раз. Второе — определить места, где удобнее всего подойти и блокировать дорогу на Титовку. Дорога эта жизненно важна для наступающих фашистов. Только по ней они снабжаются боеприпасами и продовольствием. Других дорог здесь для немцев нет. Нам надо сделать так, чтобы и этой не было. И третье — огневые точки противника на занимаемых им высотах. Особенно интересуют высоты 190,8 и 129,9. Всё, ребятки, в добрый путь. Помните, скрытность передвижения — это ваша жизнь.

Смысл последней фразы был ясен всем. Заполярье летом — не самое лучшее место для разведки и проведения диверсий. Ночи здесь белые — светло, как днём. И скупая растительность не спрячет разведчика от чужого взгляда через прицел. Остаются только здравый смысл и большое везение.

— Вся надежда на старшину, — думал командир полка, глядя вслед уходящей группе, — у него опыт за плечами, третья война, ещё в Гражданскую был сыном полка.

Старшина Попков Василий Михайлович лежал на сырой земле, уткнувшись лицом в мох. И пошевелить ни рукой, ни ногой он не мог: сил просто не было. Снизу, от земли, шёл холод. Вроде середина лета, а здесь, в тундре, ещё тянет изморозью. День на исходе, а солнце не заходит. Опустится к горизонту и снова не спеша начнёт свой круг по небосводу. Светит, да не греет. На сопках и перевалах, в расселинах скал белыми пятнами лежит снег. Рядом лежит боец Каменщиков. Два дня назад их разведгруппа возвращалась домой. Задание выполнено: линии связи обнаружены и перерезаны. Определены места, где удобно подойти и блокировать дорогу на Титовку. Разведаны огневые точки. Осталось выполнить последнее — вернуться. Группа передвигалась осторожно, то скрываясь в низких зарослях березняка, то пользуясь часто сгущающимся по ночам туманом. Но и на старуху бывает проруха.

— Лейтенант, — тихонько позвал Горбунова старшина, — тут метров через пятьсот открытое место. Я его, ещё когда туда шли, приметил. Всем одновременно опасно переходить. Может, по одному?

— Опасно-то опасно, старшина. Только время тянуть тоже смысла нет. Убираться нам надо отсюда, и чем скорее, тем лучше. Так что давай. Авось проскочим.

Это были последние слова лейтенанта. Когда группа преодолела ровно половину опасного участка, первая пулемётная очередь разрезала тишину. Старшина шестым чувством угадал, откуда стреляет пулемёт, и бросился за единственное укрытие — небольшой кусок скалы полтора на полметра. Вжался в камень и смотрел, как длинными очередями, не жалея патронов, добивают разведчиков, и ничем не мог помочь. От попадания пуль вздрагивали уже мёртвые тела. И снова тишина. Старшине показалось, что он слышит, как капли крови из разорванных тел стучат по земле. Стучат здесь, а слышно за тысячи

вёрст отсюда, в домах погибших. Рядом раздался стон. Старшина посмотрел — Каменщиков. Молодой, а тоже сообразил, успел спрятаться, но не весь, а до половины.

— Не стони. Сейчас придут добивать. Хоть одного, но положим. Автомат не потерял?

Вместо ответа Каменщиков щёлкнул затвором. Руки у него целы. А вот обе ноги сильно в крови.

В ожидании смерти прошёл час или больше. Немцев не было. Рискуя получить очередь в спину, старшина вылез из-за укрытия и медленно подполз к лейтенанту, снял с него планшетку с добытыми разведданными.

— Надо уходить, — сказал он Каменщикову.

— Товарищ старшина, уходите сами, — прохрипел Каменщиков, — у меня нога перебита. И вторая что-то тоже. Уходите, товарищ старшина. Всё равно вы меня столько не дотащите. Только сами пропадёте.

— Сам пропадай, а товарища выручай, — невесело улыбнулся Попков. — Ладно, не стони. Помирать, так с музыкой.

Это было двое суток назад. Старшина Попков не бросил своего тяжелораненого товарища. Какую-то часть пути Каменщиков пропрыгал на одной ноге, опираясь на плечо старшины. Ещё сколько-то старшина нёс его на спине. Но больше всего тащил волоком по каменистой земле заполярной тундры: сдирая обмундирование и кожу, оставляя за собой разорванные и окровавленные бинты. Несколько раз старшина плёл из веток волокуши, но они долго не держались, из-за трения о скалистый грунт быстро разваливались. Если по пути попадался ручей, пили, жадно припадая губами к прохладной воде. Еды не было совсем, сухой паёк закончился давно. Когда старшина волок Каменщикова через очередную черничную поляну, тот переворачивался на бок и собирал ягоды в пилотку. Потом, на привале, они вместе ели.

— Говорят, для глаз полезно, — однажды сказал Каменщиков, стараясь сдерживаться и оставлять старшине побольше.

— Для наших полезно, а для немецких вредно, — согласился старшина, набивая полный рот черники.

— Почему для немецких вредно? — не понял Каменщиков.

— Потому что когда до своих доберёмся, сразу в снайперы запишемся, — сказал старшина, — будем немца бить, как сибиряк белку — только в глаз.

По-над лесом послышался гул. В небе показались три истребителя И-16, «ишачки».

— Наши, — завороженно глядя на красные звёзды на крыльях, прошептал Каменщиков.

Было хорошо видно, как самолёты перестраиваются, заходят для атаки наземного объекта.

— Там дорога как раз, — сказал старшина, не отрывая глаз от самолётов, — похоже, на колонну заходят.

Истребители, снижаясь один за другим, открывали огонь. В ответ заработали немецкие зенитки. Сначала вдалеке от самолётов, а потом всё ближе и ближе к ним стали появляться белые облачка разрывов зенитных снарядов. И-16 продолжали бесстрашно делать свою работу. Вдруг один из них задымился.

— Попали, гады, — Каменщиков от досады изо всех сил стукнул кулаком по земле, и всё его тело пронзила острая боль.

Объятый дымом и пламенем «ишачок» быстро пошёл на снижение.

— Парашюта не видно, — сказал старшина, — лётчик не выпрыгнул.

Горящий самолёт исчез за сопкой. Через несколько секунд раздался страшной силы взрыв. Столб чёрного дыма поднялся высоко в небо.

— В колонну бензовозов он направил свой самолёт, — сдавленным голосом сказал старшина, глядя, как огромная пелена чёрного дыма заволакивает сопку.

Два других И-16 делали заход за заходом, остервенело расстреливая колонну.

— Мстят, — сказал Каменщиков.

— Будем живы, не помрём, — буркнул старшина, — вернёмся, тоже станем мстить.

Взвалил раненого на плечи и, отдавая войне последние силы, пошёл к своим...

На советском Севере немцы за всю войну так и не продвинулись дальше 30 — 60 километров от границы.

Путилин Василий Сергеевич

(23 января 1924 — 4 января 1944)

Родился в селе Приозёрное Воронежской губернии. Незадолго до начала войны переехал с родителями в Воронеж. Работал на заводе СК.

Старший сержант. Связист взвода связи 1087-го стрелкового полка. Герой Советского Союза.

улица Путилина (г. Воронеж)

День в музее

10 часов утра. 7 «В» уже собрался у входа в музей Великой Отечественной войны.

— Все здесь? — спросила экскурсовод. — Или кого-то не хватает?

— Рыжего нет, — закричали ребята, — да вот он идёт.

По улице шёл мальчик, и на голове у него как будто горел олимпийский огонь.

— Эй, рыжий, опаздываешь! Давай скорее! Тебя одного ждём!

Рыжий мальчик поторопился, и класс дружной ватагой ввалился в музей. Началась экскурсия. Погружение в то страшное и мужественное время не оставило равнодушным никого. Порой сердца школьников замирали от подвигов наших солдат.

— Катя, пойдём после экскурсии в кино? — прошептал рыжий мальчик девочке, которая давно ему нравилась.

— Я с рыжими в кино не хожу, — отрезала девочка.

— Ребята, — громко сказала экскурсовод, — на этом стенде вы видите фотографию Героя Советского Союза Василия Путилина.

С фотографии на школьников смотрел обыкновенный парень в гимнастёрке и пилотке. Никак нельзя было подумать, что он, такой простой — и Герой Советского Союза.

— На чёрно-белой фотографии этого не видно, — продолжала рассказ экскурсовод, — но Василий Путилин был огненно-рыжим. Так его и звали в батальоне — Рыжий Вася.

Ребята оглянулись и насмешливо посмотрели на своего рыжего одноклассника. А та самая Катя Смирнова даже захихикала.

— В батальоне любили подшутить над Василием. Когда он проходил мимо блиндажа с боеприпасами, боевые товарищи с деланным испугом кричали: «Вася! Не подходи близко! Взорвёшь нас!» — и спрыгивали в окопы.

— Ребята, принесите мне огнетушитель, — пошутила красавица Катя Смирнова, — а то наш рыжий слишком близко ко мне пододвинулся.

Все засмеялись.

— Но Василий Путилин на однополчан не обижался, — продолжала экскурсовод, — он знал, что они любят и уважают его. И было за что. Путилин слыл в полку бесстрашным красноармейцем. Он был связистом. То есть всегда впереди — там, где наши пехотинцы прорывают оборону врага. Чтобы сразу, как только будет возможность, установить связь с командованием.

— А по мобильнику нельзя было? — задала глупый вопрос Катя.

— Таких телефонов, как сейчас, тогда не было, — тяжело посмотрев на девочку, сказала экскурсовод, — и многие за связь платили жизнью. И за её отсутствие тоже.

Ребята притихли.

— Сейчас я вам расскажу, за какой подвиг Василий Путилин был представлен к высшей награде — Звезде Героя Советского Союза. Осенью 1943-го храбрый воронежец одним из первых форсировал Днепр и наладил связь со штабом полка. После этого с группой десантников он пошёл в разведку. В засаде они подкараулили немецких мотоциклистов. Прицельной очередью по колёсам Василий опрокинул мотоцикл. Пленённый им фашистский офицер вёз ценные сведения о перегруппировке немецких войск. Эта секретная информация позволила нашим частям проникнуть вглубь немецкой обороны на 35 — 40 километров и освободить важнейший опорный узел фашистов — город Чернобыль. Что интересно, — сделала паузу

экскурсовод, — в это же самое время, прямо день в день, всего в 10 километрах южнее храбро сражался другой воронежец и тоже Герой Советского Союза — Иван Артамонов.

— И тоже рыжий? — хотела спросить Катя Смирнова, но почему-то промолчала.

— Были на боевом пути красноармейца Путилина не только громкие победы, — продолжила свой рассказ экскурсовод, — но и почти незаметные подвиги. Об одном из них рассказал офицер Иван Брязкуха. Я прочитаю вам его слова: «Такого товарища, как Вася, я не забуду до конца жизни. Ведь он спас меня, прямо из рук смерти вырвал. Случилось это ночью с 3 на 4 октября 1943 года. Наш батальон тогда форсировал реку Уж и продвигался вперёд. Неожиданно под ноги нам — ураганный огонь противника. Вокруг стоны раненых и пулемётные очереди. Меня тоже тяжело ранило в грудь. Батальон отошёл назад, а я остался лежать на бывшем поле боя. С одной стороны надо мной пролетают немецкие мины, с другой — наши пули. Ну, думаю, это, Ваня, последняя твоя ночь. Лежи и запоминай. Вдруг слышу, над самым ухом кто-то спрашивает: «Живы, товарищ старший лейтенант?» Открываю глаза и узнаю Васю Путилина. Он, не медля ни минуты, вытащил сапёрную лопату и давай яму копать. Перетащил меня туда аккуратно и говорит: «Лежите тут смирнёхонько, а я за плащ-палаткой». Примерно через час вернулся Вася. Ползёт под огнём и меня тащит на плащ-палатке. Сначала я бодрился, а потом от потери крови муторно стало. Попросил воды. Вася приложил мне к губам флягу и предупредил: «Только немного пейте». А я в ответ: «Неужели воды жалко?» Пошутил вроде так. А он насупился, как ребёнок: «Эх вы, старший лейтенант. Нельзя вам пить много». Тут я понял, что обидел его. У меня ранение в грудь, а кровь залила всю гимнастёрку. Вот он и подумал, что ранило меня в живот. А пить при таком ранении нельзя. Назвал я его тогда своим рыжим доктором. Он беззвучно рассмеялся и потащил меня дальше. Тут я сознание потерял и очнулся только в госпитале. Уже после госпиталя узнал, что Вася Путилин геройски погиб в сорок четвёртом. Так до сих пор и стоит он передо мной: рыжий, как огонь, с задорными искорками в глазах, настоящий парень».

— А ещё, — неожиданно продолжил рассказ экскурсовода Дима Петров, — в бою за село Дроздовка Василий Путилин сам стал командиром. Когда был ранен командир роты, Путилин перевязал ему рану

и поднял роту в атаку. Он бесстрашно вёл бойцов за собой и кричал: «Вперёд, ребята! Огонь! Ещё огонь!» Важный населённый пункт был взят. А Василия с той поры однополчане перестали называть Рыжим, а стали звать Огненным.

— Верно, — удивилась экскурсовод, — а ты откуда знаешь об этом?

— Я много читаю о подвигах наших солдат. Ведь они отдали свои жизни за то, чтобы у нас сейчас было мирное небо над головой.

— Молодец, — похвалила экскурсовод, — хорошо бы всем брать с тебя пример. Ребята, а наша экскурсия закончена. Спасибо за внимание.

Когда 7 «В» вышел на улицу, Катя Смирнова подошла к рыжему однокласснику и спросила:

— Огненный, а ты почему не приглашаешь меня в кино?

Колчигин Богдан Константинович

(26 ноября 1895 — 25 октября 1976)

Родился в Киеве. Из дворянского рода потомственных офицеров.

Генерал-лейтенант. Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн.

улица Колчигина (г. Поворино)

Собиратели земли Русской

(телевизионное интервью конца 60-х годов прошлого столетия)

Ведущий: Дорогие телезрители, сегодня в нашей студии человек удивительной, неповторимой судьбы. Потомственный русский дворянин, принимавший участие во всех войнах первой половины двадцатого века. Офицер царской армии, перешедший на сторону рабочих и крестьян. Участник Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант Богдан Константинович Колчигин.

Колчигин: Здравствуйте.

В.: Богдан Константинович, вы ещё в юные годы выбрали профессию офицера. Почему?

К.: Мои предки не оставили мне выбора. Дедушка — подполковник, участник Русско-турецкой войны. Как раз той самой, по результатам которой Россия освободила от многовекового турецкого ига Болгарию. Отец — полковник Константин Иванович Колчигин, в его биографии Русско-японская и Первая мировая войны. Кстати, и мой сын пошёл по нашим стопам, он офицер, участник Великой Отечественной войны, артиллерист. Так получилось, что четыре поколения

Колчигиных — это офицерские погоны, жизнь, которая тебе не принадлежит, и постоянная готовность отдать эту жизнь за Родину.

В.: Богдан Константинович, ваше детство прошло на рубеже веков...

К.: Ребёнком я жил у бабушки и дяди. И у них был квартирант, кажется, подполковник, фамилию сейчас не вспомню, я звал его Дядя Федя — съел медведя (*улыбается воспоминаниям*). Он и обучил меня и строевой выправке, и военной истории, а главное — рукопашному бою. Представьте только, я, мальчишка далеко не богатырского телосложения, и вдруг побеждаю в очередной уличной заварушке. Да, приятно вспомнить. После этого у меня уже точно не осталось выбора: я мечтал стать подполковником.

В.: А стали генерал-лейтенантом. Богдан Константинович, в мае 1914 года вы окончили 1-й Московский кадетский корпус, а уже в июле началась Первая мировая война.

К.: Сложно назвать это совпадение историческим.

В.: Какое событие того времени больше всего врезалось вам в память?

К.: Понимаю ваш вопрос. Если не осколок в голову, то хотя бы событие в память. Ответ один: Брусиловский прорыв.

В.: Расскажите поподробнее. Наверняка нашим телезрителям это будет интересно.

К.: Уже само название прорыва говорит о многом. В те годы, да и сейчас тоже, было принято крупные военные операции называть по имени населённых пунктов, вблизи которых они имели место быть. А здесь событие названо в честь генерала Брусилова.

В.: Интересно, почему?

К.: Для начала я хотел бы сказать два слова о самом генерале. Это был умнейший военачальник и прекрасной души человек. Мне повезло встретиться с ним уже после Гражданской войны. И, знаете, Первая мировая никак не шла у него из головы. Алексей Алексеевич и много лет спустя продолжал анализировать причины, её породившие. И поделился со мной одним эпизодом, на его взгляд весьма красноречивым.

В начале лета 1914 года, ещё до покушения на эрцгерцога Фердинанда и до объявления войны, генерал Брусилов и его жена лечились на водах в немецком городе Киссинген. Перед самым отъездом посетили городской праздник. И поразились: центральная площадь была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский

Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался храм Василия Блаженного. Начался грандиозный фейерверк под звуки нескольких оркестров, игравших «Боже, царя храни» — гимн Российской империи. Всё это не могло не вдохновить немногочисленных русских. Но вскоре всё объяснилось: масса искр и огней, рассыпаясь на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Возник пожар. В дыму и грохоте колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь. Генерал Брусилов с женой молчали в недоумении. Вокруг немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга. А когда сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей заиграл немецкий гимн, неистовству немцев не стало пределов. Вот такая история.

В.: Казалось бы, незначительный эпизод, который говорит о многом. Но давайте вернёмся к Брусиловскому прорыву. Вы в составе лейб-гвардии Литовского полка были его непосредственным участником. Почему всё-таки Брусиловский?

К.: Во-первых, на военном совете в присутствии императора Николая II генерал Брусилов, как командующий Юго-Западным фронтом, настоял на проведении крупной наступательной операции, в то время как остальные командующие фронтами были против. И во-вторых, он решительно отбросил военные шаблоны того времени, которые диктовали нанесение мощного сконцентрированного удара, и применил тактику наступательных ударов сразу в нескольких направлениях. Сильнейшая линия германско-австрийской обороны, состоявшая из окопов полного профиля, тяжёлых блиндажей, врытых глубоко в землю убежищ, «лисьих нор», пулемётных гнёзд и бойниц, бетона и металла, многих сотен километров колючей проволоки в двадцать рядов, порой такой толстой, что не поддавалась резке, на некоторых участках с электрическим током, с подвешенными бомбами — вся эта линия обороны, созданная основательным и непрерывным девятимесячным трудом, рухнула в один момент, солдаты и офицеры противника были деморализованы, австро-германские войска отброшены на много километров. Это наступление имело важнейшее как стратегическое, так и моральное значение: блестящий успех после почти года поражений и отступлений. Россия снова вспомнила слово «патриотизм», забытое с начала войны. Кроме того, прорыв армий Брусилова спас итальянскую армию от разгрома немцами.

В.: Хочу добавить, что потери в этой операции, включая убитых,

раненых и пропавших без вести, составили с нашей стороны чуть менее пятисот тысяч человек. Из них почти четыреста тысяч — ранеными и больными. Австро-германские войска потеряли в три раза больше, то есть полтора миллиона солдат и офицеров.

К.: Почтим память погибших, отдадим дань уважения участникам. К сожалению, война — это не прогулка с барышней по бульвару. Хотя и там могут быть жертвы с обеих сторон (*улыбается*).

В.: Что же помешало развить успех и превратить его в полномасштабную победу?

К.: Наступление нашего фронта не было поддержано ни другими фронтами, ни так называемыми союзниками — Францией и Великобританией. Генералы и верховное командование проявили нерешительность и трусость. Сколько напрасных жертв! Это была упущенная возможность отбросить австро-германские войска к их границам и закончить войну ещё в 1916 году. То есть обеспечить не только победу России, но и спасение династии.

В.: Можно смело сказать, что последующие события 1917 года перевернули весь мировой порядок. Вы их видели изнутри.

К.: Знаете, за три года эта война всем осточертела. Кровь, грязь, страдания, бессмысленная смерть за непонятные интересы. Солдаты — люди простые, в основном из крестьян. Их дело, их любовь и кормилица — земля. Не ложиться в неё, а возделывать. Большевики бросили лозунг: «Долой войну! Мир — народам! Землю — крестьянам! Заводы — рабочим!» — и солдаты не могли этот лозунг не поддержать всем сердцем. Армия разваливалась на глазах. Собрания солдат, бунты, аресты офицеров — всё это было.

В.: А вы в тот момент?

К.: Сразу после революции вышел приказ нового верховного главнокомандующего о демобилизации. Литовский полк, в котором я служил в чине капитана, в то время дислоцировался в Жмеринке. Командир полка выступил, чтобы солдатам добираться домой самостоятельно. Я же вопреки мнению большинства офицеров предложил сохранить полк и пробиваться в Россию. Солдатам это предложение понравилось, и они выбрали меня новым командиром полка. Такие тогда были времена (*разводит руками*). И под моим руководством полк совершил успешный переход от Жмеринки до Воронежа. А затем влился в Рабоче-крестьянскую Красную армию как Литовский советский полк.

В.: Знаковое событие. Мы знаем, что полк заслуженно считался одной из лучших красноармейских частей. Под вашим командованием Литовский полк принял участие в обороне станции Поворино. В тяжелейших боях вы разбили превосходящие силы белогвардейцев и захватили станцию Касирка, что обеспечило успех Воронежско-Поворинской операции.

К.: Да, так оно и было. Вы лучше меня всё знаете (*улыбается*). Хотел бы только добавить, что в результате операции была полностью разгромлена Донская армия атамана Краснова.

В.: Закончилась Гражданская война. Началось строительство социализма. Но нашей стране было отпущено совсем немного счастливого мирного времени. Орды фашистских захватчиков вторглись на просторы нашей Родины, началась Великая Отечественная война.

К.: Страшное испытание для людей и страны.

В.: Богдан Константинович, вы во время Великой Отечественной войны командовали дивизиями и корпусами, освобождали Харьков в ходе Белгородско-Харьковской операции, освобождали Донбасс, участвовали в Старорусско-Новоржевской операции, в прорыве немецкой линии «Пантера». Расскажите нашим телезрителям об этих славных победах.

К.: Знаете, рассказ военачальника о своей деятельности для неспециалиста весьма скучен. Подвигов мы не совершаем, если не считать подвигом бессонные ночи над картами и документами. Работа полководца нацелена как раз на то, чтобы подвигов было как можно меньше. А побед как можно больше.

В.: Тогда расскажите про свой последний день на фронте.

К.: Хорошо. Это было 27 февраля 1944 года. Мы выбили немца из города Пустошка. И город, и его окрестности — это участок немецкой линии обороны «Пантера». Здесь много высот, даже сейчас некоторые помню: Заозёрная, Кряковские высоты, Лысая гора. С высот на несколько километров вокруг просматриваются и простреливаются дороги, озёра, реки, леса, вся окружающая местность. Каждая высота опоясана траншеями в три линии, проволочными заграждениями в три кола. И каждая полита кровью советских людей. Хотелось бы вспомнить всех погибших поимённо, но это вряд ли возможно.

В.: Хотя бы некоторых.

К.: Командир партизан двадцатилетний парень Паша Пастухов.

Когда немцы окружили отряд, дал команду отходить, а сам остался прикрывать отход. Погиб.

Стрелочник Портнов. Дал первому германскому поезду знак остановки, а второму эшелону просигналил, что путь свободен, и тот на полном ходу врезался в стоящий состав. Арестован, подвергся пыткам, расстрелян.

Командир полка подполковник Рощупкин, 25 лет. Его полк вёл кровопролитные десятидневные бои за высоту 214, деревня Кряково. Погиб во время отражения атаки, отстреливаясь из станкового пулемёта.

Опять же не только о героях приходится помнить. Мой адъютант пообщался с местными жителями. За три года войны мы ко всему привыкли, но тут... В конце февраля 1942 года немцы расстреливали пустошкинских евреев. Когда стали слышны выстрелы, дети от страха бросились бежать. На убегавших детей немцы напускали заранее взятых с собой собак, которые догоняли детей, валили их в снег и подтаскивали к месту расстрела. Кроме того, часть детей была сброшена в могилу живьём.

В.: Возможно, поддержи в своё время царские генералы прорыв Брусилова, Германия была бы разгромлена окончательно и не было бы этого ужаса.

К.: Возможно. Но история, особенно военная, не знает сослагательных наклонений.

В.: Богдан Константинович, как получилось, что этот день стал для вас последним днём на войне?

К.: Как обычно у нас бывает: нелепая случайность, произошедшая из закономерности. Когда выбили немцев из Пустошки, разместили мой наблюдательный пункт на месте бывшего немецкого. Поленились свой устроить. Сапёры вроде бы всё проверили, да оказалось, что не всё. Вот и подорвался на немецкой противопехотной мине. В госпитале врачи правую ступню мне отняли. Потеряли вы, говорят, товарищ генерал, ступню в наступлении (*улыбается*). Так и демобилизовали вчистую.

В.: Богдан Константинович, вы один из немногих военачальников такого ранга, кто не вступил в Коммунистическую партию. Можно спросить, по каким соображениям?

К.: Позвольте мне не отвечать на этот вопрос.

В.: Тогда другой, но похожий. Почему в переломное для страны

время вы стали на сторону революции, на сторону большевиков?

К.: Я русский человек, и мне дороги интересы моей страны. Ну что было бы с Россией без большевиков? Англичане оттяпали бы Кавказ, японцы — Приморье. Не было шансов сохранить в неприкосновенности западные границы. Обкорнали бы нашу матушку Русь. А большевики показали себя как собиратели земли Русской, продолжатели великого дела Ивана Калиты. Да и красное знамя — это ведь то самое знамя, под которым русский народ сражался при Калке и сверг татарское иго. Вот поэтому я и выбрал свой путь с большевиками.

Ведущий: И правильно сделали. Что же, Богдан Константинович, спасибо за интересную беседу. Надеюсь ещё увидеть вас в студии.

Колчигин: Хорошо было бы.

(На этом интервью заканчивается, участники пожимают друг другу руки, в студии медленно гаснет свет.)

Богачёв Василий Гаврилович

(10 января 1910 — 29 сентября 1941)

Родился в селе Благовещенка Воронежской губернии. В 1925 году вместе с родителями переехал в Воронеж. Работал на механическом заводе.

Капитан. Командир танкового батальона 10-й танковой бригады. Герой Советского Союза.

улица Богачёва (г. Воронеж)

Телеграмма

Сентябрь 1941 года. Железнодорожный вокзал маленького провинциального городка. Военный с одной шпалой и танком в петлицах наклонился к окошку.

— Девушка, мне телеграмму отправить.

— Пожалуйста, — улыбнулась телеграфистка, считая количество слов в телеграмме. — Коротенькая какая. Добавить ничего не желаете?

— Нет, — покачал головой танкист, — отправляйте, как есть.

Разве мог он добавить в телеграмму первые дни войны? Разве мог он добавить в неё ужас, гнев, растерянность, удивление, что происходит то, чего не могло произойти, боль, стыд, ненависть. Чужие танки терзают гусеницами твою землю. Давят, крушат, взрывают, жгут. Бомбардировщики с чёрными крестами превращают в руины твои города. Веселящиеся вояки чужой страны в гимнастёрках с подвёрнутыми до локтя рукавами въезжают в твои деревни на машинах и мотоциклах, поют чужие песни на чужом языке. Оставляя за собой сожжённые дома, виселицы и детей, которые не понимают,

почему их мама уснула и так долго не просыпается.

Разве добавишь в телеграмму пятый день войны и танковое сражение в треугольнике Дубно — Луцк — Ровно? Поле брани и поле брони. Танки на танки. В этом бою шесть советских механизированных корпусов столкнулись с германской танковой группой. У нас танков было намного больше. Но преимущество это было мнимым и достигалось за счёт лёгких машин. Катастрофически не хватало тяжёлых и средних танков. В их 43-й танковой дивизии было, к примеру, два КВ-1 и 5 «тридцатьчетвёрок». Остальные 230 танков — лёгкие Т-26 с бронёй до 15 мм. Такая броня могла защитить только от удара кулаком. «Двадцать шестые» горели, как спички. В воздухе господствовала люфтваффе и половина танков уничтожались ещё на марше, не сделав ни одного выстрела по врагу. Было плохо со связью. И ещё хуже со снарядами и топливом.

Как расскажешь в телеграмме о своём Т-34 в этом бою? Его танк, надрываясь мотором, пытается уйти от прямых попаданий. От выстрелов, которые бьют рикошетом, оставляя на броне следы, звенит в ушах. Окалина, отлетевшая от брони, впивается в лицо, скрипит на зубах. Пороховые газы разъедают глаза. Вентилятор, установленный в башне, не успевает их выдувать. Капитан-танкист смотрит в «панораму» вперёд и влево, ищет цели. Правое плечо уперлось в казенник пушки, левое — в броню башни. Тесно. Руки сложены крест-накрест: левая — на механизме подъёма орудия, правая — на рукоятке поворота башни. Вот он поймал в «панораму» немецкий танк. По внутренней связи треск такой, что ничего не слышно.

— Бронебойный! — он показывает кулак заряжающему.

Заряжающий отрицательно машет головой и показывает в ответ ладонь с растопыренными пальцами. Это значит, бронебойных больше нет, остались осколочные. Их много, но они не пробивают броню.

Как напишешь в телеграмме о том решении, которое пришло само собой сразу?

— Таран! — во все задымлённые лёгкие кричит он механику-водителю. — Коля, таран!

И механик-водитель в адском грохоте боя не слышит его, а чувствует спинным мозгом. Надрывая ко всем чертям 16 поршней, Т-34 уходит с линии огня немецкого танка Pz-IV. Стрелок-радист помогает мехводу включать передачи. Танк идёт на мгновенье быстрее, чем фашист поворачивает башню с пушкой и 75-мм снарядом в ней.

— Влево давай! — орёт он, хрипя, и ногой нажимает водителю на левое плечо.

Механик-водитель тянет левый рычаг на себя, и тяжёлая машина нехотя идёт влево. Полный газ. Там, где только что был танк, взрыв тяжёлого снаряда поднимает на дыбы тонны земли. Это ещё кто-то охотится за «тридцатьчетвёркой». Плевать. Мы идём на таран. Фашист закончил поворачивать башню. Секунды до выстрела в упор.

— Давай! Газу! Пушку вниз! — это он сам себе. — Держитесь, ребята!

Удар. Лязг. Скрежет металла. Стрелок-радист со всего маху бьётся головой и на минуту выключается. Механик-водитель в кровь разбивает лицо о люк с перископами. Его самого швыряет с командирского сиденья вперёд.

— Газу!

Механик-водитель увеличивает обороты до предела. Наш танк своей пушкой и мощно ревущим двигателем в 500 лошадей поднимает фашистский Pz-IV и переворачивает его на бок.

Это первый в истории таран на танке Т-34.

— Ещё! Где ещё танки? — кричит он в азарте.

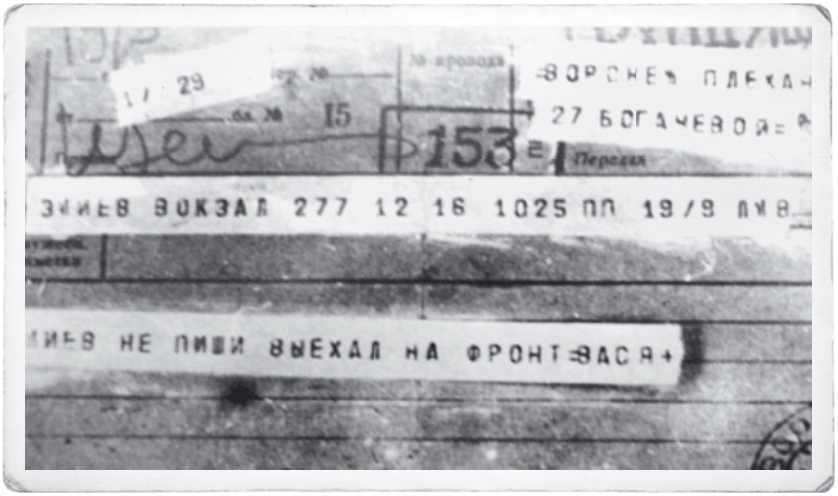
Заряжающий ищет в «панораму» танки впереди и справа. Кровь заливает глаза механику-водителю.

— Сколько с меня?

— Одиннадцать слов. Пятьдесят девять копеек.

Капитан-танкист расплачивается и отходит от окошка, уступая место следующему. После тяжёлого ранения он возвращается на фронт. Будет командовать танковым батальоном в составе 10-й отдельной танковой бригады. И технику получит боевую: только тяжёлые и средние танки, КВ-1 и Т-34, всего двадцать девять единиц. Первый бой пройдёт у села Мачиха под Полтавой. Его разведческое чутьё подскажет: от лесистой поймы реки Ворсклы жди сюрпризов. И как в воду Ворсклы глядел — именно по лесистой пойме в расположение танкового полка проник гитлеровский разведотряд в составе 5 танков, 12 бронетранспортёров и грузовиков с пехотой. Немцы вылетят из леса и напорются на засаду — взвод тяжёлых танков, собственный резерв капитана. И получат точные разведданные о том, как действуют наши КВ — уничтожают врага выстрелами в упор и давят гусеницами.

Через несколько часов с танками капитана познакомятся основные силы противника. Бесконечная колонна немецких стервятников



будет остановлена и обращена в бегство дивизионом гаубиц и тремя ротами тяжёлых и средних танков. В его наушниках на пойманной немецкой волне будут раздаваться истошные крики в панике отступающих немцев: «Гросс панцер! Руссиш гросс панцер!»

Пройдёт один день, и вместе со своей бригадой капитан будет оборонять Полтаву. Круглосуточные налёты вражеских бомбардировщиков и дальнобойная артиллерия превратят цветущий город в чёрное месиво. Тяжёлый запах гари перемешается с терпким ароматом спелых яблок. Ведь до войны этот старинный город утопал в садах, а теперь будет утопать в крови. Превосходящие силы врага волна за волной будут накатываться на нашу оборону. Только благодаря мужеству защитников и грамотному манёвру танкисты выполнят приказ командования и задержат наступающие орды на трое суток. Но к вечеру третьего дня немцы отрежут их от собственных тылов, прекратится снабжение топливом и боеприпасами.

А пока капитан выходит из здания вокзала на перрон. Телеграфистка смотрит ему вслед. В этой войне для неё это не первая и не последняя последняя телеграмма.

Чтобы не попасть в окружение, Полтаву придётся оставить вра-

гу. Несколько машин останутся рёвом двигателей и огнём имитировать наступление и задерживать немцев. Остальные уйдут через реку Ворсклу по заранее разведанному броду у места, которое называется Шведская Могила. По этому же броду, только в другую сторону, переходил с войсками Пётр Первый, чтобы громить шведов. Исторические места. Совсем рядом знаменитая гоголевская Диканька. Но сейчас не до неё — нужно остановить и выгнать с родной земли миллионы навалившихся на нас Виев.

После Полтавы 10-я танковая бригада займёт оборону между Фёдоровкой и Васильевкой. Здесь танкисты встретятся с корреспондентом газеты «Красная Армия» знаменитым Александром Твардовским. В блиндаже поэт будет сидеть рядом с капитаном, а по другую сторону положит на стол книгу о Тёркине.

— Между двумя Василиями сидите, Александр Трифонович, — пошутят танкисты, — загадывайте желание.

— Загадал, — серьёзно ответит Твардовский, — сами знаете какое. Желание у нас сейчас на всех одно.

Примета не подведёт — желание сбудется, но только через бесконечных четыре года.

А завтра — снова бой. На этот раз под гусеницы попадёт 4-я немецкая пехотная дивизия. Неожиданная атака танками на предельных скоростях застанет фашистов врасплох. Рота КВ разнесёт в клочья зенитный полк, средние танки атакуют колонну пехоты с артиллерией. Более 4 часов будут продолжаться бой и преследование бегущих фрицев. Враг понесёт огромные потери. Тогда и скажет комполка: «Ну а в комбате-1 мы были уверены. Со своими тяжёлыми КВ он шороху наделает такого...»

Уже после боя капитан-танкист и командир взвода разведки остановятся у маленького хутора и выйдут из танков, чтобы рассмотреть карту — как лучше двигаться в район сосредоточения. Привычный свист снаряда перерастёт в угрожающий, но, когда они это поймут, будет уже поздно.

В городе Воронеже в квартире на улице Плехановской Серафима Богачёва получит телеграмму от мужа: «ЗМИЕВ НЕ ПИШИ ВЫЕХАЛ НА ФРОНТ ВАСЯ». И скажет крошечной дочке:

— Смотри, папка телеграмму прислал. Он уже не в госпитале. Значит, здоров. Давай я напишу ему письмо, а ты нарисуешь солнышко.

Мухина Ревекка Матвеевна

(1896 — 10 августа 1942)

Родилась в Воронеже. По образованию врач.

В условиях оккупации добровольно возглавила госпиталь раненых советских бойцов в воронежской школе № 29 (сейчас № 12). Втайне от немцев помогала переправлять выздоровевших за линию фронта.

переулок Мухиной (г. Воронеж)

Храбрый доктор

Начало двадцатого века. В просторном зале университета много света. Он льётся сюда через высокие, от пола до потолка, окна. За окнами университетский парк, тёплый июнь, поют птицы и студентки. Дополнительный свет исходит от лиц юношей и девушек, которые собрались в этом зале. У них радостный и торжественный день. Сегодня они станут врачами.

— Студентка Мухина, прошу вас, — пожилой профессор с аккуратной седой бородкой и в очках с толстыми стёклами протягивает ей диплом врача. — Поздравляю! Сегодня у вас особенный день. Вы вступаете в дружную семью лекарей! С этого дня только от вас будет зависеть жизнь и здоровье многих людей. Живите и работайте достойно.

Профессор протягивает студентке медицинского факультета Мухиной диплом и говорит:

— На обратной стороне прочитайте, пожалуйста, «Факультетское обещание врача» и распишитесь.

Девушка бережно берёт диплом и начинает читать:

«Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня этим званием, даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачить чести сословия, в которое ныне вступаю».

Студентка хочет читать дальше, но буквы дымятся, покрываются копотью и становятся надписью на обгоревшем листе фанеры: «СТОЙ! КТО ПОЙДЁТ ДАЛЬШЕ, БУДЕТ ПОВЕШЕН!» Уже зрелый врач Ревекка Матвеевна Мухина игнорирует угрозу и входит в здание 29-й школы города Воронежа. Сейчас здесь, в августе 1942 года, расположен немецкий госпиталь для военнопленных. Фашисты согнали сюда более ста раненых и тяжелораненых бойцов Красной армии. На всех только два человека, имеющих представление о медицине: санинструктор Нина Рубцова и санитарка 605-го полка Наташа Суслова. Долговязый немецкий офицер прокаркал Нине с предельной откровенностью: «Вы медики. Размещайте раненых и лечите их. Как и чем, дело ваше. Учтите, Германии нужны здоровые рабы».

Лечить было практически нечем. Не хватало элементарного: бинтов, йода. Рубцова и Суслова день и ночь, не смыкая глаз, помогали раненым, как могли. Но у них не было самого главного — знаний, опыта. И раненые стали умирать. Срочно нужен был врач. И в этот момент появилась доктор Мухина.

— Здравствуйте, девушки, — ласково сказала она. — Я врач Мухина. Пришла вам помогать. Надеюсь, найдётся мне работа?

— Что вы, доктор! Да если бы вы знали... — воскликнула Нина. И слёзы градом побежали по её лицу.

— Успокойся, девочка, — обняла её женщина. — Я знала, что здесь был госпиталь, что остались раненые. Будем вместе лечить и спасать их.

«...Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, — продолжает читать «Факультетское обещание» студентка Мухина, — *свято хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия».*

На слова «Обещания» сыплется белая пыль. Доктор Мухина поднимает голову. Взрыв снаряда совсем близко, и от взрывной волны

потолочная штукатурка засыпает оперируемого бойца. Откапывают и начинают всё сначала. Нина Рубцова ассистировала, а Ревекка Матвеевна сутками не отходила от операционного стола.

— Товарищ доктор! Вы бы отдохнули. Вы ведь столько для нас делаете, — уговаривали её раненые.

Доктор в ответ только качала головой и продолжала работать: ставить на ноги тяжелораненых, возвращать жизнь умирающим.

«...Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности; однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицеприятия», — читая эту часть «Обещания», студентка Мухина попыталась представить, какими будут они, её сотоварищи-врачи.

Доктор Мухина, рискуя в любой момент быть схваченной, прошла горящий Воронеж вдоль и поперёк в поисках знакомых врачей. И нашла их. Так в госпитале появились врачи Мария Митрофановна Станкова, Антонина Ильинична Болдырева, Лидия Леонидовна Григорьева, Мария Дмитриевна Шмырёва, доктора Цветов и Миловский. Выпускница мединститута Варя Тихонова откликнулась на её просьбу и пришла работать в госпиталь. А пианистка Валентина Викторовна Шевелева стала санитаркой.

Заработали терапевтическое и хирургические отделения, появилась операционная. Кроме раненых воинов Красной армии в госпиталь приходили женщины, старики и дети. И доктор Мухина никому не отказывала в помощи, все получали лечение и заботу.

«...В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных, когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

Важные случаи. Тридцать лет назад юная студентка представляла их совсем по-другому. Сейчас важные случаи испытывают доктора Мухину на прочность по многу раз в день. Ей, как главному врачу госпиталя, поступил строжайший приказ немецкой комендатуры: всех раненых советских солдат после выздоровления отправлять в лагерь на Чижовке. На свой страх и риск она задерживала больных так долго, насколько это было возможным. И не зря. Скоро в госпи-

тале появились пятеро неизвестных красноармейцев. Днём доктор Мухина и санинструктор Рубцова, делая ложные перевязки, скрывали их под видом раненых. Под покровом ночи красноармейцы сначала снимали повязки, а вслед за повязками снимали немецких часовых и совершали дерзкие диверсии. И если было возможно, переправляли вылеченных в госпитале бойцов на ту сторону фронта, к своим. Так храбрый доктор «выполняла» приказ фашистской комендатуры.

Но в городе назревали тревожные времена. Для успокоения воронежцев и наведения порядка прибыла зондеркоманда 4а-СД.

— *Осталось подписать,* — улыбнулся добрый профессор студентке Мухиной, — *и вы врач. Желаю успехов в лечении людей.*

Студентка Мухина благодарно улыбнулась и подписала.

...Доктор Мухина вздрогнула. В комнату, где она отдыхала после операции, ворвались гитлеровцы.

— Кто есть фрау Мухина? — спросил офицер.

— Я, — спокойно ответила Ревекка Матвеевна.

— Своя работа ви подписаль себье смертный приговор, — сказал офицер. — Виходи!

Доктора Мухину фашисты казнили во дворе школы. Через две недели каратели полностью ликвидировали госпиталь. Тяжелораненые солдаты, больные мирные жители и дети были бесчеловечно расстреляны в Песчаном логу.

Иванов Анатолий Васильевич

(21 июня 1915 — 3 ноября 1963)

Родился в городе Новохопёрске.
Закончил Балашовскую лётную школу.

Капитан. Заместитель командира эскадрильи 455-го авиационного полка. Герой Советского Союза.

улица Иванова (г. Новохопёрск)

«Захар на трассе, встречайте...»

Чтобы нести врагу смерть, аэродром оживает. Чёткие команды техников сливаются с треском храповиков и визгом несмазанных тросовых роликов. В тёмные пасти фюзеляжей медленно поднимаются бомбы. Щёлкают замки бомбодержателей. Гудят моторы бензозаправщиков, из толстых шлангов упруго и долго бьёт топливо в горловины баков — почти три тонны бензина выпьет каждый самолёт за нездоровье фашистов. В тыл немцев на расстояние до 2 000 км дальние бомбардировщики Ил-4 понесут от тысячи до двух с половиной тысяч килограммов бомб.

Экипаж уже ждёт, испытывая естественное волнение перед неизвестностью. Быстро, но внимательно осматривает машину командир, капитан Анатолий Васильевич Иванов — стройный, с тонким лицом лётчик 27 лет по прозвищу Захар. Рядом с ним штурман капитан Стогин Николай Яковлевич, ему 32 года, стрелок-радист сержант Гнида

Иван Самойлович, 24, и воздушный стрелок младший сержант Вершинский Владимир Иванович, которому не исполнилось и двадцати.

— Послушай, Толя, — интересуется Стогин, — если это не военная тайна, откуда пошло, что тебя все зовут Захар?

— Конечно, военная тайна, — с улыбкой отвечает командир. — Половина немецкой разведки над этим работает. Гитлер все усы себе оборвал, а узнать не может. Но вам я скажу. Это друзья из гражданского воздушного флота так окрестили меня. Мы были похожи с одним техспецом, Захаром. Он мог по высшему разряду обслужить самолёт любого типа. Я тоже летал на всех машинах. Так и повелось, лечу, а радисты в эфире: «Захар на трассе, встречайте». Вот и привык: Захар да Захар...

Экипаж тоже улыбается. Все в авиаполку знают, что у капитана Иванова покладистый, общительный характер и постоянная жажда полётов.

Дан сигнал на взлёт. Бомбардировщик выруливает на взлётную полосу. У него двухцветный камуфляж для ночных полётов: на верхних поверхностях пятна средне-зелёного и тёмно-зелёного цветов, снизу только чёрный цвет. Капитан Иванов притормаживает, одну за другой прожигает свечи моторов. Его самолёт стартует первым. Тяжёлая машина с трудом отрывается от грунта. Вот горизонт качнулся и ушёл вниз. Лётчик немного сбавляет газ, изменяет шаг винтов, и сразу шум двигателей становится тише и ровнее. Мотогондолы отзываются стуком: это шасси сели на замки. Всё в порядке. Со скоростью двести сорок метров в минуту тяжёлая машина уходит в небо. По сигналу штурмана Иванов ложится на курс. Стрелок-радист докладывает на командный пункт о времени взлёта и отхода от пункта старта, устраивается на выдвижном пятачке верхней башни и начинает следить за задней полусферой в прицел пулемётной установки. Воздушный стрелок Вершинский вставляет в нижний люк пулемёт и ложится рядом на мягкий мат, покрывающий бронеплиту. За самолётом Иванова с интервалом в 30 секунд взлетают другие Илы 455-го авиационного полка дальнего действия.

Их курс сегодня — на Кёнигсберг. Боевая задача — ночная бомбардировка военно-промышленных объектов этого города-порта и города-крепости. Луны нет. Темно, как в погребе. Кое-где сверкнёт

Дальний бомбардировщик Ил-4

огонёк, и вот уже нет его. И не поймёшь сразу, где сверкал — на земле или в воздухе. Лететь ещё долго. Автопилота на Ил-4 нет, а по своей конструкции этот бомбардировщик неустойчив, не даёт расслабиться: каждую секунду норовит завалиться в крен, уйти с курса, задрать или опустить нос. Поэтому лётчику приходится непрерывно работать штурвалом. Это и на коротких дистанциях нелегко, а на длинных превращается в большую проблему. Гул моторов, однообразные движения штурвалом то вправо, то влево, то от себя, то на себя опасно убаюкивают.

— Коля, ты Берлин бомбил? — чтобы прогнать сон, спрашивает Иванов штурмана.

— Бомбил, — односложно отвечает Стогин.

— Подробнее можешь?

— Могу. Лететь долго. Тысячу километров туда, тысячу обратно. А отбомбиться — меньше минуты. Ну а так всё, как всегда. Облачность, туманы, ураганы, под тобой Балтийское море. Как подходишь к мор-

ской границе Германии, переключаешь радиокомпас на широковещательную Берлина. Индикатор курса включен. Точно идём на логово. В шлемофоне слышно, как немец-диктор, резко чеканя слова, передаёт военную сводку. Ну, я его подбадриваю: «Кричи, кричи громче, индикатор курса лучше работать будет». Потом музыка заиграла. А внизу уже Одер. До Берлина 140 километров. «Ну, — думаю, — скоро вместе будем петь. Вы свою песню, мы — свою». И точно, они свою запели: «Ахтунг! Ахтунг!» — кричит диктор и трижды объявляет воздушную тревогу. Теперь наша очередь. Радиостанция выключилась. Замер индикатор курса. Да он и не нужен уже.

Тут штурман прерывает рассказ:

— Берлин Берлином, а у нас через двадцать минут Кёнигсберг.

Илы на подходе к цели. Бомбардировщик-осветитель заходит с наветренной стороны и сбрасывает сразу десять бомб. Через тридцать секунд после сброса срабатывают взрыватели, и яркие факелы повисают над объектом: теперь видимость лучше, чем днём. Противовоздушная оборона врага просыпается для того, чтобы кто-то из наших лётчиков заснул навсегда. Прокалывают небо лучи прожекторов. Уйти от них почти невозможно. Иванов глубже опускает сиденье, включает в кабине полный свет и ведёт самолёт по приборам. На земле огонь и взрывы, растревоженные облака светятся нереальным бордовым светом. От зенитного огня под самолётом рассыпаются белые шапки, которые, глазом не успеешь моргнуть, превратятся в белые тапочки. Несмотря на опасность, лётчики спокойно делают свою работу. В шлемофонах звучит уверенный голос штурмана Николая Стогина:

— Боевой двести десять!

Боевой — это курс самолёта при бомбардировке цели. Он характеризуется направлением и высотой полёта и расстоянием от начала боевого пути до момента сбрасывания бомб. Для выполнения прицельного бомбометания лётчик, несмотря ни на какие внешние и внутренние помехи, должен строго придерживаться боевого курса, не допускать, чтобы самолёт «рыскал» в воздухе — тогда бомбы пойдут мимо цели. Время полёта на боевом курсе зависит от многих факторов и составляет от 40 до 60 секунд, которые под огнём зениток кажутся вечностью.

— Есть двести десять, — отвечает Иванов.

Штурман срастается с окуляром прицела.

— Возьми вправо пять. Всё, вот так. Держи.

Иванов не дышит, его руки до судорог в пальцах сжимают штурвал. Он не имеет права допустить схода бомбардировщика с боевого курса. Иначе всё коту под хвост.

— Двести метров! Сто! Сброс! — кричит штурман и нажимает кнопку.

Экипаж чувствует запах пироксилиновых патронов и лёгкие толчки — это отрываются от замков бомбы и стремительно падают вниз. Почти сразу видны взрывы большой силы и всепожирающее пламя пожара. Есть попадание!

Иванов отклоняет левую педаль, ложится на крыло, старается поскорей покинуть опасную зону. Штурман прокладывает путь на аэродром. Стрелок-радист передаёт на землю радиограмму о выполнении задания. Всё, точка.

Вернее, многоточие. Боевые вылеты продолжались. Экипажи 455-го авиаполка дальнего действия бомбили железнодорожные узлы Курска, Орла, Брянска и других городов, разрушали переправы через Дон, наносили удары по скоплению живой силы противника и его моторизованных войск в районе Воронежа, бомбили порты и аэродромы Киркенес, Рованиеми, Кемиярви, Алакуртти, Мемель и другие. Уничтожали железнодорожные составы с боеприпасами, военной техникой и горючим, взрывали вражеские склады, топили корабли и подводные лодки в портах базирования, разрушали аэродромы вместе с самолётами, ровняли с землёй военно-промышленные объекты, на которых фашисты производили смертоносное оружие и боеприпасы.

Так было и так будет. Но нет правил без исключений: 21 июля 1942 года всё пошло не по плану. Перед вылетом на бомбардировку Кёнигсберга экипажи получили хороший прогноз погоды. Однако уже через полтора часа полёта начали появляться первые признаки грозового фронта. С каждой минутой вокруг становилось всё темнее. Бомбардировщик капитана Иванова вошёл в грозовые тучи. Десятитонная машина задрожала мелкой дробью, словно кто-то огромный схватил её, как копилку, и захотел вытрясти мелочь. В руках лётчика заходил штурвал. Сверкнула первая молния. В сердце командира закралось нехорошее предчувствие.

— Иван, слышишь меня? — позвал он стрелка-радиста. — Запроси

землю о погоде по маршруту.

— Уже много раз запрашивал, товарищ командир, — отозвался сержант, — но из-за сильных грозовых помех аэродром не прослушиваю.

— Пробуй ещё, — приказал Иванов.

И попытался обойти грозовые облака стороной. Бесполезно.

— Коля, пойду вверх, — сказал Иванов.

— Давай, Захар, пробуй, — сказал штурман, а сам подумал: — Хоть бы тебе повезло. Сейчас всё в твоих руках.

Ещё до войны, когда Иванов летал над Сибирью на гражданских самолётах, ему приходилось оставаться с грозой один на один. Тогда у него получалось набирать высоту и перемахивать через грозовые облака, как через горы. Но этой ночью тучи обступили бомбардировщик до практического потолка — выше не подняться. Вспышки молний исполняют свой угрожающий белый танец вокруг самолета. Мощные вертикальные потоки легко кидают десятитонную махину: то бомбардировщик на сотню метров проваливается в бездну, то с неимоверной силой его подбрасывает вверх. Первые льдинки, срываясь с обледеневших винтов, тревожно стучат в обшивку самолёта. Слоем льда покрываются кромки крыльев. Иванов включает антиобледенительную систему. Через «жабры» по крыльям и килю идёт тёплый воздух. Как мёртвому припарка. Лёд, сброшенный с винтов и плоскостей, быстро нарастает вновь. Происходит то, чего меньше всего ждали. Отлетевшие с винтов куски льда пробивают остекление кабины штурмана. Двигатели надрываются на предельных оборотах. Отяжелевший от льда самолёт начинает проваливаться в наэлектризованную бездну.

— Коля, под нами есть кто-нибудь?

Штурман понимает, о чём спрашивает командир. Он хочет знать, есть ли в районе, где они сейчас находятся, населённые пункты.

— Нет, Захар, под нами населённых пунктов нет.

— Разгружаемся на пассив.

Это приказ сбрасывать бомбы без цели. Другого выхода нет. Штурман выполняет приказ. Иванов отдаёт штурвал от себя и идёт на снижение: там теплее, там можно оттаять.

И сразу в кабинах самолёта закружились снежные вихри. «Только Деда Мороза не хватает», — находит в себе силы шутить Иванов. В считанные секунды приборы и одежда покрываются слоем снега.

Врываясь через пробитый плексиглас, снег всё больше набивается в кабины. Трудно, но ещё можно лететь. И тут самолёт попадает в полосу града. Двигатели начинают глохнуть. Резко падает скорость. Град колотит по обшивке, с грохотом врывается внутрь. От встречной струи воздуха вхолостую вращаются винты. Чтобы поддержать критическую скорость, Иванов ещё сильнее отдаёт штурвал от себя и бросает бомбардировщик в более резкое снижение: возможно, в тёплых слоях воздуха моторы запустятся. Счёт идёт на секунды.

— Ребята! — это Иванов по внутренней связи. — Буду планировать до пятисот. Если моторы не заберут, прыгаем. Понятно?

— Понятно, — один за другим отвечают штурман, радист и стрелок.

Но бушующей стихии распоряжения человека безразличны, она всё делает по-своему. На высоте около семисот метров мощный вихревой поток сваливает самолёт на левую плоскость. Словно щепка в бурлящей горной реке, он переворачивается на спину. В шлемофонах приказ Иванова:

— Всем прыгать!

Где-то в километре пылает большой костёр, в нём догорает бомбардировщик. Удачно приземлившийся капитан Иванов маскирует парашют ветками. Одна мысль: как остальные, выпрыгнули или остались в этом костре? Попробовал найти своих боевых товарищей — не нашёл. Долго в районе падения самолёта оставаться было нельзя. Иванов сориентировался по заре и, продираясь сквозь кусты и невысокую растительность, пошёл на юг. Вокруг было сыро, меховой комбинезон намок, превратился в тяжёлую ношу. Идти становилось всё труднее и труднее...

Через два дня он набрёл на деревушку. Рискнул, постучал в окно крайнего дома. Мог нарваться на полицаев, но попал сразу на связного партизан. Тот отвёл его в партизанский отряд, действующий на Псковщине. Иванов и на земле был такой же, как в воздухе: не боялся опасности, рвался в бой. Принял участие в двух партизанских операциях. При первом удобном случае его доставили самолётом на Большую землю. Продолжил службу в своём полку. Через несколько месяцев из госпиталя прибыл и штурман Николай Стогин. В ту ночь он тоже хорошо приземлился, но потом удача отвернулась от капитана Стогина: жительница деревни сдала его полицаям. В плену испытал голод, перенёс тяжёлые побои и пытки, видел много страшного. Бе-

жал вместе с группой товарищей из железнодорожного вагона, когда их перевозили из одного лагеря в другой. Волею судьбы тоже оказался в партизанском отряде и был переправлен через линию фронта к своим. Два других члена экипажа, стрелок-радист и воздушный стрелок, пропали без вести.

Анатолий Васильевич Иванов до конца войны нещадно бомбил фашистов. Командовал эскадрильей. За проявленные мужество и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Совершил 269 успешно выполненных боевых вылетов ночью, из них 33 на бомбардирование военно-промышленных объектов на территории противника. За период участия в Великой Отечественной войне создал в стане врага 289 пожаров и 92 взрыва большой силы, подтверждённых фотоснимками и экипажами-контролёрами. Боевой путь лётчика Иванова и всей нашей авиации дальнего действия является наглядным примером того, что мы миролюбивы и сами войну не начинаем, но если что — достанем врага на любом расстоянии, где бы он свою голову в песок ни зарывал и в какие бы бункеры ни прятался.

Кубанёв
Василий Михайлович

(13 января 1921 — 6 марта 1942)

Родился в селе Орехово Курской области.
Жил в Острогожске и Мичуринске, работал учителем и журналистом.

Доброволец. Учился в Борисоглебской авиашколе на стрелка-радиста.

улица Василия Кубанева (г. Воронеж)

Три смерти поэта

Чёрная саранча, уничтожая всё живое на своём пути, двигалась с запада на восток. Красной армии пришлось ждать декабря, чтобы показать фашистам, где зимуют раки. Враг был отброшен от Москвы на 100 — 250 километров. Но следующим летом немецкое наступление продолжилось. Уже не на Москву, а на юг. Не столица страны, а её нефтяные месторождения — вот куда были направлены теперь когтистые, по локоть в русской крови, руки фашистской Германии.

4 июля 1942 года стало для Острогожска чёрным днём. Чистое летнее небо покрылось сыпью немецких бомбардировщиков. На маленький город сбросили 800 больших бомб. Одна из них попала в неказистую мазанку под камышовой крышей на Лушниковке. Здесь до марта 1942 года жил Василий Кубанёв. Взрыв уничтожил всё, в том числе и мешок рукописей его стихов. Ещё одна бомба взорвалась на кладбище и разрушила могилу, где в марте 1942 года был похоронен поэт.

Он прожил короткую, но красивую жизнь. Сам украсил её: стихами, учением детей в школе и работой в газете. В поэзии Кубанёв был неудержим. Становление его как поэта проходило параллельно становлению в нашей стране авиации. И они не отставали друг от друга. Полёт мысли, полёт души, полёт обжигающих строк — всё это щедро рассыпано в стихах Кубанёва. Юноша стремился жить не для себя, а для других. Ничто лучше не расскажет об этом, чем строки из писем самого поэта: «человек живёт для будущего, это надо помнить всегда, если хочешь быть человеком», «чувствовать свой рост, свой бег, чувствовать бег времени», «быть самим собой», «помнить только хорошее», «жить для мира, для людей, украшать мир благородными делами». Высоко ценил Василия знаменитый писатель и поэт Константин Симонов: «Кубанёв моложе меня на шесть лет, однако в его мыслях того времени — и насчёт пакта, и насчёт школы, и про то, что, однажды крикнув и криком призвав к порядку, придётся потом всю жизнь кричать, и многое другое — до этого я, по совести говоря, не дорос и к 24 годам».

За педагогическую деятельность Кубанёва наверняка назвали бы Учителем года. И вовсе не потому, что он работал учителем только год. В его общении с детьми главным было не время, а интерес. Урок арифметики в лесу. Вот уж где щедрая природа позаботилась о будущих математиках.

— Василий Михайлович, а у ромашки девять лепестков!

— Интересно, Катюша, а у всех ромашек так или у каждой по-разному?

— Василий Михайлович, а я считаю, сколько у ёжика иголок.

— Хорошо, Илюша. Ну и сколько?

— Пока пять.

— Пять иголок?

— Нет, пять раз укололся.

— Василий Михайлович, давайте посчитаем, сколько в луже капелек.

— Давайте. Только нужно быстро считать. Пока она не высохла. Справитесь?

— А мы сначала посчитаем, сколько капелек в ладошке. А потом — сколько ладошек в луже.

— Вот это вы будете молодцы!

В редакции газеты «Новая жизнь» Кубанёв был самым молодым, но порой поражал даже самых старших. Однажды в комнату стремительно вошла женщина.

— Мне нужно видеть товарища Кубанёва, — сказала она. — Понимаете, я прочитала в газете его «Беседы о воспитании». Хочу посоветоваться с автором по поводу своей дочери. Совсем от рук отбилась.

Каково же было удивление женщины, когда в Василии Кубанёве она узнала одноклассника дочки...

В воскресенье, 22 июня 1941 года, никто не воскрес. Страшная чёрная мгла заволокла нашу Родину. Уже на следующий день в газете появились пророческие строки Василия Кубанёва:

Ещё от Франции рук не вытерев,
Европу в тюрьму заперев на замок,
Осатанелые, дикие гитлеры
Над нами свой заносят сапог.
Но мы под чужую чёрную силу
Не склоним гордой своей головы.
Вы ищете места себе на могилу?
Ну что ж!
Это место получите вы.

Вместе со всеми сотрудниками редакции Кубанёв подаёт заявление в военкомат с просьбой направить его в действующую армию. В августе 41-го Василий уже курсант авиационного училища, где он два месяца учится на стрелка-радиста. Но мечтам поэта воевать с врагом за чистое небо над Родиной не суждено было сбыться. Туберкулёз, отягощённый воспалением лёгких, перечеркнул все планы. Василий комиссован и возвращается домой. Здесь он, несмотря на болезнь, продолжает вести активную жизнь: возвращается в редакцию, не обращая внимания на лютые морозы, ездит в командировки. Товарищи предупреждали: «Вася, тебе лучше долечиться. Успеешь ещё поработать». Но Кубанёв не был бы Кубанёвым, если бы поступил иначе. Его горячее сердце вступило в бой с холодной зимой и проиграло. 6 марта 1942 года Василия Кубанёва не стало.

Но продолжали биться с врагом его строки:

Ходите прямо, дышите легко
Все,
сгибавшие спины низко!
Это от Берлина до Москвы
далеко,
А от Москвы до Берлина
Близко!

Конечно, что такое стихотворение на войне? Всего лишь листок бумаги с неровными буквами. В жестоком безжалостном противостоянии с врагом нужны не стихи, а снаряды и бомбы, автоматы и пушки, самолёты, корабли и танки. И это правильно. Но почему тогда фашисты три раза убивали поэта Василия Кубанёва?

Меркулов Иван Данилович

(8 февраля 1924 — 20 февраля 1944)

Родился в селе Старая Ведуга. Работал в Воронеже на авиационном заводе. Во время оккупации помогал партизанам.

Младший сержант. Наводчик станкового пулемёта 312-го Новгородского Краснознамённого стрелкового полка. Герой Советского Союза.

улица Меркулова (г. Воронеж)

Связующая нить

Они не побратимы, не расположены рядом на карте, их жители не ездят друг к другу в гости на выходные, и у них нет совместных производственных, культурных или научных проектов. Но они связаны невидимой нитью. В городе Холме Новгородской области стоит памятник. Скромный обелиск с пятиконечной звездой наверху. Каждый год в День Победы к обелиску приходят холмичи: убелённые сединами ветераны, люди среднего возраста, мамы и папы с маленькими детьми, школьники. Они приносят к памятнику цветы, несколько минут стоят в святой тишине — отдавая дань памяти подвигу солдат, которые сложили свои головы за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти. На обелиске простые слова: «Герою Советского Союза младшему сержанту МЕРКУЛОВУ ИВАНУ ДАНИЛОВИЧУ, закрывшему своим телом амбразуру вражеского дзота 22 февраля 1944 года при штурме города Холма».

Иван Меркулов

Иван Меркулов родился в 1924 году в крестьянской семье в селе Старая Ведуга Семилукского района Воронежской губернии. Детство прошло на красивой реке Ведуге и в соседних лесах с удивительными названиями: Долгий лес, Парничный лес, лес Рядное, лес Горяиново, Грушной лес. Жил Ваня, как и многие его сверстники: окончил школу-семилетку, работал в колхозе, часто играл с маленькими ребятишками и любил деревенские песни. Повзрослев, поступил в школу фабрично-заводского ученичества воронежского авиазавода и в предвоенное время трудился токарем в цехе № 33. Когда началась война и мирная жизнь миллионов советских людей превратилась в кошмар, Иван Меркулов во время бомбёжки был ранен. Завод в рекордные сроки эвакуировали на Волгу, Иван из-за ранения остался долечиваться в родном селе. Летом 1942 года Старая Ведуга, как и многие другие сёла к западу от Воронежа, оказалась в немецкой оккупации. Меркулов, которому едва исполнилось 18 лет, как мог, помогал стране бороться с коричневой чумой фашизма. Не боясь, что его схватят и казнят, каждый день рискуя жизнью, Иван установил связь с партизанами, доставлял им продукты и оружие, помогал выходить из окружения бойцам Красной армии. В январе 1943 года советские войска освободили правобережный Воронеж и погнали гитлеровских недобитков прочь с нашей земли. В освобождённой Старой Ведуге в марте 1943 года Ивана Меркулова призвали в армию.

С 14 января 1944 года младший сержант Меркулов участвовал в Старорусско-Новоржевской наступательной операции. Особенно тяжёлые кровопролитные бои велись за освобождение города Холма.

Город Холм

Город Холм невелик, но стратегически важен. Неслучайно за его оборону Адольф Гитлер ещё в 1942 году учредил специальный нарукавный знак — «Холмский щит». Город был занят немцами со 2 августа 1941 по 21 февраля 1944 года. Семь дорог сходились здесь,

делая позицию Холма ключевой. Он вошёл в историю войны как неприступная цитадель. На улицах сплошь и рядом бетонированные укрепления, Татиловская сторона города покрыта сетью траншей и огневых точек. На окраинах плотно расположены площадки для пулемётов и блиндажи в 4 — 5 накатов. Они связаны между собой траншеями и ходами сообщения, что обеспечивает идеальную манёвренность огнём и живой силой.

По берегам рек Ловать и Кунья и в оврагах расположены жилые блиндажи органов управления и резерва. В некоторых случаях они располагались в два-три яруса, напоминая собой горные аулы. Группа из 10 — 12 блиндажей имела одно бомбоубежище на 60 — 80 человек. Входы в убежища хорошо замаскированы.

В центре города гитлеровцы использовали развалины кирпичных зданий и церквей для устройства в них огневых точек и блиндажей. На артиллерийских позициях противник применил коробки скоростей автомашин в качестве ручных лебёдок для выдвижения орудий на огневую позицию. Многочисленные попытки советских войск штурмом взять город заканчивались неудачами и большими потерями.

Последний штурм

20 февраля 1944 года младший сержант Иван Меркулов огнём станкового пулемёта поддерживал наступление 4-й роты 312-го Новгородского стрелкового Краснознамённого полка. Фашисты ожесточённо сопротивлялись, цепляясь за каждый метр. На одном из рубежей наша атака наткнулась на стену вражеского огня и захлебнулась. Продвижению сильно мешал дзот, расположенный на правом фланге. Попытки подавить его пулемётным и миномётным огнём оканчивались неудачно. А исход боя решали минуты. Промедление — и фашисты подтянут свежие силы для обороны. В этот критический момент Меркулов совершил стремительный бросок и очутился вблизи вражеского дзота. Он забросал огневую точку гранатами, но пулемёт продолжал стрелять. Тогда русский богатырь Иван Меркулов поднялся в рост и всем телом бросился на извергающий смерть ствол. Руки его последним усилием вцепились в раскалённый металл. Молодое, но уже неживое тело содрогалось от ударов пуль и закрывало

обзор немецкому пулемётчику. Одной своей жизнью двадцатилетний герой спас десятки своих товарищей. Рота, наблюдавшая за действиями Меркулова и видевшая его высочайший акт самопожертвования во имя свободы нашей Родины, как один человек поднялась в атаку и овладела важным рубежом на подступах к городу. На следующий день Холм был взят.

Города Холм и Воронеж. Между ними ровно тысяча километров. Они не побратимы, их жители не ездят друг к другу в гости на выходные, и у них нет совместных производственных, культурных или научных проектов. Но они связаны невидимой нитью великого подвига простого воронежского парня Ивана Меркулова. И только от нас зависит, чтобы эта нить не порвалась никогда.

Трайнин
Пётр Афанасьевич

(18 июня 1909 — 9 августа 1978)

Родился в селе Александровка ныне Таловского района Воронежской области. В семье было 13 детей.

Старшина. Механик-водитель танка Т-34 150-й танковой бригады. Герой Советского Союза. Герой Социалистического Труда.

улица Трайнина (рп. Таловая)

Второй после Сталина

Всё пошло вкривь и вкось. Не так собирались они пройти по улицам столицы Советского Союза. Ещё несколько лет назад гордые и немилосердные покорители всей холёной Европы, всех парижей, амстердамов, брюсселей, праг, вен и варшав, теперь они — вшивое стадо военнопленных. Небритые, плохо одетые, не смеющие поднять глаза от земли, которая непонятно почему их до сих пор носит. Пленные немцы, рядовые и генералы, побитыми собаками идут по улицам Москвы. Они принесли на нашу землю горе войны, голод, кровь, разорение, миллионы смертей, миллионы детей, оставшихся сиротами, миллионы отцов и матерей, оплакивающих своих сыновей и дочерей.

Советские люди стоят вдоль улиц. Многие из них никогда не видели немцев в лицо, а видели только немецкие самолёты, сбрасывающие бомбы и расстреливающие мирных жителей, видели своих родных, выкопанных из-под завалов, видели похоронки на отцов, мужей и сыновей. Могли бы разорвать сейчас проклятых фашистов руками. Но почему-то быстро прощает русское сердце.

Вслед за пленными едут моечные машины, чтобы мощными струями воды смыть с наших улиц ненавистные следы фашистов и фашизма. Но как смоешь раны, оставленные войной? Перед многими проплывают воспоминания этих страшных и гордых военных лет. И человек, который в нашей стране станет вторым после Сталина, не исключение.

Вот он, механик-водитель, принимает участие в обороне Москвы. В ноябре сорок первого севернее Волоколамска идут кровопролитные бои. Его лёгкий танк БТ-7 сталкивается с немецким Pz-III лицом к лицу, броня к броне. Он чувствует нужный момент, вовремя останавливает боевую машину, и командир успевает выстрелить на секунду раньше: немецкий танк горит, советский продолжает бой.

За ноябрём следует декабрь, и начинается наше наступление под Москвой. Он на том же БТ-7 совершает дерзкий рейд по тылам замерзающих немцев. Неожиданно на дороге появляются два Pz-III. Из укрытия наши поджигают второй танк и собираются выстрелить по первому, но тут, как всегда некстати, заканчиваются бронебойные снаряды. На принятие решения остаются секунды. Или пропустить немцев и без риска вернуться к своим, или... Он даёт полный газ и идёт на таран. Под острым углом заходит на вражеский танк и самым прочным местом, серединой лобового ребра, где лист лобовой брони прочно сваривается с днищем, выцеливает на ведущее колесо Pz-III. За мгновенье до столкновения отключает сцепление, чтобы не повредить свой главный фрикцион и коробку передач. Бьёт на встречном курсе. В куски разносит и колесо, и гусеницу вражеского танка, потом даёт полные обороты, на второй передаче тащит немецкую машину ещё метров десять и сбрасывает её в обрыв реки. Танк весом двадцать тонн, как игрушка, переворачивается через башню и застывает безжизненной глыбой высококачественного металла.

На дороге появляется третий танк, и его тоже таранят, не оставляя шансов на то, чтобы вернуться и предупредить своих.

— Нет таранки, — с тёплой грустью вспомнит довоенные выходные дни человек, который через несколько лет станет вторым после Сталина, — зато на боевом счету есть два тарана.

Через месяц во время боевого дозора его танк наткнётся на немецкую противотанковую батарею, готовящуюся расстрелять нашу колонну. Можно было бы доложить о засаде по рации и дождаться

подкрепления, но кто его знает, как там сложится боевая обстановка. И командир принимает решение уничтожить батарею с ходу, огнём и гусеницами. Во время боя батарею уничтожат, но дорогой ценой: танк подбит и убиты два члена экипажа, командир и наводчик орудия. Только он, механик-водитель, не сгорит внутри и не будет застрелен, когда выберется наружу.

После этого боя его отправят в запасной танковый полк. Там в одном из старинных русских городов его до глубины души потрясёт самоотверженность тружеников тыла. У станков в большинстве своём женщины и подростки, которые, отказывая себе в еде и отдыхе, лучшее отдают фронту.

И он тоже снова на фронте. Новая часть, новый танк. «Как Америка России подарила эмзеэс, шуму много, толку мало, высотою до небес». Это русская складная частушка об американском нескладном танке «Шерман». Странно сконструированный. Высоченный. Под днищем на четвереньках пролезть можно. А как в канаву заедет — так сразу набок переворачивается, только тягачом и вытянешь. Но ему достаётся другой ленлизовский танк — английский «Валентайн», или, по-русски, Валентин. День которого так и не наступил. Поскольку это была слабая, всего 140 л. с., и тихоходная, максимальная скорость 26 км/ч, машина с ограниченной манёвренностью и слабенькой 40-мм пушечкой. В одном из первых боёв этот так называемый танк был подбит, командир танка убит, башнёру Виктору Чистякову осколком бомбы оторвало ступню, а он, механик-водитель, получил ранения в обе руки. Вместе с мехводом другого подбитого танка они вынесли тяжелораненого Чистякова к своим.

После госпиталя человек, который станет вторым после Сталина, получит звание сержанта и танк Т-34. Вот это настоящая боевая машина! Теперь он механик-водитель в 150-й танковой бригаде, которая действует на родной Воронежской земле, прямо у стен его отчего дома. На этой земле он вырос, здесь делал свои первые шаги. Он и сейчас помнит её: укрытую роскошным ковром разнотравья, величаво колыхающуюся золотистыми волнами спелых хлебов, ласково манящую к себе шелковистыми махалками ковылей. Сейчас эта земля разворочена вдоль и поперёк смертоносным железом, испещрена шрамами окопов и траншей, поражена сыпью дотов и дзотов, в которых засели иноземные убийцы и насильники. Теряя боевых товарищей, оставляя на поле боя горящие танки, механик-

водитель в составе своей бригады будет гнать проклятого врага с родной земли, в боях получая радостные вести: освобождён Воронеж, враг разбит в Сталинграде. 2 февраля 1943 года бригада победоносно выйдет за пределы Воронежской области. Танков в ней останется только на один батальон.

Переправа через Днепр. Чтобы сберечь людей и взять село Страхолесье, которое немцы, даже не понимая названия, сделали непреодолимым центром своей обороны, нужно будет провести хотя бы несколько танков по мосту через безымянную речушку. Но мост заминирован — по правую его сторону немцы навалили кучу толовых шашек. Хотели пользоваться мостом до последнего, а потом взорвать.

Для операции выберут самого опытного мехвода — героя нашего рассказа. Вот он подводит свой Т-34 к мосту. Снайперская точность тебе в помощь, танкист. Спичечной коробкой так не прицелишься, как сейчас нужно прицелиться многотонной бронированной машиной. Правая гусеница должна пройти впритирку с толом, если хоть немного наедет — взрыв. Левая гусеница уже наполовину свисает с моста, одно неверное движение рычагом, ещё пару сантиметров влево — и танк рухнет в реку. И ползти медленно на первой передаче тоже нельзя — с того берега в любую секунду может рявкнуть противотанковая пушка.

Конец моста он угадает шестым чувством. Развернёт танк, и «тридцатьчетвёрка» на треть зависнет над водой. Даст полный газ. Передние траки гусениц взрыхлят берег, и танк, набирая скорость, рванёт на полубатарею врага. Ещё минута, и от пушек останется только пушок.

Три дня и три ночи будет идти жестокая битва за этот плацдарм на западном берегу Днепра. На земле «тигры» и «пантеры», артиллерия и пехота, с воздуха «Юнкерсы-87» — всё будет против. Только непобедимый дух русского человека будет за. И наши выстоят, хотя из всего танкового батальона в бою останется лишь одна «тридцатьчетвёрка» — та самая, которая первой прошла по мосту. Да и у неё взрывом будут повреждены механизмы поворота башни и вертикальной наводки. Экипаж покинет танк и займёт оборону вместе с танкистами других горящих машин. В танке останется только он, механик-водитель. Снимет курсовой пулемёт и будет отстреливаться. В перерывах между атаками гитлеровцев отремонтирует меха-

низм вертикальной наводки — заработает пушка, и отбивать атаки наседающего врага танкистам станет легче. А в это время на плацдарм будут переправляться всё новые и новые части и подразделения Красной армии. Днепр снова станет нашим.

За подвиги, совершённые во время операции по форсированию Днепра, механик-водитель танка Т-34 гвардии старшина Трайнин Пётр Афанасьевич получит звание Героя Советского Союза. А после войны, которую он закончит, добивая фашистскую гадину в окрестностях Праги, воронежский танкист вернётся в узбекский совхоз «Галля-Арал», где работал до войны, и в 1947 году за рекордный урожай получит звание Героя Социалистического Труда. До него во всём огромном Советском Союзе этими двумя высшими наградами на одной груди мог похвастаться только Верховный Главнокомандующий. Так и станет уроженец села Александровка ныне Таловского района Воронежской области Пётр Афанасьевич Трайнин вторым после Сталина.

Одинцов Георгий Федотович

(6 марта 1900 — 1 марта 1972)

Родился в Воронеже в семье рабочего. Прошёл путь от солдата до маршала.

Маршал артиллерии. Командующий артиллерией Ленинградского фронта. Руководил контрбатарейной борьбой во время блокады Ленинграда.

улица Маршала Одинцова (г. Воронеж)

Трамвайная остановка

Последняя неделя сентября 1941 года. Ленинград. Уже три месяца идёт война. По Лесному проспекту едет полуторка. Она везёт с аэродрома Левашово группу наших офицеров. В ста метрах впереди полуторки дребезжит трамвай. Он набит пассажирами: люди высовываются из окон, гроздьями висят на подножках. Трамвай приближается к остановке и притормаживает. На остановке много людей. Они ждут, когда из вагонов выйдут пассажиры, чтобы войти самим. Как обычно, пропуская вперёд женщин и детей. Раздаётся взрыв снаряда. Люди на остановке падают. Второй взрыв. Третий. Горит искорёженный трамвай. Офицеры в ужасе. Они выпрыгивают из полуторки, чтобы помочь. Много убитых, крики и стоны раненых, кровь на мостовой. Мальчик лет семи плачет над убитой матерью и повторяет: «Мама, пойдём, мама, пойдём». Офицеры достают перевязочные пакеты, но бинтов на всех не хватает.

22 сентября 1941 года секретная директива немецкого военно-морского штаба № 1601 «О будущности города Петербурга» приговорила город на Неве к расстрелу:

«2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта.

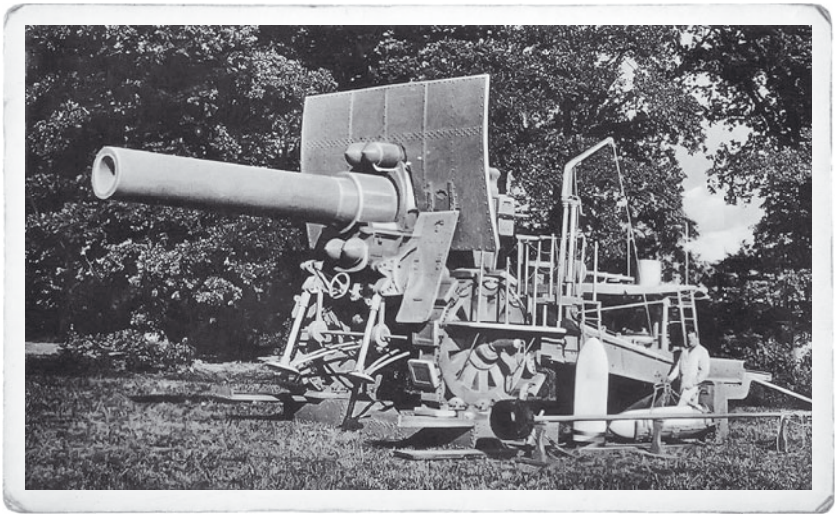
4. Предложено тесно блокировать город и путём обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбёжки с воздуха сравнять его с землёй.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты...»

С юго-запада, юга и востока Ленинград охвачен полукольцом немецкой осадной артиллерии. Кроме «обычных» пушек, стреляющих снарядами весом до 50 кг, здесь есть настоящие чудовища: 210-мм чехословацкая пушка «Шкода» — вес снаряда 135 кг, 240-мм немецкая железнодорожная пушка «Рейнметалл» — вес снаряда 180 кг, 400-мм железнодорожная французская гаубица — вес снаряда 900 кг, 420-мм немецкая мортира «Толстая Берта» — вес снаряда 800 кг. Бездонные жерла мощных орудий засосут в себя тысячи жизней детей, стариков и женщин. Немецкая артиллерийская карта безжалостна: цель № 256 — Эрмитаж, цель № 192 — Дворец пионеров, цель № 99 — больница имени Нечаева. И так далее, перечень леденит кровь. Здесь все важные жизненные центры города: заводы «Большевик», Кирова, «Электросила», городской водопровод, электростанции, продуктовые склады, места скопления людей: густонаселённые кварталы, людные перекрёстки, трамвайные остановки. Бывали дни, когда фашистская артиллерия не выпускала ленинградцев из бомбоубежищ по 18 часов. Город уничтожался продуманно и планомерно. Под грохот разрывов ленинградские дети шептали наивное заклинание: «Снаряды, снаряды, вам падать не надо на наш Ленинград, на наших ребят». Они твердили эту детскую молитву до сигнала отбоя воздушной тревоги. Кому-то она помогала, кому-то нет.

Мириться с этим было нельзя. Но как бороться с артиллерийским обстрелом? Снаряд не перехватишь в воздухе и не собьёшь, как самолёт. Не повесишь над городом армию аэростатов, чтобы фашистские бомбардировщики запутывались в тросах. Снаряд можно победить только снарядом. Это и есть контрбатарейная борьба. Наши артиллерийские батареи против фашистских. Кто кого.

Немец должен знать: как только его артиллерия откроет огонь по городу и беззащитным жителям, в ответ прилетят серьёзные русские снаряды. Прилетят точно. Этих снарядов может быть немного, от 6



Несущая смерть. Немецкая 420-мм мортира «Толстая Берта»

до 12, и тогда они выведут из строя живую силу и заставят немцев временно прекратить огонь. Или их будет больше, от 30 до 120, и они выведут из строя не только артиллеристов, но и их технику. Снарядов может быть совсем много, от 300 и более, и тогда они разнесут немецкую огневую позицию в клочья.

Такая контрбатарейная борьба стоит на трёх китах: быстрота, точность и актуальность. Быстрота — чтобы немецкая батарея, открывшая огонь, не успела сменить позицию или спрятать орудия в надёжные укрытия. Точность — чтобы фашист не ухмылялся презрительно после разрывов наших снарядов в 400 метрах от его батарей, а чтобы дрожал от страха и знал: выстрелит он — выстрелят по нему. И попадут. Актуальность — чтобы не вести огонь по макетам, изображающим артиллерийскую батарею, или по уже покинутым позициям и не тратить впустую снаряды, которых и так всегда не хватает.

Задача сложная, но решить её нужно любой ценой. На помощь приходят все виды разведки: авиационная, оптическая, осколочная и звукометрическая. Днём и ночью работают звукометристы, ведь не изобрели ещё той пушки, которая бы стреляла бесшумно. После выстрела во все стороны на огромное расстояние идёт дульная звуковая

волна. Вот её уловил звукометрический прибор. Есть направление на активную огневую точку. Но нет расстояния до неё. Пока нет. Второй звукометрический прибор тоже определил направление. Теперь две прямые, задающие эти направления, пересекутся. Для проверки используется третий звукометрический прибор. Он тоже задаёт прямую. Если три прямые пересеклись в одной точке — здесь фашистская батарея, она ведёт огонь по городу, и её нужно подавить. Подавить не позже, а именно сейчас — когда она активна и, значит, наиболее уязвима. Скорость решает всё. Батарея звуковой разведки сверяет запись звука с эталонной лентой и определяет номер цели. Передаёт его огневому подразделению, за которым закреплена эта цель. И наши артиллеристы открывают огонь. В худшем случае немецкая батарея прекращает стрельбу, личный состав, согнувшись, бежит в укрытие. В лучшем — фашистские артиллеристы летят в воздух вверх тормашками и с высоты в последний раз смотрят на город, сопротивление которого они так и не смогли сломить, а их орудия выведены из строя прямыми попаданиями.

В контрбатарейную борьбу с осадной артиллерией врага включаются все силы и средства: наземная артиллерия Ленинградского фронта — это раз, артиллерия Краснознамённого Балтийского флота, в том числе и главный калибр «Марата» со снарядами весом 470 кг, — это два, артиллерия Лужского полигона, в том числе железнодорожный транспортёр, снаряды которого весят более 1 000 кг, — это три. Раз, два, три — то, что осталось от фашиста после прямого попадания, — разотри.

И растирать было что. Немцы уже не могли варварски и безнаказанно обстреливать Ленинград и его мирных жителей. Теперь им приходилось воевать против тех, кто тоже вооружён и опасен. Гитлеровцы вынуждены отстреливаться. И вот из 10 выпущенных немецких снарядов только 2 летят в Ленинград, а остальные 8 принимают на себя советские артиллеристы. Не позволят они фашистам стереть гордый город с лица земли. Если в ноябре 1941 года на Ленинград упало 11 230 снарядов, то в августе 1942-го только 712. Осаждённый город вздохнул свободнее.

Но не вздохнул свободнее человек, который руководил контрбатарейной защитой Ленинграда, — начальник штаба артиллерии, а с мая 1942 года — командующий артиллерией Ленинградского фронта генерал Георгий Федотович Одинцов. Его работа и работа его артиллеристов продолжалась. Продолжалась для того, чтобы не было больше в нашей жизни таких трамвайных остановок.

Вавилов
Геннадий Сергеевич

(1923 — 15 июля 1942)

Родился в Суздальском районе Владимирской области.
Красноармеец 796-го стрелкового полка.

улица Вавилова (г. Воронеж)

«Моя рота, мои ребята»

Веня прибежал из школы домой довольный, как слон.

— Мама! Папа! — закричал он прямо с порога.

«Неужели пятёрка? — несмело подумала мама. — В кои-то веки?»

— Мама! Папа! Сегодня самый лучший день в моей жизни!

— Ну точно пятёрка, — решил папа, — по физкультуре, наверное, — он всё ещё не верил в удачу.

— Представляете? — Веня ворвался в комнату и плюхнулся в кресло. — Всех мальчиков в нашем классе наказали. А меня — нет! Всем сделали запись в дневник. А мне — нет! Всех вызывали к директору. А меня — нет! Теперь уж вы точно купите мне велосипед!

— Постой, постой, — сказал папа, который почувствовал в этой истории что-то подозрительное, — а за что наказали всех мальчишек из твоего класса?

— Да не только мальчишек, папа, — гордо ответил Веня, — но и некоторых девчонок тоже.

— Интересно, — сказала мама, — что же такое случилось?

— Да ничего особенного. Просто старшеклассники стали обижать Серёжку Тополева. А наши за него заступились. И началось у них ледовое побоище.

— А почему ледовое? — спросил папа. — Лёд к синякам прикладывали?

— Просто мы его сейчас по истории проходим, — сказал Веня.

— И что же было дальше?

— А ничего. Все подрались, а я нет. Вот их и наказали. Ну что, пойдёмте выбирать велосипед?

— Скажи мне, Веня, — изменившимся голосом спросил папа, — на какой улице мы живём?

— Ты волнуешься, вспомню ли я свой адрес, если вдруг далеко уеду на велосипеде? Не волнуйся, вспомню. Мы живём на улице Вавилова.

— Правильно. А кто это такой?

— Не знаю. Учёный, что ли. Мы ещё не проходили. Это не он, случайно, изобрёл велосипед?

— Нет, сынок, — сказал папа, — нашего Вавилова звали Геннадий. Он был красноармеец. Простой солдат. Девятнадцати лет. Совсем молодой парень.

— Шла война, — продолжила мама, — летом 1942 года в городе гремели страшные бои.

— Помнишь парк «Динамо», мы недавно в нём гуляли? Нашим солдатам ценой невероятных усилий удалось отбить у фашистов этот парк.

— А помнишь, — мама присела рядом с Веней, — когда мы подходили к парку, по железной дороге проехал поезд?

— Помню, — кивнул Веня, пытаясь угадать, при чём тут поезд. Неужели они поедут за велосипедом на поезде?

— Так вот, на том железнодорожном полотне укрепились немцы, — сказал папа, — у них было несколько дзотов.

— Несколько чего? — спросил Веня.

— Дзотов, — объяснил папа, — дерево-земляных огневых точек. Их сооружают из брёвен, камней, глины и земли. Они не такие прочные, как долговременные огневые точки, или доты, которые строят из бетона. Зато дзот делается очень быстро. Брёвна готовят где-нибудь в лесу, нумеруют, а потом собирают на месте. У дзота двойные стены, а между ними насыпают кирпичи или камни. Крышу делают из брёвен в два слоя.

В таком дзоте взорвал себя Геннадий Вавилов

— Или, как говорят, в два наката, — сказала мама, — эти брёвна могут скреплять скобами, а могут и не скреплять.

— Если скрепить, то крыша будет как одно целое. И при попадании снаряда крышу снесёт целиком.

— А если не скреплять, то при попадании какие-то брёвна разлетятся, а какие-то останутся. Немцы делали и так, и так.

Веня вжался поглубже в кресло. Он не мог понять, какая связь между немецким дзотом, брёвнами в два наката и его велосипедом.

— Мы не просто так рассказываем тебе про дзот так подробно. Тогда, 14 июля 1942 года, батальон красноармейцев наступал, но пулемёт из вражеского дзота на железнодорожной насыпи косил наших солдат. Одного за другим. Многие уже были убиты или ранены. Продвижение вперёд становилось невозможным.

— И тогда боец Вавилов, рискуя жизнью, пополз к дзоту. У него было две гранаты. Фашисты открыли по Вавилову сильный огонь. Ранили его в руку и в ногу. Теперь, когда он полз, за ним оставался тёмный след.

— И вот дзот рядом. Красноармейцу оставалось только попасть гранатой в узкую амбразуру.

— Одно плохо — перебитая пулей правая рука. А левой он кидать не хотел, потому что мог промахнуться.

— Промахиваться было нельзя. Ведь гранат всего две.

— Крыша дзота была повреждена. Помнишь те брёвна в два наката? На этом дзоте они не были скреплены. От попадания нашего снаряда несколько брёвен разметало, и образовался проём.

— Если бы фашисты в дзоте дожили до ночи, — сказала мама, — в этот проём они увидели бы звёздное небо над разрушенным до основания Воронежем.

— Но сейчас был день, — продолжил папа, — для многих последний. Из дзота поливали огнём два пулемёта MG-34. Цифра 34 здесь — это год создания. Фашисты называли их «Страдивари войны». Пулемёты били длинными очередями. Из каждого раскалённого дула вылетало по пять пуль в секунду. Секунда — десять пуль. Ещё секунда — ещё десять. Так каждую секунду из амбразуры дзота вылетали в поисках жертвы десять смертей. Какие-то пролетали мимо, срезая деревья, кроша кирпич и асфальт. Другие попадали в цель.

— Красноармеец Геннадий Вавилов находился в нескольких метрах от дзота. Сейчас он видел этот бой не так, как всегда. Он видел его наоборот, как видят немцы. Видел бойцов своей роты. Они использовали любое укрытие, чтобы сохранить жизнь. Потом отрывались от земли, бежали в атаку. Два MG-34 сразу оживали, а наши солдаты наоборот. Они натыкались на пули, сгибались пополам, вскрикивали от боли, падали, и Вавилову было видно, что не все поднимутся ещё раз. Тех, кто бежал, становилось всё меньше. Тех, кто уже никогда не побежит, — всё больше. «Моя рота, мои ребята», — как заклинание, бешено застучало в висках красноармейца. Он бросил своё раненое тело вперёд. В одно мгновенье оказался на крыше дзота. Последний раз посмотрел на белый свет и спрыгнул вниз.

— Через несколько секунд дзот содрогнулся от взрывов двух гранат. Покорёжились пулемёты, разлетелись на куски фашисты, которые из них стреляли. Бойцы из роты Вавилова поднялись в атаку и отбросили немцев на двести метров.

— Всего двести метров? — удивлённо спросил Веня.

— Да, сынок, всего двести метров. Наверное, это мало, когда пролетаешь их на самолёте. И много, когда ты в бою. Когда вокруг тебя свистят пули и осколки мин. Когда в воздухе больше железа, чем кислорода. Для многих те двести метров стали длиннее жизни.

— Посмотри вокруг, Веня, — обнял сына за плечи папа, — сейчас город живёт своей обычной мирной жизнью. Люди работают, учатся, отдыхают. Всё нормально, всё как и должно быть.

— Никто и не вспоминает, что когда-то здесь, в нашем городе, простой парень за своих товарищей навсегда прыгнул в немецкий дзот, — сказала мама, закрыв лицо ладонями.

— Ну что вы, мама, папа, — сказал Веня, — не волнуйтесь так. Вы очень интересно рассказали. Я всё-всё понял. А когда мы пойдём за велосипедом?

Коваленко Надежда Дмитриевна

(август 1922 — 29 января 1943)

Родилась в Москве. Училась на биологическом факультете МГУ. Отказалась от эвакуации и пошла на фронт.

Медсестра 849-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии.

улица Нади Коваленко (с. Нижнедевицк)

Час медсестры

29 января 1943 года у села Першино Нижнедевицкого района Надя Коваленко, медсестра 849-го полка 303-й стрелковой дивизии, закончила последнюю перевязку и устало привалилась к промёрзшей стенке окопа. Сил не было. Трое суток в наступлении выдержит не каждый даже физически. Не говоря уже о том, что сотни тысяч пуль и осколков должны пролететь мимо. Просунув грязную, в чужой крови руку под отворот полушубка, Надя достала письмо, которое получила прямо перед началом наступления и так и не успела прочитать. Писали девочки из её группы биологического факультета Московского университета.

«Здравствуй, дорогая Надя! Пишут тебе твои студенческие подруги. Надеемся, ты нас ещё помнишь. В эвакуацию мы доехали хорошо, но очень долго. Первые дни поезд шёл только по ночам, чтобы не бомбили. Всё время останавливались, пропуская эшелоны, идущие на фронт. Наденька, это ж сколько людей едут. И сколько из них только в одну сторону...

Доцент Евтушенко, который читал нам зоологию на первом курсе, вёз с собой курицу на случай, как он сказал, если прекратится питание. Мы все смеялись, когда на остановках его жена выгуливала курицу на верёвочке. Ещё Таня Бородкина на одной большой станции, где мы двое суток простояли, спрыгнула с нашего вагона и забралась на соседний эшелон, который рядом стоял на путях. Прямо на танк, представляешь? А это ведь нельзя. И кричит радостная: «Смотрите, Танька на танке!» Потом её, конечно, согнал строгий офицер и пригрозил, что если ещё раз на танке её увидит, то выдаст шлем и заберёт в танкистки.

Мы живём в городе Ашхабаде. Люди здесь приветливые и добрые. Встретили нас хорошо. Условия жизни у них трудные, но с нами всем делятся, помогают, чем могут. Первые лекции и даже научная работа у нас начались уже через месяц после приезда. Летом стояла такая жара, было даже плюс 70, и некоторые профессора не выдержали и умерли. Ещё говорят, что университет может переехать отсюда в Свердловск, но это не точно.

Надя, мы хотели сказать тебе, что ты молодец, что не поехала в эвакуацию, а пошла на фронт. Мы бы так не смогли. Пиши, пожалуйста, про себя. Мы с девочками будем ждать твоего письма.

Твои университетские подруги...»

«Что я напишу девчонкам?» — подумала Надя. Она оторвалась от письма и поглядела вдоль окопа. Бойцы, измотанные беспрерывными атаками, курили, приводили в порядок оружие, дремали. Кто-то, как и она, читал письмо и тепло улыбался. Сержант Ливанов грыз сухарь. Надя пристальнее вгляделась в лица: немного среди них осталось солдат, которые прошли с 303-й дивизией с тех самых первых кровавых боёв на северной окраине Воронежа. Написать про молодых сибирских ребят, навсегда оставшихся в парке «Динамо» и у детской больницы, у лесхоза, аэропорта и ипподрома, в рощах «Сердце» и «Фигурная»? Они уже сами всё написали про себя. Кровью.

Миша Абызов, двумя гранатами взорвавший фашистский дзот вместе с собой. Аня Беспалова, такая же, как она, медсестра, которая перевязывала раненых, когда увидела наш отступающий взвод. Аня сразу поняла, что на плечах бойцов сюда ворвутся немцы и перебьют раненых. Бесстрашная девушка выхватила гранату из подсумка только что перевязанного красноармейца, остановила бегущих солдат и

повела их в атаку. Фашисты отступили, раненые были спасены, но сама Аня погибла в бою. Красноармейцы, которые оставили записку: «Было 16 человек. Танки всё лезут. Патроны кончились. Осталось три человека. Костя тяжело ранен, скоро умрёт. Всё. За нас отомстите. Летвачев Н.Е.». Командир дивизии полковник Лев Иванович Остроухов, который не испугался ни командующего армией, ни военного трибунала и отстоял, чтобы дивизия начала наступление утром следующего дня, а не сразу, как прибыла в Воронеж, преодолев пешком сто двадцать километров. И в том же первом бою был смертельно ранен.

Про них и ещё про многих своих однополчан, не пожалевших жизни в боях за Родину, Надя могла бы написать подругам. Они там, в тылу, даже представить себе никогда не смогут, как это — быть на передовой. Среди зловещего воя бомб и разрывов снарядов, под пулями, летящими прямо в тебя, среди стонов раненых и тел убитых, среди крови, среди оторванных осколками рук и ног, перевязывая изуродованные металлом тела, стаскивая их в воронки, молиться не за себя — за них, чтобы выжила не ты — они.

Девчонки пишут, что она молодец, что попросилась на фронт, что они так не смогли бы. Как объяснить им? Написать про тот чёрный фанерный чемодан, который она много лет назад нашла под кроватью родителей? Открыла его и на несколько дней пропала в море маминых записей. Из них она узнала, как тяжело жилось простым людям до революции. Вот протёршийся на месте сгиба листок: в 12 лет мама работала в няньках. За три рубля в месяц выполняла самую тяжёлую работу. Чтобы взбить мороженое, её сажали в погреб, набитый льдом, и там, сидя на льду, едва прикрытом соломой, она больше двух часов вертела ручку мороженицы. Потом хозяйские дети его ели, а мама отогревала окоченевшие ноги. Или вот на половинке тетрадного листа в клеточку: в маминой семье из десяти детей пятеро умерли. А мама шестилетним ребёнком работала на полях графини Браницкой. Нужно было полоть свёклу и собирать жуков-долгоносиков. За пять пол-литровых банок жуков и 16 часов работы платили пять копеек. А вот ещё записи: после изгнания белогвардейцев мама проверяла детские дома Херсона. На топчанах в куче тряпья шевелилось что-то живое. Это были дети. Изнурённые, с чёрными лицами старичков, с голодными сверкающими глазами, как будто прожигающими тебя насквозь. Большая голова составляла треть всего туловища ребёнка. «Девки, вставайте, пойдём детей обирать» — эту страшную фразу,

ежевечерне звучащую в детдоме, мама не сможет забыть никогда. Так говорили нянечки, когда перед сном проверяли детей и скончавшихся уносили в морг.

Поэтому мама не могла поступить иначе: она сразу приняла революцию и всю себя отдала строительству новой, справедливой жизни, без угнетённых и угнетателей. И папа тоже. Он был подпольщиком, большевиком со стажем, потом много учился и работал и стал конструктором авиадвигателей. Даже один раз взял Надю с собой в командировку во Францию.

В 1936-м маму, а через полтора года папу арестовали. Это было страшным ударом для неё. Тогда казалось, что весь мир рухнул. Мама и сейчас на Колыме, ей дали двадцать лет лагерей. Об отце вообще не было сведений, потому что он отбывал наказание «без права переписки». Она уже знала, что это значит, но до конца не верила. И никогда не поверит. Когда на нашу страну обрушилась война, московский университет эвакуировали, чтобы сохранить молодых учёных для строительства новой счастливой жизни. Надя даже ни на минуту не сомневалась — отказалась от эвакуации. Только на фронт, решила она. Буду защищать Родину и кровью докажу, что мама и папа — честные люди.

И вот она уже полгода на войне. Взлетает зелёная ракета. Пошли в атаку бойцы. За ними она, то бегом, пригибаясь, то всё больше ползком, по-пластунски. Первый раненый: легко, перевязала, поползла дальше. Второго перевязала, два осколочных, но кость не задета, ползти может, до окопа сам доберётся. Вот третий лежит, уткнулся головой в чёрный снег, без сознания. Перевернула — оказалось, командир взвода. Хороший парень, добрый. Всё время крошки собирал и в карман складывал. Она как-то спросила: «Зачем?» «Да так, на память», — пошутил лейтенант. А потом случайно увидела, как он птиц кормил. Те от голода прямо с ладони клевали. Припала к груди — живой. Стала бинтовать. Краем глаза заметила — метрах в пятидесяти Зина Туснолобова тащит на плащ-палатке раненого. Зиночка молодец, прошла весь Воронеж, спасла уже 128 солдат и офицеров. Взводный застонал. «Сейчас, сейчас, потерпи, миленький». Надя стала быстрее перевязывать. Лёжа было неудобно. Чтобы поскорее закончить, приподнялась на одном колене. Несколько пуль разорвали полушубок, пробили молодое сердце. «Как теперь лейтенант?» — была её последняя мысль.

Артамонов Иван Филиппович

(7 марта 1918 — 5 января 1944)

Родился в селе Староживотинное. Работал учителем в городе Острогожске.

Гвардии лейтенант. Командир батальона 25-го гвардейского стрелкового полка. Герой Советского Союза.

улица Артамонова (г. Воронеж)

Через три реки

— А сейчас рядовой Малышев исполнит нам танец «Яблочко»! — громко объявил молоденький сержант.

Бойцы, окружившие лесную сцену, захлопали.

— Но он не просто так будет болтать перед нами своими длинными ногами, — продолжил ведущий концерта с улыбкой, — тот, кто видел танец «Яблочко», потом бьёт врага в самое яблочко. Так что смотрите и не промахивайтесь, ребята!

— Не промахнёмся, не бойся! — сразу послышалось из разных мест, и тут мощно, с переборами ударила гармошка.

— Кто это у тебя такой весёлый? — спросил генерал.

Его «Виллис» остановился неподалёку. Генерал, хоть и торопился, не смог проехать мимо весёлого концерта.

— Сержант Артамонов, товарищ генерал, — ответил командир полка гвардии майор Смирнов, — командир взвода конной разведки полка. Воронежский, — и, немного подумав, добавил: — Они, воронежские, все такие.

— А теперь последние военные новости! — звонко сообщил сержант. — Вчера в бункере немецкого командования встретились двое:

— Геринг!

— Да, мой фюрер!

— Кто служит в нашей авиации?

— Отличный боевой состав, мой фюрер! Ни одного чужака! Все голубоглазые, светловолосые, крепко сбитые немецкие парни.

— Крепко сбитые?

— Так точно, мой фюрер! Крепко сбитые русскими лётчиками немецкие парни.

Бойцы смеются.

— Шутник! — хвалит генерал, улыбаясь. — Так я тут у тебя в штаб опоздаю.

— Успеем, Иван Данилович, — обещает шофёр, — я вас так домчу, быстрее ветра!

Шофёру тоже хочется посмотреть концерт. Мало на войне радости.

— Здесь-то он шутник, — говорит майор генералу, — а вот с немцем шутить не любит. Столько языков доставляет, в штаб отправлять не успеваем.

— Расскажи, как ты языков берёшь? — как будто услышав разговор командиров, просят бойцы Артамонова.

— Я первым делом не языка беру, — начинает Артамонов, — я первым делом беру проволоку.

Бойцы уже смеются.

— Натягиваю её, значит, в лесу через дорогу и жду урожая.

— Агроном! — кричат бойцы. — Труженик полей!

— Скорее лесов, — усмехается генерал, который в штаб так и не уехал.

— И вот едут фрицы на мотоцикле, довольные такие, что у них мотоцикл есть, — продолжает Артамонов, — вроде как «мы тут на мотоциклах вас, пешеходов, всех сейчас победим». А у нас мотоциклов нет, зато у нас проволоки много! Мотоцикл этот на полном ходу в проволоку врезается, заднее колесо подскакивает, мотор ревёт, немцы вверх тормашками летят, потом головами в землю врезаются, и всё, фрицы готовы, бери их тёпленькими, пока не остыли. Языки говорят, даже слушок у них в немецкой армии прошёл, мол, когда по лесу едем, мотоциклы сами в воз-

дух взлетают, переворачиваются, какая-то в конструкции ошибка. Так до чего дошло — отказываются фрицы на мотоциклах ездить! Сажайте, говорят, нас на танки! Танки, мол, в воздухе не переворачиваются. А немецкие генералы только руками разводят: где же мы на вас столько танков наберёмся? Их почти все русские пожгли.

Солдаты хохочут, им нравится, что немцам на всех танков не хватает.

— А я фрицам пленным говорю, — продолжает Артамонов, — вы, если танков не дают, а мотоциклы у вас на ровном месте подпрыгивают, на лошадях передвигайтесь.

— Найн, найн, — машут мне немцы, — лошадь нихт гут!

И показывают, мол, одно место у них чересчур нежное, во время скачки отбивается. Ну, говорю я им, мы вам по этому месту как раз и надаём!

Солдаты гогочут, нравится им: где Артамонов надаёт, там и они приложатся! И генерал смеётся, хорошо ему здесь.

— А сейчас, — объявляет ведущий, — рядовой Найдёнов и сержант Кошкин покажут вам сценку из солдатской жизни.

Выходят два бойца. Один важный, второй не очень.

— Рядовой Найдёнов будет у нас немецким генералом, а сержант Кошкин — капитаном. Форма на них наша, генеральской немецкой формы у нас нет, извиняйте...

— Это мы достанем, не сумлевайтесь! — кричат солдаты. — Вытряхнем пару генералов из штанов! За уши!

Солдаты хохочут, весело им немецких генералов из штанов за уши вытряхивать. А Найдёнов с Кошкиным начинают представление.

— Капитан! — орёт во всю глотку Найдёнов. Он думает, что немецкие генералы разговаривают только так, как будто все вокруг них глухие от русской артподготовки.

— Яволь, майн генерал! — отвечает Кошкин, вытягиваясь в струнку.

— Слушайте мой приказ! — орёт Найдёнов. — Завтра проведём дивизионную олимпиаду!

— Яволь, майн генерал! — еле сдерживает смех Кошкин. Ему смешно называть рядового Найдёнова генералом.

— Начнём с забега на длинную дистанцию! — хрипит Найдёнов. — Немедленно объявите в войсках! Старт в 4:30 утра!

— Совсем с ума сошёл, — говорит Кошкин полушёпотом, повернувшись к зрителям, а сам громко отвечает: — Яволь, майн генерал! Разрешите спросить — почему так рано?

Тут Найдёнов бросает ему в лицо смятую бумажку и, давясь от хохота, заявляет:

— Вот! Разведка сообщает! Завтра в 5 утра русские начнут артподготовку! Из «катюш»! Так что ровно в 4:30 забег! И чтобы все участвовали!

Смеялись бойцы на поляне, смеялись и в «Виллисе».

— Весело у вас, — сказал генерал, обращаясь к гвардии майору, — ты этому сержанту, как его, Артамонову, передай, пусть на следующий концерт меня запишет. Я ему такую камаринскую выдам.

— Передам, товарищ генерал, — приложил руку к козырьку майор.

Генерал козырнул в ответ, махнул рукой, и «Виллис» запылил по лесной дороге. А весёлый концерт продолжался.

Продолжались и боевые действия. После того концерта прошло много времени. Сейчас на календаре 25 сентября 1943 года.

Лес у села Яновка. 16 час. 44 мин. 25 сентября 1943 г.

Командир третьего батальона лейтенант Иван Артамонов находится в 4 километрах южнее города Чернобыля. Верхом на коне он осматривает местность. Комбат-три смертельно устал. Позади два месяца непрерывных боёв — Красная армия гонит фрица с нашей земли. Особенно суровые испытания выпали на последние пять дней. Позади три реки: Десна, Днепр, Припять. Три переправы. И о каждой есть что вспомнить.

Сначала Десна. Партизаны из отряда «За Родину» сообщили, что через неё есть мост. Хлипкий, по нему танки и тяжёлая техника не пройдут, но всё остальное — пожалуйста. Мост охраняют немцы. Зачем? В лесах на этом берегу спасаются от преследования Красной армии недобитые немецкие подразделения. Для них и предназначен этот мост. Не дать фашистам попасть на тот берег — вот что надо было сделать в первую очередь. Потому что на том берегу они займут оборону, и тогда их потом до Нового года не выбьешь. А это не годится. Мы должны с немцами Новый год встречать на одном берегу. Чтобы удобнее было приходить их «поздравлять». Чтобы Новый год встречали они, как полагается: с ёлкой, с игрушками, с нарядами. А уж мы их — снарядами, снарядами и ещё раз снарядами. Да и Дед Мороз фашистов каждую зиму гоняет, он в этой войне за нас.

Командир дивизии приказал лейтенанту Артамонову возглавить передовой отряд и захватить мост. Дело непростое, поэтому в отряд включили бойцов, которые могут всё: три взвода конной разведки, по одному взводу от каждого полка. А чтобы удерживать переправу — взвод миномётов и батарею противотанковых орудий.

Лес у села Яновка. 16 час. 46 мин. 25 сентября 1943 г.

Сейчас, сидя верхом на коне, Иван вспомнил, как ночью они переплывали Десну. Конь молодец: переплыл, даже не фыркнул. «Тихо, тихо, — шептал ему тогда в тёплое ухо Артамонов, — умница, тихо». Зато здесь, в 4 километрах южнее города Чернобыля, тихо не было. Где-то вдали Артамонов услышал едва различимый шум моторов. Или почудилось? Иван спешился, стал на колени и приложил ухо к земле.

А 5 дней назад на Десне немцы из охраны моста уши к земле не

прикладывали. Земля-то чужая, не хотелось к ней уши прикладывать: вдруг заразишься. Поэтому наши фашистов сами приложили. Не услышали фрицы ни звука, да и не поняли ничего. Словно призраки, появились наши разведчики из речного тумана, тихо и быстро сняли всю охрану. Мост стал нашим. Он был нужен как воздух. Ведь чем быстрее переправишься через реку, тем меньше потерь. Пока плывёшь по воде, на плоту ли, на лодке ли или просто так, держа автомат над водой, ты простая мишень. Тебя бомбят, обстреливают с высокого берега, а ты даже ответить не можешь. На земле ранило тебя — ну ничего, больно, зато хоть живой. В реке ранило — всё, грести не можешь, камнем на дно. Даже не попал снаряд в лодку, разорвался в пяти метрах от неё, но пошла волна, и перевернуло лодку волной. А в лодке этой половина бойцов плавать не умеют. Переправа через реку под огнём врага — зрелище не для слабонервных. А тут мост. Подводный, чтобы не видно было с воздуха, чтобы не разбомбили. Пять минут по колено в воде — и ты на том берегу. Да не один: с тобой миномётные батареи, артиллерия, боеприпасы. И твои верные боевые товарищи прибывают на берег: взвод за взводом, рота за ротой, батальон за батальоном. Вместо того чтобы утонуть, сейчас они будут бить врага плечом к плечу с тобой. Сколько солдатских жизней спас тогда этот мост, который бесшумно, не дав немцам его взорвать, захватил передовой отряд лейтенанта Артамонова? Сколько русских матерей не получили благодаря этому мосту похоронки на своих сыновей? Сколько отцов вернулись после войны к своим детям?

Лес у села Яновка. 16 час. 47 мин. 25 сентября 1943 г.

Лейтенант Артамонов этого не знал. Как не знал он и того, откуда идёт гул моторов и чьи вообще это моторы. Если наши — это одно дело, значит, где-то сумели переправить танки через Днепр. Каждый танк на этом берегу сейчас на вес золота. Но если это немцы собирают где-то свою бронетехнику в кулак, чтобы мощным танковым ударом отбросить нас снова за Припять и спихнуть в Днепр? Это нельзя было допустить. Слишком дорогую цену заплатили за то, чтобы оказаться здесь, на правом берегу Днепра.

Три дня назад 6-я гвардейская дивизия, в которой воевал комбат Артамонов, вышла на Днепр ниже того места, где в него впадает река

Припять. Если переправиться здесь, то дальше рек нет, и путь свободен. Но именно поэтому немцы ждали. Горы мин и снарядов были приготовлены врагом для наших солдат.

— Оставим здесь роту, — приказал командир дивизии генерал-майор Онуприенко, — пусть создаёт шум и видимость переправы, отправляет ночью пустые плоты. А мы пойдём на север, — и передислоцировал дивизию вверх по течению. Новую переправу наметили в районе деревни Теремцы.

Расчёт комдива оказался верным. Немецкие генералы решили так: переправляясь у Теремцов, русским придётся форсировать сразу две реки: сначала Днепр, потом Припять. Мы бы на это не пошли, и они тоже не пойдут. И оставили район Теремцов без обороны. А дивизия пошла именно там. И переправилась без потерь. Единственная дивизия, которая не оставила Днепру ни одного своего солдата. Правильное решение принял Дмитрий Платонович. Хотя ведь толкал в спину приказ Верховного: форсировать Днепр с ходу. И никто бы не обвинил его в том, что бросил своих бойцов в кипящую от смерти воду. Крепко обманул тогда генерал-майор фашистов. И смерть крепко обманул.

Лес у села Яновка. 16 час. 48 мин. 25 сентября 1943 г.

А Ивана Артамонова не обманешь. Потому что у него есть карта. Он ухо к земле приложил, потом на карту посмотрел: неоткуда больше гулу моторов идти, как только из села Яновка. Но проверить надо, вдруг это наши, тут ошибки быть не должно. Вскочил лейтенант Артамонов на верного коня и поскакал по лесной дороге навстречу опасности. Лес в любую минуту мог встретить его немецкой засадой. Лейтенант повёл коня осторожно, боялся.

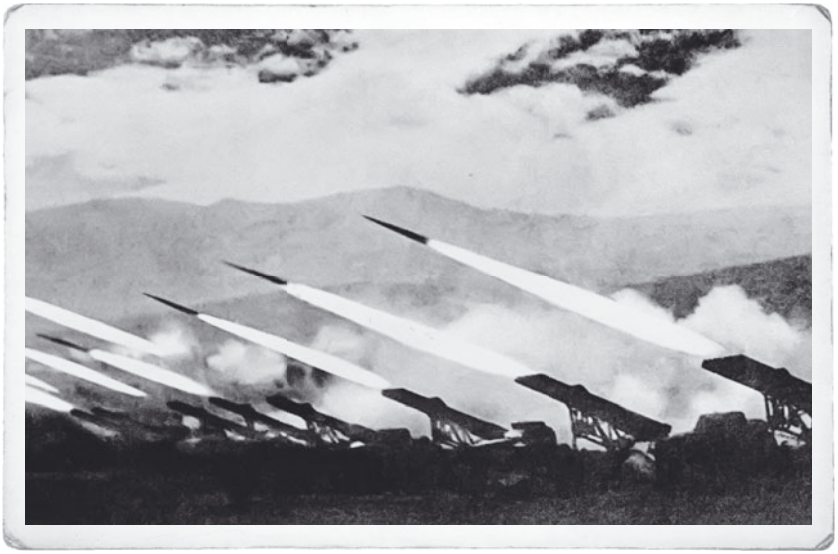
Как боялись они, отталкивая первые лодки от левого берега Днепра. Обернули уключины лодок тряпками. Опасались лишний раз громко плеснуть веслом. Ждали, что на первый неосторожный звук ответит фашист с того берега ураганным огнём пушек, миномётов и тяжёлых пулемётов. Но нет, всё тихо, всё хорошо. Не хватало только плавсредств. Три рыбацкие лодки, каждая человек на десять, и это на весь полк. Хорошо, Артамонов разыскал баркас на 50 человек, и дело пошло веселее. Первой на тот берег переправилась седьмая рота младшего лейтенанта Егорова и с ними комбат Артамонов. И

долгожданная весть от него: закрепились, плацдарм есть! К утру весь полк был на той стороне. А немцы как вымерли.

В семи километрах от Днепра стоит деревня Ладыжичи. Всем полком двинулись туда, чтобы закрепиться и, если что, прикрывать дивизию во время переправы. Волновало одно — а немцы-то где? По всему Днепру идут жестокие сражения за каждый метр правого берега, а тут просто парк культуры. Было тревожно — а вдруг ловушка? И тут фашисты появились: сначала два бронетранспортёра, потом ещё пять, потом танки и пехота. Сразу завязался бой. Рота противотанковых ружей сожгла несколько бронетранспортёров и танк. Немцы отступили. Как сообщил пленный немецкий офицер, это были только цветочки в виде авангарда 12-й моторизованной дивизии. Ягодки ждали завтра: немцы опомнились и начали закрывать наш прорыв на Днепре.

Основные силы гитлеровцев ударили на следующее утро. Танков было больше, чем пней на болоте. Но гвардейцы не дрогнули. Метким огнём противотанковых ружей и противотанковыми гранатами выбивали бронированные чудовища из строя. Помогла и местность: неудачно маневрируя, «тигры» и «пантеры» наглухо вязли в болоте. Атаки немцев захлёбывались одна за другой. Бой шёл больше суток. И пока батальоны Шевченко, Епифанова и Артамонова отбивались от фашистов, жгли танки и уничтожали пехоту, через Днепр переправился весь корпус. А это ни много ни мало три дивизии.

Теперь уже русских было не остановить. Осталось форсировать последнюю водную преграду — реку Припять. За рекой две деревни: Опачицы и Плитовище. Если добраться до них и закрепиться, считай, плацдарм есть. Но тут надеяться на лёгкую жизнь не приходилось. Упустив наш прорыв на Днепре, фашисты оскалились на Припяти. Даже темнота украинской ночи не спасала. Малейший всплеск воды вызывал ураганный артиллерийский и миномётный огонь с того берега. Что делать? Стоять на месте смерти подобно — немец подтянет резервы и сбросит нас в Днепр. И форсировать Припять под таким огнём — положить всю дивизию. Тогда лейтенант Артамонов взял 7-ю роту Егорова и спустился вниз по течению реки. Там небольшим отрядом переправиться было можно. Гвардейцы удачно высадились на западном берегу и с ходу вступили в бой с фашистами. Выбили гитлеровцев из окопов и заняли высоту. Этот манёвр отвлёк внимание немцев. Они решили, что основные силы русских переправились ниже по течению, и перенесли огонь миномётов и артиллерии туда. Первый и второй батальоны пол-



«Катюши» вышли на берег

ка воспользовались передышкой и форсировали Припять. Подошли к Плитовищу. Название деревни говорило само за себя — это был сильно укреплённый опорный пункт немцев.

Всё это было вчера. А сейчас, 25 сентября 1943 года, ровно в 17:00 лейтенант Артамонов торопился доложить обстановку командиру полка гвардии подполковнику Смирнову.

— Николай Андреевич, в Яновке скопление бронетехники. Не иначе, для нас подарок готовят.

— Откуда сведения?

— Сам разведал, — улыбнулся Артамонов, — я ведь бывший разведчик.

— Значит, подарочек, — нахмурился Смирнов, — давай-ка мы его с тобой заранее развернём.

И приказал связаться с командиром дивизии.

— Дмитрий Платонович, Смирнов на проводе. Разрешите доложить. В Яновке замечено скопление немецкой бронетехники. По сведениям комбата-три Артамонова.

— Ну, Артамонову можно верить, — улыбнулся в трубку генерал-

майор, — сейчас что-нибудь придумаем.

Через полчаса с левого берега Днепра послышался жуткий вой. Это по Яновке заработали «катюши». Солдаты провожали реактивные снаряды взглядом и улыбались: не место «Тиграм» и «Пантерам» в лесах средней полосы. Но немцы всё равно пошли в атаку. Пехоту поддерживали десять танков. А сколько их могло быть, если бы комбат Артамонов два часа назад не услышал далёкий, едва различимый гул моторов? Тридцать? Пятьдесят? Сто? Атака была отбита. В контратаке взяты Опачицы и Плитовище. Плацдарм наш. И три реки возвращены Родине: Десна, Днепр, Припять.

6 ноября в полку зачитали приказ о присвоении Артамонову Ивану Филипповичу звания Героя Советского Союза. К лейтенанту подошёл командир полка подполковник Смирнов.

— Слушай, Ваня, чуть не забыл тебе передать. Тут у Ивана Даниловича к тебе просьба.

— У какого Ивана Даниловича? — удивился и без того удивлённый званием Героя Советского Союза Артамонов. — Я никакого Ивана Даниловича не знаю.

— У того самого, — многозначительно ответил командир полка.

— Шутишь, Николай Андреевич. Какая у командующего армией ко мне просьба может быть? Только приказ...

И недоверчиво улыбнулся.

— Зря улыбаешься, Иван, — строго сказал подполковник, — просьба серьёзная. Генерал Черняховский просит, чтобы ты включил его номер в свой новогодний концерт. Хочет танцевать камаринскую. Ты как, возьмёшь его?

— Ну не знаю, — засмеялся Артамонов, — у меня на камаринскую ещё два кандидата: сержант и рядовой. Пусть товарищ командующий армией приходит на репетицию. Там посмотрим.

Не посмотрел. За десять дней до Нового года немецкий снаряд попал в блиндаж, где находился лейтенант Артамонов. Комбата завалило землёй, его с трудом откопали. Он получил тяжёлое ранение груди, была задета рука и — самое плохое — серьёзно повреждён позвоночник. В госпитале врачи долго боролись за его жизнь, но это не помогло. Комбат Иван Артамонов умер 5 января 1944 года. Вечная память герою.

Остроухов
Лев Иванович

(15 августа 1900 — 20 июля 1942)

Родился в селе Остроухово Тамбовской губернии.

Полковник. Командир 303-й стрелковой дивизии. Похоронен в Воронеже у памятника Славы.

улица Остроухова (г. Воронеж)

Шесть часов войны полковника Остроухова

Далёкая от страшной войны Сибирь. На широком перроне кемеровского вокзала яблоку негде упасть. Тысячи родных глаз смотрят и не могут высмотреть, что ждёт их бесконечно дорогого им человека на войне. Не видят они ни той пули, ни осколка того, ни дорог военных и бесконечных, ни окопов по колено в грязной воде и крови, ни танков немецких, ни пулемётов, ни пикирующих прямо на тебя вместе со смертью бомбардировщиков. Ни рук, ни ног отмороженных не видят, ни бинтов окровавленных, ни друзей, навсегда ушедших в бой. Всё это будет. Будет в этих глазах через несколько месяцев. Только не все глаза останутся открытыми.

Грузится для отправки на фронт 303-я дивизия. Четырнадцать эшелонов. Больше всего времени занимает погрузка артполка. На платформы нужно затащить двадцать 76-мм пушек и двенадцать 122-мм гаубиц. С большой надеждой следит за погрузкой дивизион-

Сибиряки отправляются на фронт

ной артиллерии комдив полковник Лев Иванович Остроухов. На артиллерию не жалко времени. Пушка хоть и неживая, а сотни бойцов оставит в живых. Разрушит вражеские траншеи и блиндажи и обеспечит заградительный огонь. Подавит пулемётные гнёзда и дзоты. Не будут из них вылетать голодные свинцовые птенцы. Пусть грузят пушки. Вот ещё одна забралась на платформу, закрепилась. Это 122-мм гаубица. Три тонны металла. Её двадцатидвухкилограммовый снаряд хорошо знает, где зимуют раки. И покажет это место любому захватчику на расстоянии до 11 километров. У Льва Ивановича от вида пушек и гаубиц теплеет на душе.

Погрузка закончена, последний эшелон отправился в путь. Стучат беспокойные колёса товарных вагонов. В седьмой роте поют. Санинструктор Зина Туснолобова улыбается. Ей нравятся дальневосточные частушки в исполнении весёлого бойца: «Ой, самураям плохо спится, Красна армия им снится, самураи в тупике, границы наши на замке. За страну нашу родную грудью станем, как один, нам чужой земли не надо, и своей не отдадим».

У двери вагона Михаил Абызов. Мимо проплывает село, очень похожее на его Берёзово. И девушка с коромыслом как две капли похожа на его соседку Таю, с которой встречал когда-то рассветы. Наступает ночь. В эшелонах не спят. В полуоткрытую дверь видны звёзды. Этой ночью они особенно яркие. Пусть их запомнят люди, которые теперь дальше от родного дома, чем эти звёзды от Земли.

На следующий день утром остановка. Дел у путешествующего народа хоть отбавляй: оправиться, набрать кипятка для чая, показать паровозу, как нужно правильно дымить. Гармонист растянул меха. Эх, хорошо! Так бы и жизнь свою, как гармошку, растянуть ещё хоть на несколько лет. А это что за хохочущее столпотворение? Ребята, расступитесь, дайте подойти посмотреть. Ты глянь, медвежонок! Совсем ещё маленький. И лохматый не по уставу. Не боится уже никого, видать, привык. Откуда ты, лесной житель? Вроде нет у нас мёда с малиной в сухом пайке.

— Его из тайги охотник принёс, — объясняет бойкая на язык санинструктор Аня Беспалова, сама она тоже выросла без родителей, в детском доме. — Медведицу-то убили, наверное. Охотник выкармливать начал... А тут война, повестка, сельский оркестр — и пешей колонной под женский плач и вой на станцию. А мишку кому? Разрешите, товарищ полковник, его в дивизии оставить. Талисман у нас будет.

— Талисман, говоришь? Талисманы наши вон где, — кивнул комдив в сторону прибывающего эшелона с артиллерийским полком. — А медвежонок забавный. Что ж, пусть остаётся. Ставьте его на довольствие.

— Спасибо, товарищ полковник! — радуются бойцы. — Мы его на довольствие, а он нас на удовольствие!

— Ребят, а что он ест-то?

— Да всё подряд, — улыбается Аня, — вырастет — и тебя съест.

— А давай научим его танцевать? Эй, с гармошкой, дуй к нам!

16 июля 1942 года. Железнодорожная станция города Липецка. Выгружаются эшелоны 303-й стрелковой дивизии. Подняв за собой облако пыли, приземляется самолёт У-2. С его крыла спрыгивает офицер связи. Он передаёт полковнику Остроухову устный приказ выступать в направлении Воронежа. Лев Иванович достаёт планшет и смотрит на карту. Сто двадцать километров.

Двое суток лес цеплял дивизию ветками, перегораживал путь овра-

гами, бросал под ноги реки и ручьи. Двое суток лес пытался удержать солдат, не пустить на верную смерть. Бесполезно, человек сильнее леса. И ещё человек сильнее человека. Если один из них — генерал-лейтенант и командующий армией, а второй — полковник и командир дивизии.

— Город надо брать сейчас, — сразу же по прибытии в Воронеж навис над полковником Остроуховым генерал-лейтенант Антонюк, — сейчас, слышишь? Пока немец не очухался и не закрепился. Он дальше не пошёл почему? Потому что выдохся. Тут его и брать. Даю два часа на подготовку — и наступай. Сейчас время решает всё!

Остроухов посмотрел на часы. Ровно семнадцать ноль-ноль.

— Разрешите доложить, товарищ генерал-лейтенант, — поднял глаза на командующего Лев Иванович.

— Что там ещё? — недовольно буркнул командующий. — Говори, не тяни.

— Люди сорок восемь часов на марше. На сухом пайке, без горячей еды. С ног валятся. Им сейчас отдых как воздух нужен.

— Гитлера разобьём, тогда и отдохнём. А пока рано нам отдыхать, полковник, рано. Готовь дивизию к наступлению.

— Как наступать без разведданных? Мы даже не знаем, где у немцев передовая и огневые точки.

— Ты меня воевать учить будешь? — перешёл на зловещий шёпот командующий. — Ты понимаешь, что пока ты одну огневую точку разведаешь, немец ещё три обустроит? А за разведданные не волнуйся, они у меня есть. С самого верха. К Воронежу стягиваются ещё три дивизии. Мы должны ударить раньше, чем они подойдут и в землю вроются. Понял меня, полковник?

Никаких разведданных у генерал-лейтенанта не было. Вместо них был у него телефонный звонок из Ставки и голос Верховного Главнокомандующего из трубки: «Таварищ Антонюк, ви пачему мэдлите?» Если бы в наше время эти слова Сталина услышал Усейн Болт, он бы на стометровке выбежал из 9 секунд. Генерал-лейтенант не был Болтом, он был болтиком в огромном и сложном военном механизме. Поэтому не бежал сам, но гнал других.

— У меня на подходе артиллерийский полк, — привёл свой последний аргумент полковник Остроухов, — должен прибыть через шесть часов.

— Всего-то? А почему не через месяц? Мы подождём. Ты, полковник, с какой луны свалился? Через два часа в наступление. У меня всё.

— Артиллерийский полк на подходе, — упрямо повторял полковник, — тридцать два орудия. На каждое получен полный боекомплект. Сотни бойцов сбережём.

Генерал-лейтенант покраснел от гнева. С его языка готовы были слететь последние слова: «Неподчинение приказу? Под трибунал!» И судьба полковника будет решена. Два офицера из свиты командующего разоружат его и доставят в военный трибунал. Времена тяжёлые, и трибунальские особенно церемониться не будут, за неподчинение приказу — расстрел. Полковник Остроухов знал об этом. На генерал-лейтенанта страшно было смотреть. Огромный, изорванный неудачами, поражениями и страхом сгусток нервов. Лев Иванович и не смотрел. Вместо этого он упёр свой взгляд под ноги. Со стороны могло показаться — такие взгляды и вращают Землю вокруг Солнца, не дают упасть. В глубине души командующий армией понимал, что полковник прав, что для успешного наступления нужна артиллерия и нужна разведка. Но генерал для себя уже всё решил. Вернее, решили за него. И решение это он менять не собирался.

— Приказываю начать наступление...

Остроухов поднял глаза и посмотрел на командующего. Его взгляд беззвучно говорил: «Людей губить не дам».

— ...завтра в шесть ноль-ноль, — неожиданно для самого себя закончил генерал-лейтенант, развернулся и сердито зашагал к броневику. Свита из офицеров штаба и адъютантов последовала за ним.

— Так точно, товарищ командующий, — приложил руку к виску полковник.

Минуту назад он выиграл свой первый бой на этой войне.

На следующий день воронежский чернозём стал для сибиряков чёрной землёй. Дивизия вела кровопролитные бои, измеряя городские расстояния человеческими жизнями. Парк «Динамо», городская больница, старый аэропорт (сейчас остановка «Ул. Хользунова»), роща «Сердце» (здесь сейчас храм Ксении Петербургской), учхоз (напротив областной больницы), роща «Фигурная».

Остроухов не искал смерти, но и не прятался от неё. Он руководил боем на самом опасном участке, в авангарде наступления, с первым эшелоном 847-го стрелкового полка. Около 12 часов пополудни девятнадцатого августа одна из сотен тысяч пуль, наполнивших воздух в этот день, нашла его. Полковника сначала вели через лес под руки, но силы

быстро покидали его. Ранение оказалось тяжёлым: разрывная пуля искромсала кости таза, перебила нервы и осколками распорола желудок. Переложили на повозку. Каждая неровность дороги причиняла адскую боль. Уже на командном пункте дивизии оборудовали грузовик и отправили полковника в медсанбат. Врачи боролись за жизнь комдива до последнего, но вечером он умер. Всего шесть часов длилась война для полковника Льва Ивановича Остроухова, но он навсегда останется в памяти последующих поколений честным русским офицером, готовым пойти под трибунал за жизни простых солдат.

Михаил Абызов в одной из яростных атак вырвался вперёд с ручным пулемётом и открыл огонь по дзоту. Немецкая огневая точка огрызалась смертоносными очередями, расставляя кровавые точки в биографиях наших солдат. Несколько попаданий вывели из строя пулемёт Абызова. Тогда Михаил Петрович принял своё последнее решение: двумя гранатами взорвал фашистский дзот и себя.

Зина Туснолобова одного за другим выносила с поля боя раненых солдат и офицеров. В феврале 1943 года, спасая командира, Зина сама получила тяжёлое ранение, не могла двигаться и за ночь вмёрзла в снег. Чтобы спасти девушку, врачам пришлось ампутировать ей обе руки, одну до локтя, другую до кисти, и обе ноги. Казалось, это конец. Но Зина не сломалась, не сдалась судьбе, её поддерживали советские люди: на танках и самолётах, на снарядах и бомбах писали: «За Зину Туснолобову», «Отомстим за Зину». Любимый человек не бросил искалеченную девушку, и после войны у Зинаиды Михайловны была счастливая семья и двое прекрасных детей.

Антонина Беспалова перевязывала раненых, когда увидела наш отступающий взвод. Санинструктор поняла, что на плечах оставивших позиции бойцов сюда через несколько минут ворвутся немцы и перебьют раненых всех до одного. Этого нельзя было допустить. Бесстрашная девушка выхватила гранату из подсумка только что перевязанного красноармейца, остановила бегущих солдат и повела их в атаку. Фашисты отступили, раненые были спасены, но сама Аня погибла в бою.

Мишка воевал вместе с дивизией до 1944 года. В карпатских лесах его решили наградить орденом свободы. Проще говоря, попрощались и выпустили на волю. Мишка пошёл вразвалку, постоянно оглядываясь и как бы сомневаясь, идти ему или остаться. А через минуту подорвался на противотанковой мине.

Турбин
Виктор Андреевич

(9 ноября 1923 — 18 августа 1944)

Родился в городе Боброве Воронежской области.

Младший лейтенант. Командир стрелкового взвода 16-го стрелкового полка. Герой Советского Союза.

Рубахин
Анатолий Ермолаевич

(7 июля 1918 — 4 октября 1986)

Родился в селе Верхний Икорец ныне Бобровского района Воронежской области.

Лётчик-ас, командир 402-го истребительного авиационного полка. Герой Советского Союза. Генерал-майор авиации.

улица Виктора Турбина, улица Рубахина (г. Бобров)

На земле и в небе

День Турбина

Давно исчезло в пороховом дыму то время, когда с неба падали только капли дождя, осенние листья и волшебные снежинки. Вот уже три года, как идёт война, и с русского неба на русских людей падают немецкие бомбы.

Младший лейтенант Турбин изо всех сил вжимается в землю окопа. Во время бомбёжки не страшно только мёртвым. Холодный

липкий пот покрывает тело лейтенанта. Сброшенная с высоты птичьего полёта бомба врежется в грунт, жало взрывателя ударит по капсюлю, и взрывчатое вещество превратит окружающее пространство и всех, кто в нём находится, в пустоту. Младший лейтенант Турбин не хочет превращаться в пустоту, но сейчас от него ничего не зависит.

Вчера, 24 июня 1944 года, командир взвода Турбин был другим: от него зависело многое. Взвод младшего лейтенанта в составе 16-го Уссурийского полка первым форсировал реку Друть и, углубляя плацдарм на западной стороне реки, атаковал фашистские окопы. Но залег в сырость и грязь заболоченных берегов Друти под огнём немецкого станкового пулемёта MG-42. Страшное оружие войны, которое наши солдаты называли «пила Гитлера», не давало поднять головы. Турбин выждал, когда на третьей сотне выстрелов ствол машиненгевера раскалился и начал плеваться патронами. Второй номер пулемётного расчёта схватил асбестовую рукавицу, отщёлкнул зажим, вынул раскалённый ствол и опустил его в футляр с маслом остывать. На смену достал новый, вставил на место и защёлкнул зажим. Пулемёт снова готов к стрельбе. На всё про всё ушло полминуты, не больше. Турбину как раз хватило, чтобы подобраться к расчёту на расстояние пистолетного выстрела.

Рискуя обнаружить себя, он открыл огонь из табельного ТТ. Один выстрел, второй, третий. Даже на учебных стрельбах попасть в лежащую мишень из пистолета с расстояния 50 метров практически невозможно. Но сегодня был день Турбина. Второй номер пулемётного расчёта дёрнулся и уткнулся лицом в землю. Первый номер продолжал вести огонь, поворачивая пулемёт в сторону младшего лейтенанта. Всё шло к тому, что через секунду немецкая пуля проделает в его гимнастёрке отверстие для посмертной награды. Всё, да не всё: без второго номера лента пулемёта пошла наперекос, и её заклинило. Пулемёт замолчал. Приподнявшись на одном колене, Турбин сделал несколько торопливых выстрелов. Мимо. Раздался знакомый пустой щелчок — закончились патроны. Немец скрюченными от долгой стрельбы пальцами рвал из кобуры парабеллум. Турбин бежал навстречу, на ходу вбивая новую обойму в ТТ. На мгновенье их глаза встретились: расплывчатый взгляд пришедшего на чужую землю сеять смерть фашиста и глаза Турбина, за которым Родина и правда. Встретились взгляды, но не пули: немецкая про-

шла чуть выше, пуля лейтенанта чуть ниже каски. С немцем и пулемётом покончено, взвод снова поднимается в атаку. Рукопашная, ненависть, стоны и крики, страх, пот и кровь.

Первая полоса немецкой обороны опрокинута. За ней вторая. В третьей полосе ведёт огонь лёгкая пехотная 75-мм пушка. Бьёт прямой наводкой по нашей пехоте. Метрах в тридцати от пушки воронка. Минуту назад в эту воронку скатился лейтенант Турбин. Ему нужно отлежаться, набраться сил, он задыхается от быстрого бега и дыма боя. Третья полоса обороны — это километра полтора уж точно преодолел: падая, вставая, ползком. Взвод поотстал: кто-то также в воронке переводит дух, кого-то раненого перевязывает медсестра, кто-то свою последнюю атаку уже никогда не догонит. Турбин понимал, что против орудийного расчёта один человек бессилен, там их пятеро или шестеро, вооружённых пистолетами и карабинами. А у него патроны кончились и только две гранаты на ремне. «Если высунусь, точно сыграю в ящик», — подумал Турбин. Мысль о ящике ему понравилась, поэтому он всё-таки высунулся. Заметил, где хранятся боевые заряды. Не раздумывая, бросил туда две гранаты. На авось. Видимо, был сегодня всё-таки день Турбина: по тому, как содрогнулась земля, сразу понял: попал. Самого младшего лейтенанта полностью засыпало землёй, хорошо, ребята со взвода подоспели и помогли выбраться. А расчёт немецкой пушки на такой поворот не рассчитывал. Разбросало их вокруг метров на тридцать, некоторых по частям, так что в свою часть они уже не вернутся.

Ближе к вечеру наступление завершилось. Полк закреплялся на новых позициях, но после уничтожения пулемётного и артиллерийского расчётов Турбина уже не остановить: командир взвода был «на взводе». У села Заболотье он остановил «тридцатьчетвёрку» и скомандовал отделению автоматчиков: «На броню, ребята». Преследуя отступающего врага на танке, отделение под командой Турбина уничтожило и пленило ещё более двухсот гитлеровцев. Откуда было знать младшему лейтенанту, что, расстреливая бегущих в панике фашистов, он совершает акт справедливого возмездия: два года назад здесь, в селе Заболотье, немецкий карательный отряд расстрелял 289 безвинных жителей — женщин, стариков и детей.

Так было вчера. Сегодня командир взвода Турбин съёжился в окопе, вдавливая себя в землю, и молится, чтобы остаться в живых. Сейчас ему никто не может помочь, разве только...

Он родился Рубахиным

...Разве только лётчик-ас Анатолий Рубахин и такие же лётчики-истребители, как он, закрывающие небо для немецких бомбардировщиков. 402-й истребительно-авиационный полк, в котором служил и которым с 25 ноября 1944 года и до Победы командовал двадцатишестилетний Рубахин, был самым результативным авиаполком в истории СССР и России. За время войны 402-й истребительный авиационный Севастопольский Краснознамённый ордена Суворова полк уничтожил 810 самолётов врага.

Свою первую воздушную победу капитан Рубахин запомнил на всю жизнь. 20 апреля 1943 года лётчики произвели четыре полковых вылета в районе Новороссийска и пополнили боевой счёт полка тремя сбитыми вражескими истребителями. Один из «мессершмиттов» Bf 109 в «подарок» фюреру в 11:15 утра сбил лётчик Рубахин.

Воздушные бои продолжались. Основной задачей 402-го истребительно-авиационного полка было прикрытие боевых порядков наших наземных войск от бомбовых ударов противника.

Одним из первых в нашей авиации Анатолий Рубахин освоил ночные полёты. 26 сентября 1943 года, действуя на Миус-фронте, во время ночного патрулирования лётчики обнаружили девятку «Хейнкелей-111» без прикрытия. Все бомбардировщики были сбиты, ни один не ушёл от возмездия. Двадцать тонн бомб не упали на боевые позиции наших войск.

Во время боёв на Мелитопольском направлении, прикрывая наземные войска над рекой Молочной, истребители 402-го ИАП остановили и частично уничтожили группу из двенадцати «Юнкерсов-87». «Лаптёжники» не донесли до наших позиций шестнадцать тонн бомб.

7 октября 1943 года в 18:15 группа, возглавляемая капитаном Рубахиным, на высоте 3 000 метров над Верхней Тарасовкой встретила двенадцать «Хейнкелей-111». Истребители пошли на сближение и стремительно атаковали противника. После меткой очереди Рубахина один «хренкель», как шутя звали их в полку, задымил и стал падать. Остальные пошли на разворот. В это время по радио поступила информация, что к району Мелитополя подходят ещё три группы бомбардировщиков. Капитан Рубахин дал команду на преследование. Короткий бой, сбиты ещё четыре «хейнкеля» и один истребитель

Крепко сбитый немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111»

прикрытия, но главное — сорвана прицельная бомбардировка наших окопов на передней линии фронта.

В новом, 1944 году началась операция по освобождению Крыма. Задача, поставленная командованием перед 402-м истребительно-авиационным полком, — прикрытие переправы через Сиваш от действий немецких бомбардировщиков. Чтобы парализовать воздействие вражеской авиации, в день наступления группа из четырнадцати самолётов под командованием майора Рубахина нанесла штурмовой удар по аэродрому. В результате наши лётчики уничтожили 12 бомбардировщиков «Юнкерс-87» и более десяти вывели из строя.

11 марта 1944 года над переправой через Сиваш шесть наших Як-1 бесстрашно вступили в бой с тридцатью «Юнкерсами-87» и двенадцатью «мессершмиттами». Раненный в левую руку Анатолий Рубахин, превозмогая боль, сбил один «юнкерс» Ju-87 и один «мессершмитт» Bf 109.

И ещё один воздушный бой часто вставал перед глазами нашего прославленного лётчика-истребителя. Наступает ночь. Всё небо заполнила грозная армада люфтваффе: бомбардировщики «Юнкерс-88» несут свой смертоносный груз. Ровно гудят мощные моторы. В экипажах по четыре человека: пилот, штурман-бомбардир, радист — стрелок из кормового пулемёта и бортмеханик — стрелок из нижнего. Нижние стрелки не могут долгое время находиться в тесных гондолах: от неудобной позы затекают конечности и потом невозможно вести стрельбу. Поэтому сейчас, ночью, когда опасности нападения русских истребителей вроде бы нет, все они наверху, в кабинах, отдыхают на откидных сиденьях.

— Ахтунг! Ахтунг! Ангриф фон унтен! Внимание! Внимание! Атака снизу! — раздаётся тревожный голос в рациях пилотов. — Приготовиться к отражению!

Нижние стрелки горохом ссыпаются в свои гондолы. Но уже поздно пить боржоми. Невидимые на фоне тёмной земли, снизу к армаде бомбардировщиков приближаются восемь Яков-истребителей под командованием Анатолия Рубахина.

— Атакуем без прожекторов! — слышен по рации уверенный голос майора.

На фоне неба силуэты бомбардировщиков хорошо видны. С кнопок пулемётов и с откидных гашеток пушек сняты предохранители. В прицелах — двигатели, самые незащищённые части «юнкерсов». Наши лётчики знают — с одним повреждённым мотором эти бомбардировщики становятся практически неуправляемыми. Восемь 20-мм пушек ШВАК и восемь 12,7-мм пулемётов открывают огонь очередями. Вот задымил первый, за ним второй. Третий Ju-88, «рубахинский», хлюпнув носом, с воем сорвался вниз. Девять «юнкерсов» сбиты. Истребители идут на второй заход — и ещё пять бомбардировщиков не вернутся на аэродром.

Стройные несколько минут назад ряды немецких стервятников смешиваются. «Юнкерсы» один за другим разворачиваются на запад. Чтобы стать легче и попытаться спастись, они в панике сбрасывают смертоносный бомбовый груз на позиции своих войск. 250 тонн бомб теперь взорвутся не в наших окопах, а в немецких. Уничтожив ещё несколько бомбардировщиков и опустошив ленты пулемётов и пушек, группа Рубахина возвращается на свой аэродром без потерь. После этого боя немецкая авиация действует ночью трусливее и намного реже.

Боевые друзья. Четвёртый слева — А. Рубахин

В каждом боевом вылете Анатолий Рубахин не щадил ни себя, ни врага, искал боестолкновений, находился в воздухе до последнего патрона и последнего ведра бензина.

— Ты, конечно, рисковый лётчик, майор, — не раз говорил ему командир 3-го истребительного авиакорпуса генерал-лейтенант Савицкий, — но всё-таки давай поаккуратней. Такие, как ты, нашей авиации нужны живыми.

— Вы, Анатолий, слишком смелый, — волновалась за лётчика техник по вооружению Варя Беленец, ставшая после войны его женой, — приземляетесь уже на сухом баке и без патронов и снарядов.

— Не переживайте, — улыбался в ответ истребитель, — всё будет хорошо. Я ведь родился Рубахиным.

Всего за годы войны лётчик-ас майор Анатолий Рубахин совершил 188 боевых вылетов, провёл 80 боёв и сбил 19 вражеских самолётов.

Так защищали нашу Родину от немецко-фашистских захватчиков два земляка, уроженцы Бобровского района Воронежской области: младший лейтенант Виктор Андреевич Турбин на земле и майор Анатолий Ермолаевич Рубахин в небе.

Лохматиков Филипп Прокофьевич

(10 октября 1923 — 22 января 1981)

Родился в деревне Карцево. В 1941 году окончил школу на станции Графская. Сразу после школы призван в Красную армию.

Закончил войну в звании гвардии старшего лейтенанта. Командир взвода 52-й гвардейской танковой бригады. Герой Советского Союза.

улица Генерала Лохматикова (г. Воронеж)

Семь слагаемых успеха

Вводную лекцию преподаватель академии бронетанковых войск начал необычно. Не было ни схем, ни карт, ни чертежей с диаграммами. Седой, уверенный в себе преподаватель оглядел аудиторию и спокойно сказал:

— Редко бывает так, чтобы всё хорошо. Обычно в чём-то ты силён, а в чём-то, наоборот, слаб. И очень часто именно сила становится причиной слабости. Так, например, и с танками. Сила танка в том, что он хорошо защищён. У него со всех сторон броня. Из этого вытекает и его слабость: из-за брони танкистам в танке ничего не видно. Плохо видно, что происходит впереди. Ещё хуже — что предпринимает враг сбоку. И совсем не видно, что творится сзади. Танк полуслеп. И танк, несмотря на грозный вид, сзади беззащитен. Всего лишь один человек весом почти в тысячу раз меньше танка может остановить грозную машину, если пропустит её над собой и удачно бросит противотанковую гранату или бутылку с зажигательной смесью.

Чтобы исключить нападения сбоку или сзади, танки атакуют в

тесном взаимодействии с пехотой или другими танками. Как кто-то из древних сказал как раз про танки: один в поле не воин. Хотя исключения, конечно, бывают. Но действовать танку в одиночку трудно и опасно. Ещё опаснее совершить танковый рейд по тылам врага. Это вершина танкистского искусства. Как по канату без страховки. Опасность подстерегает на каждом шагу. В самый неподходящий момент может закончиться горючее, или боекомплект, или и то и другое сразу. В любую минуту может прогреметь роковой выстрел из противотанковой засады. Да что там выстрел, если танк может просто заглохнуть и больше не завестись.

В общем, танковый рейд в тылу врага — занятие не для слабонервных. И здесь есть несколько слагаемых успеха. О них я вам расскажу на примере одного дерзкого танкового рейда.

Начало ноября 1943 года. Идёт крупномасштабная операция по освобождению Киева. Экипаж танка Т-34 взвода разведки получает боевую задачу: разведать возможность перекрытия шоссе Киев — Житомир. Перерезав это шоссе, мы запрём немцев в Киеве. Немец, окружённый в Киеве, — это или пленный, или мёртвый немец. Немец, выпущенный из окружения, — это немец, несущий смерть. Поэтому шоссе должно быть перерезано, и точка. Для этого «тридцатьчетвёрка» уходит в разведку.

Впереди лес, который со всех сторон простреливается артиллерией врага. Нельзя медлить ни секунды. Командир танка, лейтенант, фамилию которого я уже не помню, принимает решение проскочить лес на максимальной скорости. Танк замечен, и по нему открывают огонь. Разрывы бронебойных снарядов ложатся часто, но все позади танка: «тридцатьчетвёрка» движется так быстро, что немецкая артиллерия не успевает перенести огонь. Решительность и быстрота — первые слагаемые успеха танкового рейда в тылу врага. Т-34 выскакивает к шоссе Киев — Житомир. Дальше — тихий ход, первая передача. Внимание и осторожность — вторые слагаемые успешного рейда. Это чтобы не погибнуть. Здесь, на шоссе, могут быть превосходящие силы врага. Так и есть — два немецких танка.

«Тридцатьчетвёрка» сдаёт назад, в заросли ельника. Чёрные кресты проплывают мимо. «Наверняка головной дозор, — думает командир, — значит, сзади колонна. Пропустим, чтобы не спугнуть». Слышен гул моторов. Лейтенант открывает люк и осторожно выглядывает. Так и есть — это девятка наших бомбардировщиков под прикрытием

истребителей летит бомбить переправу через реку Тетерев. «Под гул можно и стрельнуть, — решает он и командует: — Бронебойный заряжай!» До кормы Pz-IV не больше 150 метров. Для танка — расстояние вытянутой руки. Через несколько секунд башню «тридцатьчетвёрки» заполнил пороховой дым первого выстрела. Тридцатимиллиметровая кормовая броня немецкого танка пробита, как фанера. Второй танк попробовал развернуть башню. Ему нужно на это 30 секунд, но наши танкисты заряжают быстрее. Второй выстрел, и башня уже не разворачивается, она разворочена. Гул бомбардировщиков стихает вдали. «Удачного бомбометания, — взглядом провожает сталинских соколов командир танка. — Думаю, со стороны Киева приближается колонна. Они нас здесь не ждут». Фактор внезапности — третье слагаемое успеха в танковом рейде. Лейтенант закрыл башенный люк и дал команду «Вперёд!». Танк рванул по шоссе, набирая скорость. Навстречу действительно двигалась колонна удирающих из Киева фашистов. Чего они больше всего не хотели бы увидеть впереди себя, так это несущийся им навстречу на максимальной скорости советский танк. Но именно его они и увидели. Гитлеровцы из передних грузовиков горохом посыпались на обочину и попытались скрыться в лесу. Несколько осколочных снарядов «тридцатьчетвёрки» помогли им сделать это быстрее, но уже по частям. В середине колонны немцы попробовали было развернуть противотанковую пушку. Этот маневр своевременно заметил командир танка. Короткая остановка, выстрел — и противотанковая пушка больше не имеет ничего против танка. До колонны остаётся несколько десятков метров. Лейтенант разворачивает башню, чтобы не повредить пушку. Ураганная уральская броня сминает немецкое железо — и получается жесть. На гусеницы страшно смотреть, они никогда не станут бабочками.

Доложив результаты разведки на шоссе, командир танка получает новое задание: продолжить танковый рейд в тылу врага в направлении на город Фастов. Если кто забыл, на всякий случай напомню: Фастов — важнейший железнодорожный узел юго-западнее Киева. Потеря Фастова лишала немцев возможности оперативно маневрировать силами и средствами: доставлять боеприпасы, вооружение и живую силу на нужные отрезки фронта. Поэтому взятию Фастова командование Красной армии придавало огромное значение. И поэтому в разведку пошла наша «тридцатьчетвёрка». Танкисты сразу ощутили

на себе все «прелести» действия в тылу врага. Одна опасность следовала за другой. И тут им понадобилось четвёртое слагаемое успеха в танковом рейде: умение грамотно действовать в быстро меняющейся обстановке. А обстановка действительно менялась с калейдоскопической быстротой. Уже через несколько километров они напоролись на заставу врага. Танкисты не растерялись и с ходу сбили её. Дальше лесная дорога. Невозможно определить, откуда придёт опасность. Вторая немецкая застава. Фашисты застигнуты врасплох: советских танков здесь не ждут. Удачно маневрируя, «тридцатьчетвёрка» сбивает и эту заставу. Впереди колонна немецкого автотранспорта. Лейтенант приказывает пристроиться в хвост. Немцы принимают наш танк за трофейный — а какой ещё может оказаться в их тылу — и приветливо машут руками:

— Руссиш панцер! Гут! Гут!

Командир танка дожидается, когда колонна войдёт в поворот и снизит скорость до 5 км/час. Теперь не уйдёт никто. По команде лейтенанта «руссиш панцер гут гут», взревев мощным мотором, вреза-

ется в колонну врага и начинает методично уничтожать грузовик за грузовиком. Если бы фашисты были птицами, а не зверями, можно было бы сказать, что от них только перья полетели.

Вместо перьев летит к Фастову упрямая «тридцатьчетвёрка». По дороге — город Боярка и военная комендатура при нём. Командир танка даёт команду механику-водителю Стрижкову остановиться за прикрытием. Открывает башенный люк и ведёт наблюдение. В бинокль хорошо видно здание комендатуры.

— Товарищ лейтенант, обойдём стороной? — предлагает стрелок-радист Вересков. — Чем позже нас заметят, тем лучше.

— Обойти-то мы обойдём, — кивает в ответ командир, — только что-то здесь не так.

— Что не так, товарищ лейтенант? — спрашивает Вересков.

— Фрицев много крутится. Вроде маленькая комендатура, не должно их тут столько быть. Какой-то полицай, гад, ступеньки метёт. Не затевается ли чего-нибудь? Давай подождём немного.

И хотя ждать было опасно, оно того стоило. Сработала ещё одна составляющая успеха танкового рейда: наблюдательность и умение делать выводы, складывать два и два. Не прошло и десяти минут, как к комендатуре подкатил длинный легковой автомобиль. Из него вышел старший офицер в сопровождении ещё нескольких военных. Начали портить воздух фашистские приветствия. Только первые гитлеровцы вошли внутрь, подъехали ещё две машины попроще и погрязнее.

— Похоже, у них тут совет в Филях, — сказал Вересков.

— В Филях так в Филях, — согласился командир танка, — тогда прямо по филейным частям и вдарим. Заряжай фугасный.

Для склонившихся над картой немецких офицеров выстрел прозвучал неожиданно. Казалось, весь дом сначала поднялся на воздух, а потом развалился на отдельные кирпичи и брёвна. Карта была безнадёжно испорчена.

— Кажется, я видел в воздухе фуражку полковника, — сказал мехвод.

— А я — усы Гитлера, — добавил командир танка, — теперь ходу. Скоро тут такая заварушка начнётся!

Оставляя панику за кормой, танк продолжил движение к Фастову. Возможно, немцы уже ждали гостей. С традиционным фашистским гостеприимством они приготовили батарею противотанковых пушек. Темнело. Первый выстрел лёг в стороне. По вспышке удалось

засечь расстояние — не больше двухсот метров. Каждый без слов понял опасность — с такого расстояния танк для противотанковой немецкой пушки лёгкая мишень. Командир танка выстрелил по цели осколочным. Раз, другой — и цель подавлена. Но батарея ведёт огонь, и один из бронебойных снарядов попадает в наш танк. Слышен глухой стон командира, он ранен и теряет сознание. Стрелок-радист Вересков бросает бесполезный сейчас пулемёт и перебирается к пушке. Теперь механику-водителю, выводящему танк из зоны огня, придётся в одиночку переключать передачи. Это дополнительный риск того, что танк заглохнет. Вересков пробует вести огонь. Заряжать он может без проблем, но раненый командир мешает прицеливанию. Вересков стаскивает командира вниз. Выстрел, ещё один. С третьей попытки удаётся разворотить пушку. Два оставшихся орудия батареи в спешке меняют позиции. Воспользовавшись передышкой, «тридцатьчетвёрка» вырывается из зоны обстрела. Здесь сработала шестая составляющая успеха: взаимозаменяемость экипажа. В танковом рейде в тылу врага не только танк, но и человек может выйти из строя — нужно уметь его заменить. Иначе ты не вернёшься из рейда.

— А наша «тридцатьчетвёрка» вернулась, — улыбнулся преподаватель, — за сутки дерзко и смело преодолев 65 километров в тылу врага, уничтожив большое количество вооружения, техники и живой силы противника и выполнив поставленную задачу. За этот подвиг все члены экипажа были удостоены звания Героя Советского Союза. А нам пора подводить итоги. Мы с вами рассмотрели шесть составляющих успеха танкового рейда в тылу врага. Есть и ещё одна, седьмая. Это, конечно, удача, которой я вам всем в новом учебном году и желаю.

На этом генерал-майор бронетанковых войск закончил лекцию. Как всегда, из скромности «позабыв» упомянуть о том, что командир танка из рассказа — это он сам, Филипп Прокофьевич Лохматиков.

Стрелюк Константин Фёдорович

(1924 — 8 сентября 1943)

Родился и учился в Воронеже. Во время войны вступил в народное ополчение. Входил в состав диверсионно-разведывательной группы, действовавшей совместно с партизанами в глубоком тылу врага.

улица Кости Стрелюка (г. Воронеж)

Самый дорогой человек

Утро. Солнце поднимается из-за горизонта, окрашивая небо волшебными красками. Рождается день, приносит свои заботы, за ним приходят вечер и усталость. И каждое мгновенье этого дня в сердце матери жила невыносимая тоска, боль, не отпускающая тревога. Сын её на войне. Когда сын на войне, никто лучше матери не знает, где у человека душа. Уж очень сильно она болит, ни на минуту не отпускает. Где он сейчас? В окопе, в атаке? Какой не знающий пощады кусок свинца пролетит мимо, а какой нет — ей страшно об этом думать. Голодный ли он, мокрый ли насквозь, замерзает ли, вязнет в болоте, мучается от ран? Мать ничего не знает, в её жизни сейчас одни чёрные вопросительные знаки. Война на земле. А в сердце матери мольба. Больше ей нечем помочь. Спаси, Господи, ребёнка моего.

Так и Мария Алексеевна, мама Кости Стрелюка. Муж умер рано, когда мальчику было всего семь лет. Чтобы вырастить сына,

приходилось работать на две ставки. Костя хорошо учился, много читал, любил химию. Когда он склонялся над учебниками или возился с пробирками и колбами, мать смотрела на сына и, прижимая руки к груди, шептала: «Может, повезёт ему в жизни, станет учёным».

И хотя в Советском Союзе молодым и способным всегда была открыта дорога в мир науки и техники, судьба распорядилась иначе. На нашу землю пришла война. И Костя Стрелюк вместо учёного-химика стал разведчиком-подрывником, специально обученным для проведения диверсий в тылу врага. Их десантная группа заброшена в глубокий тыл. География борьбы: брянские леса, Полесье, Карпаты. Действовали как самостоятельно, так и в составе партизанского отряда легендарного Героя Советского Союза Сидора Артемьевича Ковпака. Каждую минуту фашисты знали: они под колпаком у Ковпака. Знали и тряслись. А вообще, партизаны — особой закалки народ. Они действуют, когда вокруг нет своих, только враги. Отступать партизану некуда. Помощи ждать неоткуда. Полагается партизан только на себя, на своих товарищей, на партизанскую смелость, сноровку и смекалку. Может неделю без еды продержаться, только на подножном корме. Берегите лес — он лучший друг партизан. Не будет леса — не будет партизан. Не будет партизан — не будет победы. Потому что партизаны рвут врага изнутри. Ахтунг! Ахтунг! Партизанен! Вроде и захватил фашист русскую землю, а не чувствует себя на ней хозяином. Потому что его самолёты не летят над нашими городами. Вместо самолётов летят эшелоны с танками — под откос. Его снаряды рвутся на складах, а не в блиндажах и окопах Красной армии. Вместо того чтобы пить кровь мирных жителей, его полицаи гибнут поодиночке и группами. Ахтунг! Ахтунг! Партизанен! Горят дома со спящими в них фашистами. Взлетают на воздух хранилища с горючим и боеприпасами. Пропадают штабные офицеры с секретными документами. Идут в Центр шифровки с информацией о дислокации и передвижениях вражеских войск. Ахтунг! Ахтунг! Партизанен! Горит земля под ногами оккупантов.

Но есть и другая сторона у партизанской войны: полная опасностей заброска в тыл врага по воздуху, движение по непроходимым болотам, жизнь без еды и часто без воды, внезапные боевые столкновения, отсутствие медицинской помощи при ранении. Всё это было в жизни молодого воронежского комсомольца Кости Стрелюка.

Брянские леса. Полесье

Во время переброски в тыл врага самолёт с разведчиками попал в зону вражеского зенитного огня. Вокруг гирлянды разрывов, а в самолёте смех. Это Костя Стрелюк шуткой подбадривает товарищей.

— Боишься, Юрка?

— Чего мне бояться? Пусть хоть «мессеры» прилетают — не испугаюсь.

— Это правильно, — кивает Костя, — ты их тогда ручными гранатами закидаешь. Фашисты увидят, что из транспортного самолёта гранаты вылетают, сразу поймут — это партизаны летят. Испугаются и удерут.

Разведчики смеются, да и зону обстрела самолёт уже покинул.

Чтобы незаметно для врага попасть в район действия, десантно-диверсионную группу вёл по болотам проводник из брянских партизан — мальчик Вася. Все шли строго друг за другом. Внезапно разведчик Сергей Рябченков потерял равновесие, сделал шаг в сторону и мгновенно погрузился в трясину по грудь. Ещё минута — и не будет человека. Командир разведчиков капитан Иван Бережной протянул Рябченкову палку. И сам стал погружаться в болото. Рядом оказался разведчик Костя Стрелюк.

— Товарищ капитан, держитесь, — протянул он капитану свой автомат.

— Только не стой на одном месте, — стиснув зубы от напряжения, сказал Косте капитан, — а то и тебя затянет.

Вдвоём они вытащили бойца из болота.

— Без автомата разведчику никуда, — подвёл итог Костя.

Фонтан земли с обломками шпал окутал паровоз и столкнул его с рельсов. Вагоны со снарядами, платформы с танками и цистерны с бензином полезли друг на друга. Разведчики открыли огонь по цистернам. Вспыхнуло пламя. Красные языки быстро побежали кверху. Как только они касались горловин, раздавались взрывы страшной силы. Теперь уже ничто не могло спасти эшелон.

А разведчиков могли спасти только решительность и быстрота действий: они прорывались к спасительному лесу. Но немцы вышли наперерез: завязалась перестрелка. Быстро опускались сумерки. Над головами пролетел какой-то предмет и упал поблизости. Никто не успел сообразить, что случилось, а Костя Стрелюк кошкой метнул-

Ахтунг! Ахтунг! Партизанен!

ся назад, схватил предмет и бросил к немцам. И лишь когда в рядах гитлеровцев раздался взрыв и стоны раненых, все поняли, что предметом была немецкая граната.

А за сотни километров от взорванного поезда Мария Алексеевна с тревогой думала о сыне: как он, где он, жив ли? Вспоминала его детство. Как за отличную учебу Костю послали в пионерский лагерь «Артек». С каким восторгом он потом рассказывал о своих впечатлениях! Тогда же и сказал: «Мама! Даю тебе слово, что когда окончу институт, поступлю работать — первая моя получка будет тебе на поездку в Крым. И не смей отказываться».

Теперь «Артек» — это счастливое прошлое. В дыме войны трудно поверить, что оно когда-то было. Партизаны передвигаются колонной в заданном направлении. Впереди в авангарде — разведчики. А впереди разведчиков в дозоре — Костя Стрелюк и Саша Решетников. Оба на всякий случай в немецкой форме. И этот случай наступил: в деревне Няневка немцы на двенадцати подводах. Они увидели разведчиков, приняли их за своих и позвали к себе.

— Откроем огонь, — предложил Саша.

— Спокойнее, — ответил Костя, идя навстречу немцам. — Подойдём ближе.

В ожидании разведчиков немцы остановили подводы и начали закуривать.

— Приготовиться, — прошептал Стрелюк, когда до гитлеровцев оставалось шагов пятьдесят.

— Готов, — так же тихо ответил Решетников.

— Огонь! — выкрикнул Костя и мгновенно вскинул автомат.

Фашисты не ожидали такого оборота событий и кинулись врассыпную. Костя подстреливал гитлеровцев, как зайцев. Саша не отставал от боевого товарища. Разведчики из авангарда подоспели вовремя и помогли Стрелюку и Решетникову добить врагов. После этого случая партизаны за меткость при уничтожении фашистов стали звать Костю ворошиловский Стрелюк.

— А я? — обижался Решетников.

— Ты тоже хорошо стреляешь, — утешали его ребята, — прямо решето из немцев делаешь.

Кроме смелости и отваги Костя Стрелюк обладал ещё двумя очень нужными партизану качествами: у него была феноменальная память и он умел красиво рассказывать. Поэтому после ужина и до глубокой ночи в отряде часто проводились партизанские литературные вечера. Горел костёр, вокруг него партизаны, а в центре внимания Костя. «Что же вам сегодня рассказать?» — обычно спрашивал Стрелюк. И вот уже в ночной тишине перед боевыми партизанами встают образы героев романов, повестей, приключений и смешных историй. Голос Кости меняется в зависимости от того, кому принадлежат произносимые слова. Уже заполночь рассказчик умолкает, но ещё долго никто из слушателей не решается нарушить тишину. Каждому хочется, чтобы Костя продолжил рассказ и ещё кого-нибудь спас. Партизаны ценили каждый такой литературный вечер, потому что для любого из них он мог стать последним.

Карпатский рейд

После партизанской войны в Полесье отряд Ковпака и разведывательно-диверсионная группа капитана Бережного получили правительственное задание особой важности: проникнуть на

территорию Карпат и уничтожить нефтяные промыслы Дрогобыча. Отряд пробивался в Карпаты больше месяца. Партизаны выдержали десятки боёв, преодолели все тяготы передвижения по занятой врагом территории.

И не зря: горы содрогнулись от взрывов. Повалили клубы чёрного дыма и заволокли вершины. Нефть пылала. Участником многих операций был отважный воронежский разведчик Константин Стрелюк. Фашисты не ожидали появления партизан в таком глубоком тылу, и охрана горных объектов была не на высоте. В течение пяти дней диверсионные и ударные группы взорвали и сожгли более сорока нефтяных вышек, бензо- и нефтехранилища, нефтепровод, два нефтеперегонных завода, научно-исследовательскую лабораторию, две электростанции и много другого оборудования. Лишь в хранилищах было уничтожено около двух тысяч тонн бензина и несколько тысяч тонн нефти. Для немцев это катастрофа: в это время решалась судьба танкового сражения под Курском и топливо было нужно фашистам как воздух.

Но за этот успех пришлось заплатить дорогую цену. Уже на следующий день на уничтожение партизанского отряда был брошен альпийский полк горных стрелков «Эдельвейс». Вооружены автоматами, пулемётами, лёгкой горной артиллерией и миномётами. Специалисты по ведению боёв в горах. Всесторонне развиты: стрелки, спортсмены, туристы, альпинисты и чёрт его знает кто ещё.

Нужно было менять позицию, уходить. Но партизанский отряд не подготовлен для передвижения в горах. Ехало не ехало и везло не везло. Лошади застревали в расщелинах, падали и ломали ноги. Тяжелораненых приходилось нести на носилках, наспех сделанных из плащ-палаток и жердей. Вымокшие, измученные люди, навьюченные грузом и оружием, еле плелись с носилками в руках. Над колонной появились три штурмовика «Юнкерс-87» и начали поливать партизан свинцовым дождём. Взрывами бомб камни дробились на сотни тысяч осколков и поражали всё живое вокруг. Движение стало невозможным.

Партизаны искали пути выхода из горной ловушки. Куда идти? Можно попробовать за границу, в Чехословакию или Венгрию, а там и до Берлина недалеко. Или назад, в Полесье, на привычные равнины. На все вопросы ответил бой в Полянице. Это село, расположенное между склонами красивых Карпатских гор. Партизаны заходят,

но жителей нет. В некоторых домах открыты окна. На подоконниках кувшины с молоком и буханки хлеба. Что это? Ловушка или добрая воля селян?

В воздух взвилась ракета, и склоны гор, примыкавших к селу с севера и юга, заговорили десятками пулемётов и сотнями автоматов и винтовок. Рявкнули минометы, и серия взрывов закрыла выход из села. Ловушка. Партизаны падают как подкошенные. Теперь у них одно спасение — штурмовать горы. Под шквальным огнём на гору карабкаются Маркиданов и Стрелюк. Им чудом удаётся уцелеть, и они гранатами забрасывают пулемётчиков. Становится легче дышать, появляются пути отхода. Пошарив по карманам уничтоженного офицера, Костя Стрелюк обнаруживает пачку бумаг.

Документы перевели, и стало ясно: партизан не забыли, ими занялся лично Гитлер. Чтобы разрядить обстановку, Костя вспомнил свой любимый анекдот: фюрер сходил к гадалке, и та нагадала ему скорый конец. Тогда Гитлер подошёл к собственному портрету и спросил: «Скажи, что с нами будет дальше?» Фюрер на портрете задёргал усиками и ответил: «Ничего особенного, просто мы поменяемся местами. Меня снимут, а тебя повесят!»

Но шутки в сторону: по личному распоряжению Гитлера для уничтожения дерзкого партизанского соединения была создана группировка в составе 4-го, 6-го, 13-го, 24-го, 26-го, 32-го эсэсовских полков, 273-го горнострелкового полка и пяти батальонов особого назначения. Пользуясь многократным численным превосходством, гитлеровцы захватили командные высоты и закрыли все выходы из гор. Авиация группами от двух до десяти самолётов наносила непрерывные удары по партизанам. Кольцо окружения сжималось. Силы были явно неравны. Командование партизанского отряда приняло решение уходить обратно в Полесье.

Мария Алексеевна ждала письма от сына. Почему-то с улыбкой вспомнилось, как Костя мечтал стать химиком и серьёзно занимался. На сэкономленные от обедов деньги он покупал разные стеклянные трубочки, пробирки и колбочки и дома проводил опыты по химии. Однажды юный экспериментатор так увлёкся, что не заметил, как с работы возвратилась мать. В квартире дым коромыслом, вонь, гарь. Назревал взрыв. И не только от смеси химических веществ.

Однако неслучайно не было весточки от сына-разведчика. Пись-

мо, которое Костя написал маме ещё из Полесья, не нашло адресата. Вот оно:

«Здравствуй, дорогая мама!

Крепко, крепко тебя целую. Я уже делал много попыток связаться с тобой, но ничего не получается. Пишу на русский авось. Я был бы во много раз спокойнее, если бы знал, что с тобой. Мама, я жив и здоров. Не был ни разу ранен. У меня есть уверенность, что пока ты помнишь обо мне — со мной ничего плохого не случится. Когда мне трудно, я думаю о тебе. И мне становится лучше, легче и радостней. Мне надо знать, что ты жива и здорова. Помни, мама, если даже со мной и случится несчастье, ты никогда не будешь одинокой — тебя никогда не забудут советские люди. До свидания. Жду письма.

Твой единственный сын Костя».

Написать следующее письмо помешала бомба. Это произошло в районе села Синички. Вечер. Закончена разработка маршрутов выхода из горной местности. Партизаны готовятся к маршу. Костя Стрелюк докладывает результаты разведки командиру разведчиков Ивану Бережному. Его голос заглушается рёвом бомбардировщиков, которые проносятся над лесом. Раздаётся нарастающий вой. 200-килограммовая бомба уничтожает всё вокруг. Костя тяжело ранен в ногу, раздроблена кость. Случилось именно то, чего он всегда боялся: не умереть, а получить тяжёлое ранение, стать обузой для боевых товарищей...

Выход из Карпат

Группа партизан выходила направлением на север. Кругом немцы. Разведчики несли Костю на носилках. Он сильно мучился от раны и просил, чтобы его оставили где-нибудь.

— Вам и так трудно. А из-за меня ребята могут погибнуть. Да и для меня будет лучше, если оставите. Поправлюсь и приду.

Партизаны долго не соглашались, но потом решились. Костю оставили на Ланчинских хуторах. Хозяева сильно рисковали, но пообещали обеспечить уход. Положили Костю на чердак. При себе он оставил пистолет с двумя обоймами и запас патронов.

— Найду вас в Полесье, — сказал на прощанье ребятам.

И два месяца пролежал на чердаке. Рана заживала медленно. Часто к нему забирались дети хозяина. Они полюбили гостя за весёлые и увлекательные рассказы. Присутствие детей радовало разведчика. С ними он не чувствовал себя одиноким и заброшенным. А потом за Костей вернулись Саша Решетников и ещё два товарища из отряда. Стрелюк уже мог ходить, и они решили вместе пробираться к своим. Костя тепло попрощался с людьми, которые, рискуя жизнью, выходили его. Это была семья Иваночко. Четыре отважных разведчика вышли в ночь. На рассвете до хуторян донеслись звуки боя. Яростная стрельба продолжалась два часа. А потом на хутор ворвались бандеровцы. Они погнали крестьян в лес, чтобы опознать убитых.

— Вон тот последним оставался, — со злостью сказал главарь бандитов, указывая на чернявого парня, в котором старший Иваночко с трудом узнал Костю Стрелюка, — много наших убил.

Когда бандеровцы обыскивали мёртвого Костю, они нашли фотографию мамы. Разведчик всегда носил её с собой. А товарищам своим признавался:

— Нет у меня человека дороже мамы.

Леженин Алексей Иванович

(15 декабря 1911 — 16 сентября 1943)

Родился в селе Солдатское Землянского района Воронежской области.

Майор. Заместитель командира 1339-го стрелкового полка. Герой Советского Союза.

площадь Леженина (с. Землянск)

Большие люди из маленького города

Нас уже больше семи миллиардов, и все мы разные. Одни будут в ярости размахивать кулаками и брызгать слюной, мол, пусть только сунутся, пусть только шаг сделают по нашей земле, и мы их разорвём в клочья, покажем, где раки зимуют, костей не соберут, имя своё забудут, полетят вверх тормашками дальше, чем видят. А начнётся тяжёлое испытание, и такие люди как-то сдуваются, вроде был человек большой, размером с гору, а стал вдруг меньше таракана. Другие в мирное время ведут себя скромно, в глаза не бросаются, грудь вперёд не выпячивают, но приходит пора непростых решений — и картинка меняется.

Для примера возьмите судьбу такого человека, как Леженин Алексей Иванович. Родился он в ничем не примечательном 1911 году, в крошечной Солдатской слободе, что была пригородом скромного городка Землянска Воронежской губернии. Жизнь сложилась непро-

сто: отец рано погиб, и мама поднимала четверых детей в одиночку. Тут уж не до заморских деликатесов: жили в нищете и голоде, особенно зимой плохо приходилось. Алексей ещё мальчишкой пошёл в пастухи, пас коров, работал на скотном дворе. Потом пришла советская власть, дала возможность учиться, и он жадно ухватился за эту возможность, не упустил её. Окончил среднюю школу и педагогический техникум, работал учителем. Но тут вмешалась война и похоронила миллионы светлых человеческих планов.

6 сентября 1942 года фашисты начали штурм Новороссийска. В захвате города участвовали пять вражеских дивизий общим числом под сто тысяч человек. Войска Новороссийского оборонительного района уступали противнику в численности в четыре, по количеству орудий и миномётов — в семь, по танкам и самолётам — в два раза. В ожесточённых боях враг захватил почти весь город. Кроме его восточной части: той, где цементные заводы, гора Сахарная голова и балка Адамовича. Именно балка Адамовича, разделяющая цементные заводы «Пролетарий» и «Октябрь», больше всего была пригодна для того, чтобы поставить фашистам заслон: здесь резко сужается полоса берега между бухтой и склоном горы, а значит, можно держать оборону не слишком большими силами.

Дальше балки Адамовича не пустили немцев 318-я стрелковая дивизия и 305-й батальон морской пехоты. На их окопы обрушивался шквальный артиллерийский огонь, их терзали бесчисленные атаки врага — бойцы стояли насмерть, держались из последних сил, остатками взводов и рот шли в контратаки. Порой гитлеровцам удавалось пересекать балку группами пехоты, но закрепиться за ней и вывести на стратегически важное шоссе Новороссийск — Туапсе танки — никогда. Без этого шоссе Новороссийск как порт терял для немцев своё значение. Без него захватчики не могли получить главный приз: наши южные нефтяные месторождения. Отрезать Красную армию от нефти означало для них победу, а для нас — поражение в войне.

В том жестоком нечеловеческом противостоянии каждый день, каждый час, порой каждая минута имели своё значение. 20 сентября 1942 года. С 14:15 по 15:00 отмечается особенно сильный артиллерийский и миномётный налёт фашистов. Разрывы снарядов и мин накрывают окопы, стонут раненые, молчат живые и убитые. Сотни

немецких пехотинцев идут в атаку. Один их взвод вклинивается в стык между первым и третьим батальонами 1339-го полка в районе севернее Каменоломни. Создаётся угроза прорыва. Жестокий бой переходит в рукопашную схватку, она длится всего пять минут, но кажется вечностью. И в вечность уходят семеро красноармейцев, но враг понёс большие потери и отходит. Угроза прорыва ликвидирована. 16 часов 15 минут. Снова артиллерийский и миномётный обстрел. При поддержке танков немцы атакуют. Защитникам города не хватает средств противотанковой обороны. К тому же немцы уничтожили наш пулемётный расчёт и захватили пулемёт. Второй пулемёт вышел из строя и молчит. Без пулемётов атаку не отбить. Комиссар первого батальона 1339-го стрелкового полка Леженин под миномётным дождём добирается до пулемёта и устраняет неисправность. Расчёт снова ведёт огонь по врагу. Комиссар пробирается ко второму пулемёту, захваченному гитлеровцами. Немцы пытаются закидать Леженина гранатами. Он ловит их одну за другой на лету и отправляет обратно. Все четыре гранаты взрываются там, где залегли фашисты. Слышны стоны и крики раненых. Второй пулемёт снова наш. В пылу боя Леженина уже не остановить. При поддержке лейтенанта Теплова он уничтожает расчёт, захватывает немецкий пулемёт MG-34 и ведёт из него огонь по отступающему врагу.

К вечеру все атаки немцев отбиты, наши подразделения удержали свои позиции, к шоссе хода нет. Время отдыха для тех, кто остался в живых. Морской закат прекрасен, как будто нет войны и не гибнут каждую секунду люди, оставляя седыми своих матерей. Вроде и смотришь на море с берега, только кажется, что оно безбрежное. А молодые бойцы с уважением смотрят на тридцатилетнего Леженина, сам Леженин смотрит на дно котелка, который он только что опустошил.

— Вы, Алексей Иванович, сегодня воевали, как сказочный герой. Четыре гранаты на лету поймали и в немцев бросили. Ни за что бы не поверили, если бы своими глазами не видели.

— Сказочный не сказочный, — соглашается Леженин, — а что-то в этом есть. Я ведь из Землянска.

— Все мы из землянска вышли, в землянск и уйдём, — вздыхает пожилой старшина.

— И что такого, что вы из Землянска? — спрашивает автоматчик с перевязанной окровавленными бинтами головой.

— А то, — отвечает Леженин, — вы про сказки бабушки Куприянихи слышали?

— Ещё бы, — говорит один боец, — эти сказки известные.

— На всю страну, — добавляет второй.

— Вот видите, — говорит Леженин, — а она ведь наша, землянская. У нас в городе живёт.

— Ещё живёт? — удивляются красноармейцы. — Мы думали, ей лет триста уже.

— Да что вы. Её зовут Барышникова Анна Куприяновна. Вот недавно сказку сочинила про то, как немецкий генерал к партизанам в плен попал. Смешная. Не читали?

— Нет, — отвечают бойцы, — но обязательно прочитаем. Нам тоже пора в плен генералов брать. А то пока попадаются одни фельд... эти, как их, фебели. Тьфу ты, язык сломаешь.

— А ещё у нас в городе родился Шатров Илья Алексеевич.

— Тоже не читали, — закуривают солдаты.

— И не прочитаете, — говорит Леженин.

— Ну это ты зря, Алексей Иванович, — укоряет старшина, — не все же мы тут поляжем. Кто-то после победы домой вернётся, обнимет жену, детей — и сразу читать этого твоего, как он там, Шатрова.

Леженин улыбается.

— Не прочитаете, потому что он композитор. Сочинил вальс «На сопках Маньчжурии». Та-та-тата, тататата-та-та. Знакомый мотив?

— Я под этот вальс на выпускном с девушкой танцевал. До сих пор с ней переписываемся. Если вернусь, предложение сделаю.

— А у меня этот вальс на свадьбе звучал, — вспомнил лейтенант Теплов, морщась от боли в разорванном пулей плече, — красивая мелодия. Мы под неё с женой кружились. А через месяц война.

— А у меня девушки нет ещё, — некстати ляпнул молодой разведчик.

Все засмеялись.

— Ничего, — утешил его старшина, — был бы вальс, а девушка найдётся.

— В 1905 году, во время войны с японцами, у русского Мокшанского полка заканчивались боеприпасы, — продолжил рассказ Леженин, — тогда капельмейстер Шатров приказал музыкантам играть боевой марш и повёл оркестр вперёд за знаменем полка. В штыковой атаке полк прорвал окружение. После боёв из 61 музыканта полково-

Десант. Освобождение Новороссийска

го оркестра в живых остались только семеро.

Солдаты понимающе молчали.

— Вот такой у нас город Землянск, — закончил рассказ Леженин, — сам маленький, а люди в нём рождаются замечательные.

— Может, и про вас когда-нибудь прочитаем, Алексей Иванович, — пошутил автоматчик.

— Скажешь тоже, — улыбнулся Леженин, — кто же про меня напишет?

Несмотря на постоянные бомбардировки, миномётные и артиллерийские обстрелы и жестокие атаки немцев, свои позиции подразделения 318-й стрелковой дивизии врагу не сдали. В дополнение ко всем испытаниям зима сорок второго года выдалась дождливой, с мокрым снегом, в горах стоял низкий туман и изморозь. Ночью температура падала ниже нуля, и обмундирование покрывалось ледяной коркой. Плащ-палатки не спасали. Что-нибудь просушить было невозможно — на демаскирующий дым сразу, как мухи на мёд, приле-

тали немецкие мины. Удивительным было то, что за время окопной жизни бойцы крайне редко страдали простудными заболеваниями. Хотя почти каждый день они находились под ливнем, снегом и пронизывающим ветром, во время обстрелов укрывались в окопах и стрелковых ячейках с ледяной водой по колено. Но как бы то ни было, за почти двенадцать месяцев немцы так и не смогли прорваться к шоссе на Туапсе. А значит, не решили своей основной задачи — захватить побережье Черного моря, перейти через Кавказский хребет и отрезать Красную армию от нефтеносных районов.

Прошёл ровно год. 10 сентября 1943 года началась операция по освобождению Новороссийска. Чтобы создать прочную оборону, у немецких оккупантов было более чем достаточно двух ключевых компонентов: времени и цемента. В наиболее сильных опорных пунктах на горе Сахарная голова и в районе цементного завода «Октябрь» они оборудовали по 36 дзотов и по 18 дотов. Прорвать такую оборону было непросто. Вся тяжесть наземной операции легла на плечи бойцов и командиров 318-й и 55-й стрелковых дивизий, 290-го полка НКВД, 255-й бригады морской пехоты и 393-го отдельного батальона морской пехоты.

Два батальона 1339-го полка 318-й стрелковой дивизии под командованием майора Леженина высадились в составе группы номер три морского десанта в районе электростанции и пристани Импортная. Прямо в районе порта, на набережной имени Ленина, в двух- и трёхэтажных домах гитлеровцы оборудовали опорные пункты. Из них по десантникам вёлся ураганный огонь из пулемётов и артиллерии.

Пять дней шли тяжёлые бои на улицах города. 15 сентября с небольшой группой подкрепления, с танком и самоходной пушкой майор Леженин подошёл на помощь передовому отряду первого батальона. Вместе с другими командирами поднялся на второй этаж дома, где находился наблюдательный пункт. Как оказалось, за наблюдательным пунктом наблюдали немцы. Произошло прямое попадание одного из сотен тысяч взорвавшихся в Новороссийске снарядов. Многие офицеры были ранены и контужены, но живы. Только одного человека слепая судьба не пощадила. Алексей Иванович Леженин получил тяжёлое ранение в голову и на следующий день, не приходя в сознание, скончался. Через несколько часов город-порт и город-герой Новороссийск был полностью освобождён от врага.

Перевёрткин Семён Никифорович

(21 июля 1905 — 17 мая 1961)

Родился в селе Анна Воронежской области. В 1918 году его отец и 17-летняя старшая сестра были расстреляны белогвардейцами на станции Таловая.

Командир 79-го стрелкового корпуса, воины которого штурмом овладели Рейхстагом и водрузили на нём Знамя Победы. Герой Советского Союза.

улица Перевёрткина (г. Воронеж)

Простое везение

Офицеру Красной армии повезло: он услышал то, что мечтали услышать сотни миллионов людей во всём мире. Это мечтали услышать испанцы-республиканцы, три года сражавшиеся за свободную Испанию с регулярными войсками каудильо Франко и фашистами, которые его поддерживали. Это мечтали услышать англичане, когда с сентября 1940-го по май 1941 года немецкая авиация днём и ночью бомбила их крупные города: Лондон, Манчестер, Ливерпуль, Бирмингем, Шеффилд и особенно Ковентри: 450 бомбардировщиков за 11 часов непрерывного кошмара сожгли и сравняли город с землёй. Это мечтали услышать смирившиеся чехи, когда немецкая армия торжественным маршем почти без сопротивления въехала на территорию их страны. Об этом мечтали жители голландского Роттердама, когда немецкие бомбы убили 30 тысяч человек и разрушили весь центр города. Об этом мечтали поляки, которых фашисты, как и всех славян, считали низшей расой, предназначенной для обращения в рабство и уничтожения. Об этом мечтали евреи,

которым нацисты не оставили выбора даже между рабством и уничтожением. Об этом мечтали свободолюбивые французы, которые смогли сопротивляться гитлеровским войскам всего 43 дня, а потом, униженные, подняли руки вверх и приветствовали своих вечных врагов немцев в Париже. Простые американцы, трудолюбиво в три смены выпускающие военную технику, необходимую для борьбы с фашизмом, тоже мечтали об этом. В то время как руководители их страны неторопливо, в течение трёх лет, принимали решение об открытии второго фронта в помощь Советскому Союзу, в одиночку сражавшемуся и побеждавшему фашистского монстра. Это мечтали услышать миллионы узников концлагерей, измождённых от голода и болезней, превращённых фашистами в полуживотных, в материал для издевательств и бесчеловечных медицинских опытов, в дым из газовых печей.

Об этом мечтал каждый гражданин Советского Союза, страны, которая победила фашизм. И которая заплатила за эту победу самую страшную цену. Это мечтал услышать русский лётчик, который принял решение не выпрыгивать из горящего самолёта и направил его на бензовоз врага. И когда до цистерны оставалось не больше десяти метров, лётчик не думал, что через мгновенье умрёт, он радовался, что не промахнулся своим уже непослушным штурвалу самолётом, не врезался в землю в двадцати метрах от цистерн, а сумел направить его точно в цель, и так, с этой радостью в сердце, и исчез во взрыве. Это мечтал услышать восемнадцатилетний боец из уральского села, которому в Сталинграде фашистский танк раздавил половину туловища, а другая, целая половина продолжала стрелять, пока не кончились патроны и кровь. Об этом мечтала белорусская девушка, загнанная фашистами в амбар вместе со всей семьёй и односельчанами, когда она услышала треск огня, дым изо всех щелей повалил внутрь амбара и стало нечем дышать. Об этом мечтал седой старик, не дождавшийся с фронта трёх своих сыновей и пятерых внуков и сам каждый день в мыслях своих уходивший на фронт. Мечтала об этом и та мать из Курска, которая ещё тридцать лет после войны ждала своего без вести пропавшего сына. Мечтала об этом, пока могла мечтать, жена директора Малышевской сельской школы, на глазах которой фашисты повесили сначала сына, потом мужа, а её саму уже можно было не вешать — она сошла с ума. Мечтал танкист, один из экипажа оставшийся в живых в подбитом танке, продолжавший вести огонь по фа-

шистам и уничтоживший семь единиц немецкой бронетехники. По шестой и седьмой стрелявший уже после того, как танк подожгли, и он горел, и температура внутри стала такая, что человек уже не может выдержать, а он выдержал, и посылал снаряд в ствол обожженными руками, и прицеливался, глядя в панораму ничего не видящими глазами, и стрелял наугад, пока не упал на днище танка и не сгорел. Мечтал 14-летний куйбышевский паренёк, который работал на станке, вытачивая детали для самолётов, а после двух суток работы заснул на рабочем месте и потерял кисть левой руки. А через две недели сбежал из госпиталя и вернулся на завод, чтобы снова вытачивать детали для самолётов. Мечтала девочка из блокадного Ленинграда, мама которой сварила суп из обойного клея и звала её обедать, и равнодушно ела этот суп, уже не понимая, почему девочка не идёт. Мечтал услышать это деревенский почтальон. Мечтал каждый раз, когда, отводя глаза, протягивал ещё одной матери похоронку. И та брала её, ещё не веря, ещё надеясь, что это ошибка, что почтальон сейчас возьмёт у неё из рук это проклятое письмо, положит его обратно в сумку и всё будет как прежде. Это мечтала услышать новосибирская медсестра, которая в одном бою вытащила из-под обстрела трёх раненых солдат, а когда ползла за четвёртым, ей осколками перебило обе ноги. Но она всё равно продолжала ползти за раненым, толкая своё тело вперёд одними руками, чтобы если не вытащить раненого, так хоть перевязать его. Мечтал об этом военный хирург из Таганрога: он провёл сегодня четырнадцать часов за столом, спас три жизни, а эту молодую жизнь раненного осколком в живот противотанкиста, шептавшего пересохшими губами: «Мама, мамочка», спасти не успел. И подводники, лодку которых после атаки на немецкий транспорт повредило глубинной бомбой и она уже не могла всплыть, тоже мечтали об этом, когда писали последние письма своим родным и любимым. Письма, которым суждено навсегда остаться непрочитанными на дне моря. Об этом мечтали белорусские женщины, которых немцы заставляли руками разминировать минные поля. Этих женщин потом легко было узнавать в госпиталях: обе руки у них были перебинтованы окровавленными бинтами и короче, чем у остальных людей. Об этом мечтали советские солдаты, врачи и медсёстры, которые во время зимнего наступления под Сталинградом освобождали брошенный немцами лагерь военнопленных и которым, чтобы спасти чудом оставшихся в живых, приходилось идти по мёртвым. Идти по льду,

под которым замёрзли наши военнопленные: видеть их, наступать на них, проклинать войну. Об этом мечтали мужчины, которые во время эвакуации из Ленинграда посадили в последнюю уходящую полуторку женщин и детей, а сами остались. И на глазах у которых эту полуторку прямым попаданием взорвала немецкая бомба. Мечтали об этом и солдаты, освобождавшие наши города. У которых радость от того, что ещё один город свободен от фашистов, смешивалась со страхом: а вдруг и здесь тоже? Вдруг и в этом городе они обнаружат массовое захоронение расстрелянных мирных жителей? И придётся стоять на краю оврага и смотреть немигающими глазами на тела убитых женщин, стариков и детей. И болеть от ненависти.

И вся эта бескрайняя, насквозь пропитанная болью, горем, страданиями, кровью и слезами мечта досталась сейчас нескольким офицерам Красной армии и в их числе генерал-майору Перевёрткину Семёну Никифоровичу. Он не делал для этого ничего особенного. Просто честно воевал с самого начала до самого конца войны. Был начальником штаба дивизии, начальником оперативного отдела штаба армии, командиром дивизии, а с мая 1944 года — командиром 79-го стрелкового корпуса. Держался до последнего, обороняясь на Витебском направлении и под Смоленском, участвовал в битве за Москву и Ржевско-Вяземской наступательной операции. В должности командира стрелковой дивизии наступал под Невелем и Ленинградом. Успешно командовал стрелковым корпусом в ходе Белорусской, Прибалтийской и Висло-Одерской операций. Проявил исключительное мужество и воинское мастерство в Берлинской операции. Это дивизии его 79-го стрелкового корпуса первыми ворвались в центр Берлина, в жестоких боях за каждый дом рассекли фашистскую группировку и штурмом взяли Рейхстаг. Это он, генерал Перевёрткин, во время доклада начальника контрразведки его корпуса подполковника Клименко первым услышал слова, которые мечтали услышать сотни миллионов людей на нашей планете: «Товарищ генерал-майор, разрешите доложить. Гитлер мёртв».

Санников Андрей

(1930 — 8 июля 1942)

Родился в Воронеже. Пионер. Отец погиб на фронте. Мама погибла при бомбёжке. Во время эвакуации остался в Воронеже мстить фашистам за родителей.

переулок Андрюши Санникова (г. Воронеж)

Страшная быль

— Дедушка, расскажи страшную сказку, — попросила внучка, ложась спать.

— Конечно, — зевнул дедушка, — мне же больше нечего делать, кроме как внучку перед сном пугать. Не расскажу.

— Не бойся, дедушка. Я не испугаюсь. Мама с папой говорят: «Ты у нас смелая. Вся в дедушку».

— Ну хорошо, — растаял дедушка, — слушай. Жила-была девочка. И вот говорит ей мама: «У нас бабушка заболела. Отнеси ей покушать. А пойдёшь ты через лес, в котором под каждым кустом волк сидит».

— Ой, дедушка, перестань. Это же сказка про Красную Шапочку, она совсем не страшная. Подумаешь, волк съел бабушку и внучку. Потом охотники их всё равно вытащили.

— Я понял, что тебе нужно, — улыбается дедушка, — сейчас будет такая страшная сказка. В чёрной-чёрной комнате стоял чёрный-чёрный стол...

— А рядом с ним чёрный-чёрный стул. Дедушка, такими историями ты можешь напугать только бабушку.

— Что же тогда? — задумался дедушка. — Хорошо. Я расскажу тебе о том, что случилось на самом деле. Слушай. Жил-был мальчик. Он был пионер.

— Дедушка, а кто это — пионер?

— Пионер — всем ребятам пример. И вот у этого мальчика во время

войны на фронте погиб отец. Мама ничего не говорила ему об этом. Жалела. Боялась сказать. Но мальчик случайно нашёл похоронное извещение и понял: папы у него больше нет. После этого мальчик не спал. Плакал. Ворочался. Вставал, подходил к окну и смотрел в ночь. Думал, как он отомстит фашистам за отца. А когда придумал, то стал внутри твёрдый, как броня.

Потом фронт пришёл в их город. Начались жестокие бомбёжки и артиллерийские обстрелы. Жителей эвакуировали. Мальчик уезжал на грузовой машине полуторке вместе с мамой, учительницей Ниной Ивановной и другими. Он уже всё для себя решил. И как только машина тронулась с места — рванулся, перекинулся через задний борт и спрыгнул.

— Андрюша, стой! — закричала мать. — Ты куда, сынок?

— Мама, я остаюсь! — крикнул в ответ мальчик. — Так надо!

Машина уже набрала скорость, и прыгать с неё маме было опасно. Но она всё равно бросилась к заднему борту. Учительница Нина Ивановна и другие женщины удержали её:

— Не прыгай! Разобьёшься! Нужно остановить машину.

И они стали изо всех сил колотить по крыше кабины.

— Останови, водитель! Останови! Ребёнка забыли!

Но водитель их не услышал. Крики женщин утонули в наводящем ужас вое двух бомбардировщиков «Юнкерс-87». Немецкие асы хорошо видели, что внизу не танки и не грузовики с боеприпасами, а машины с женщинами и детьми. Одна бомба попала в полуторку, пассажирки которой кричали водителю: «Остановись! Ребёнка забыли!»

«Юнкерсы» улетели. Мальчик чудом остался жив. Сквозь туман слёз он смотрел на то место, где только что был грузовик с мамой. Большое горе навсегда поселилось в его маленьком сердце.

Две недели мальчик вёл ночную жизнь. Обшаривал убитых немцев — искал оружие. Три немецких автомата, магазины к ним и несколько гранат сложил в укромном месте. Поближе к врагам, на правом берегу реки Воронеж: там, где улица 20-летия Октября переходит в дамбу. Мальчик переждал в укрытии ночь. А утром увидел фашистов. Их было полвзвода. Сытые, только после завтрака. Довольные, ведь скоро закончится эта временная задержка с упрямыми русскими, и они победят, как во всей Европе. Что-то верещат на своём языке. Вас вирст ду махен ганс нахдем вир руссише швайне гевинен? Фарен ихь

ауф дем октоберфест тринке бир унд вюрст цу эссен. Бис цум грюнст ду, хехехе!

«Так же говорили, — с ненавистью подумал мальчик, — когда убивали папу и маму».

И ударил первой автоматной очередью. Фашисты, в которых он попал, стояли, прижав руки к пробитым пулями местам, и медленно, неохотно клонились к земле. Словно понимали, что им теперь от неё никуда не деться. Мальчик врезал по ним ещё одной очередью. И ещё. Патроны кончились, и он взял другой автомат. Теперь стрелял по тем, кто успел залечь. Но не мог попасть. У немецкого МР-40 «Шмайсер» сильная отдача, задирает вверх. Особенно в некрепких руках ребёнка. Пули летели много выше. Немцы были опытные солдаты и сразу поняли: здесь что-то не так. Они стали ползком окружать источник огня. Мальчик дал очередь, но автомат не стрелял. Был у этих немецких автоматов ещё один недостаток — слабая пружина в магазине. Если из автомата не стрелять несколько дней, пружина ослабевает и не выталкивает патрон. Но мальчик этого не знал. Он подумал, что делает что-то не так, и взял гранату. Немецкую М-24 с длинной деревянной ручкой. «Колотушка» — так называли её наши солдаты. Открутил крышку в конце ручки. Выпала верёвка с фарфоровым шариком на конце, теперь за неё нужно было резко дёрнуть. У мальчика это плохо получалось, поэтому не все гранаты взорвались. Да и те, которые взорвались, всё равно не долетели до цели — слишком слаб был мальчик. В это время немцы заползли с тыла и дали несколько очередей. Попасть в спину было нетрудно. Так смертью героя погиб двенадцатилетний воронежский пионер Андрюша Санников.

На этом дед закончил свой рассказ и сидел, о чём-то глубоко задумавшись.

— Дедушка, побудь со мной, я боюсь одна спать.

— Чего же ты боишься, милая?

— Мне страшно. Я думаю: а вдруг эти фашисты опять вернутся?

Библиография

1. Наградные листы — электронный банк документов «Подвиг народа»
2. Чулков Н.А. «История края в лицах» (Фоломеев)
3. Борисов А. Нюрнбергский процесс, сборник документов. Приложение 55. Журнал боевых действии 310-го полицейского батальона, документ СССР-119 (Фаломеев)
4. Архипов В.С. «Время танковых атак» (Шендриков, Богачев)
5. Руссиянов И.Н. «В боях рожденная» (Вайцеховский, Лишенко)
6. Ефремов Э.П. «И шли мальчишки по минному полю» (Седов)
7. Давыдков В.И. «Анализ Курской битвы» (Чеботарёв)
8. Барминский В.В. «Мужали в боях» (Мамкин)
9. Сергеенко М.М. «Память сердца» (Куколкин)
10. Бешанов В.В. «Ленинградская оборона» (Шумейко)
11. Абрамов Е.П. «Подвиг морской пехоты. «Стой насмерть!» (Шумейко)
12. Сдвижков И.Ю. «Тайна гибели генерала Лизюкова» (Лизюков)
13. Журнал посещений Сталина (Лизюков)
14. Симонов К.М. «Разные дни войны» (Лизюков)
15. Афанасьев И.Н. «Победы сорок первого года. Солдатская судьба командарма А.И. Лизюкова»
16. Иноземцев И.Г. «В небе Заполярья и Карелии» (Небольсин)
17. Каменская средняя школа № 1 «Полвека с именем героя» (Захарченко)
18. Раткин В.М. «Герой Советского Союза Анатолий Иванович Пушкин» (Зеленко)
19. Феоктистов К.П. «Траектория жизни»
20. Исторический альманах «Шахта-Багерово», музей школы № 28, г. Керчь, Республика Крым (Паринов)
21. Бешанов В.В. «Танковый погром 1941 года» (Крейзер)
22. Мирский М.Б. «Главный хирург Н. Н. Бурденко»
23. Серебрякова Л.А. «Мастер танковых ударов» (Серебряков)
24. Диденко Н.Г. «Музыка, помогавшая побеждать» (Лишенко)
25. Юновидов А.С. «Десанты 1941 года» (Попков)
26. Соловьев Л. «Рыжий доктор» (Путилин)
27. Зильбер Л.А. «Записки военного врача» (Колчигин)

28. Лаппо Д.Д. «Гвардии генерал-лейтенант» (Колчигин)
29. Брусилов А.И. «Воспоминания» (Колчигин)
30. Материал газеты «Вперёд» Пустошкинского района (Колчигин)
31. Воспоминания Нины Рубцовой, из коллекции музея «Чижовка» школы № 12 г. Воронежа Мухина)
32. Крылов А.И. «По приказу Ставки» (Иванов)
33. Стогин Н.Я. «Илы над Берлином» (Иванов)
34. Объедков А.Ю. «Кубанев Василий. Гражданин. Поэт. Учитель»
35. Трайнин П.А. «Солдатское поле»
36. Кислицын Н.Г. «Ленинград не сдается» (Одинцов)
37. Жданов Н.Н. «Огневой щит Ленинграда» (Одинцов)
38. Власов С. «Ненаписанная повесть» (Коваленко)
39. Кулаев И.С. «Московский университет в дни войны» (Коваленко)
40. Колмаков А.М. «Эпопея Великой войны» (Коваленко)
41. Материал Нижнедевицкого краеведческого музея (Коваленко)
42. Смирнов Н.А. «Слово о боевом друге» (Артамонов)
43. Гончаров Ю.Д. «Теперь — безымянные» (Остроухов)
44. Бережной И.И. «Записки разведчика» (Стрелюк)
45. Буравкин В.А. «Новороссийская трагедия» (Леженин)
46. Брюхов В.П. «Бронебойным, огонь!»
47. Барятинский М.Б. «Советские танковые асы»
48. Рытов А.Г. «Рыцари пятого океана»
49. Журналы боевых действий
50. Материалы сайтов: Память народа, Герои страны, Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, Военная литература, Военно-политическое обозрение, Воронежский Добровольческий Коммунистический полк, «Холм на Ловати» Людмилы Пимановой.

Виталий Будённый

Улицы воинской славы

Иллюстрации — А. Петрова, архивные фото

Выражаем благодарность сотрудникам МБУК ЦВПВ «Музей-диорама»
Титоренко Николаю Никифоровичу, Фурсовой Наталье Ивановне,
Горобец Василию Петровичу.

Книга подготовлена Издательским домом «Свободная пресса».
394049, г. Воронеж, ул. Лидии Рябцевой, д. 54, тел. +7 (473) 252-14-77.
www.moe-online.ru.